

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС ВОЛГОГРАД

ISSN 2782-5531

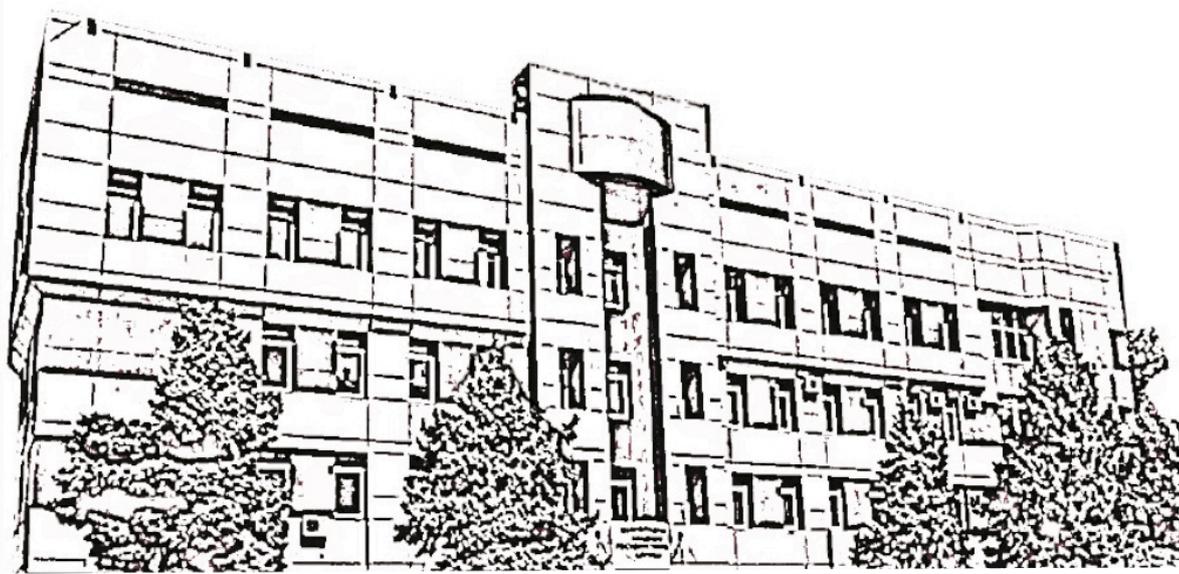
П

ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Научный журнал Волгоградского института управления

PARADIGMS OF MANAGEMENT, ECONOMICS AND LAW

№4(14)
2024
23.12.2024

№4(14) 2024

ДАТА ВЫХОДА В СВЕТ
23 декабря 2024 года
RELEASE DATE:
December 23, 2024

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС ВОЛГОГРАД

Сетевое издание

Online publication

**ПАРАДИГМЫ
УПРАВЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИКИ
И ПРАВА**

**PARADIGMS
OF MANAGEMENT,
ECONOMICS
AND LAW**

Средство массовой информации зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационный номер:
серия ЭЛ № ФС 77-78424
от 15 июня 2020 г.

Международный индекс журнала
ISSN 2782-5531

The media outlet is registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Media
(Roskomnadzor).

Registration number:
ЭЛ series no. ФС 77-78424
of June 15, 2020

International Standard Serial Number of the Journal
ISSN 2782-5531

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

FOUNDER:

Federal State Federal-Funded Educational Institution
of Higher Education
«Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration»

Главный редактор

Бардаков А. И.

Editor-in-Chief

Aleksey I. Bardakov

Адрес редакции:

400066, Волгоградская обл. г. Волгоград,
ул. им. Гагарина, д. 8
Тел.: (8442) 72-68-46;
e-mail: paradigm-vlgr@ranepa.ru
<http://paradigmy34.ru/>

Editorial Office Address:

400066, Volgograd region, Volgograd,
Gagarin Street Campus, building 8
Tel.: (8442) 72-68-46;
e-mail: paradigm-vlgr@ranepa.ru
<http://paradigmy34.ru/>

Издательство: Издательско-полиграфический центр
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2024

Publishing House: Publishing and Printing Center
of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, 2024

Главный редактор

Бардаков Алексей Иванович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Заместители:

Соколов Алексей Алексеевич – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (управление), г. Волгоград, Россия

Чумакова Екатерина Александровна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (экономика), г. Волгоград, Россия

Миронова Светлана Михайловна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (право), г. Волгоград, Россия

Редакционный совет журнала:

Мостафа Мохамед Эльсаед АльМоатассемБеллах – Университет Мансуры, Мансура, Египет

Кечина Евгения Аркадьевна – Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Кублин Игорь Михайлович – Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина, г. Саратов, Россия

Панкратов Сергей Анатольевич – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Поцелуев Сергей Петрович – Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Яхьяев Мухтар Яхьяевич – Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Редакторы перевода:

Семикина Юлия Геннадьевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Гуляева Евгения Вячеславовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Editor-in-Chief

Alexey I. Bardakov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Deputy Editors-in-Chief:

Alexey A. Sokolov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Management), Volgograd, Russia

Ekaterina A. Chumakova – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Economics), Volgograd, Russia

Svetlana M. Mironova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa(Law), Volgograd, Russia

Editorial Board:

Mostafa Mohamed Elsayed AlMoatassemeBellah – Mansoura University, Mansoura, Egypt

Evgenia A. Kechina – Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Igor M. Kublin – Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia

Sergey A. Pankratov – Volgograd State University, Volgograd, Russia

Sergey P. Potseluev – Southern Federal University (SFU), Rostov-on-Don, Russia

Mukhtar Y. Yahyaev – Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Translation Editors:

Yulia G. Semikina – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Evgeniya V. Gulyaeva – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Редакционная коллегия журнала:

- Али-заде Айдын Ариф оглы** – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан
- Алмосов Александр Павлович** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Анисимов Алексей Павлович** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Аширбекова Мадина Таукеновна** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Баранов Андрей Владимирович** – Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
- Барсукова Татьяна Ивановна** – Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия
- Болтанова Елена Сергеевна** – Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия
- Брехова Юлия Викторовна** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Ван Цзиньлин** – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР
- Гурбанов Физули Магомед оглы** – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан
- Дроздова Юлия Алексеевна** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Иванова Татьяна Борисовна** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Ишмухамедов Шарип Абдрахманович** – Университет Туран, г. Алматы, Казахстан
- Карипов Балташ Нурмухамбетович** – Кокшетауский университет имени Шокана Уалиханова, г. Кокшетау, Республика Казахстан
- Климук Владимир Владимирович** – Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь
- Лю Янь** – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР
- Максимова Ирина Васильевна** – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия
- Маслова Надежда Валентиновна** – Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, г. Санкт-Петербург, Россия
- Марусинина Елена Юрьевна** – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия
- Рагозина Татьяна Эдуардовна** – Донецкий национальный технический университет, г. Донецк, Россия
- Столярова Алла Николаевна** – Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия
- Талипова Нигора Тулкуновна** – Ташкентский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова, г. Ташкент, Республика Узбекистан
- Устюкова Валентина Владимировна** – Институт государства и права РАН, г. Москва, Россия

Editorial Council:

- Aydin A. Alizade** – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan
- Alexander P. Almosov** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Aleksei P. Anisimov** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Madina T. Ashirbekova** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Andrey V. Baranov** – Kuban State University, Krasnodar, Russia
- Tatyana I. Barsukova** – North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
- Elena S. Boltanova** – National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
- Yulia V. Brekhova** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Wang Jinling** – Changchun University, Changchun, China
- Fuzuli M. Gurbanov** – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan
- Yulia A. Drozdova** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Tatyana B. Ivanova** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Sharip A. Ishmukhamedov** – Turan University, Almaty, Kazakhstan
- Baltash N. Karipov** – Shoqan Ualikhanov Kokshetau State University, Kokshetau, Republic of Kazakhstan
- Vladimir V. Klimuk** – Baranavichy State University, Baranavichy, Republic of Belarus
- Liu Yan** – Changchun University, Changchun, China
- Irina V. Maksimova** – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia
- Nadezhda V. Maslova** – Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint Petersburg, Russia
- Elena Yu. Marusinina** – Volgograd State University, Volgograd, Russia
- Tatyana E. Ragozina** – Donetsk National Technical University, Donetsk, Russia
- Alla N. Stolyarova** – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
- Nigora T. Talipova** – Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Tashkent, Republic of Uzbekistan
- Valentina V. Ustyukova** – Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

THE CONTENT

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

**Нин Ван, Янь Лю, Энци Лу,
Сяоян Чанг, На Ли**
Оценка возможностей предоставления
услуг по уходу за пожилыми людьми..... 7

**Ning Wang, Yan Liu, Enqi Lu,
Xiaoyang Chang, Na Li**
Evaluation of the supply capacity
of elderly care service..... 7

Морозов С. И., Гаспарян Э. Г.
Субъектность семьи и
трансляция традиционных ценностей
в контексте избирательных процессов
в РФ..... 18

Morozov S. I., Gasparyan E. G.
The subjectivity of the family
and the translation of traditional values
in the context of electoral processes
in the Russian Federation..... 18

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Болдина М. Ю.
Экологически ответственный образ жизни
современного горожанина: теоретическая
модель и ее практическое воплощение
(опыт социологического анализа
на примере Волгограда)..... 29

Boldina M. Yu.
Environmentally responsible lifestyle of a
modern city dweller: theoretical model and
its practical implementation (experience
of sociological analysis on the example
of Volgograd)..... 29

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

REGIONAL ECONOMY

Сошин Н. А., Максимова И. В.
Актуальные направления исследования
ипотечного жилищного кредитования
как фактора социально-экономического
развития в регионах
Российской Федерации..... 46

Soshin N. A., Maksimova I. V.
Current research areas of mortgage
housing lending as a factor of social
and economic development
in the regions of the Russian
Federation..... 46

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

WORLD ECONOMY

Талипова Н. Т.
Экологическая модернизация экономики:
азиатский путь к устойчивости..... 61

Talipova N. T.
Ecological modernization of the economy:
the Asian path to sustainability..... 61

ПРАВО**LAW****ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ****PUBLIC LAW SCIENCES****Садчиков М. Н.**

Налогообложение цифровых платформ.... 73

Sadchikov M. N.

Taxation of digital platforms..... 73

Миронова С. М.Цифровые платформы и трансформация
правового регулирования: обзор
международной научно-практической
конференции..... 81**Mironova S. M.**Digital platforms and transformation
of legal regulation: review
of the international scientific and practical
conference..... 81**ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ****PRIVATE LAW SCIENCES****Слеженков В. В.**Цифровая трансформация
альтернативного разрешения споров
в странах БРИКС: опыт Бразилии
и возможности его актуализации..... 89**Slezhenkov V. V.**Digital transformation of alternative dis-
pute resolution in the BRICS countries:
the Brazilian experience and possibilities
for its actualization..... 89**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ****CRIMINAL LAW SCIENCES****Сарсенгалиев С. С.**К вопросу об исследовании новых
доказательств в суде апелляционной
инстанции..... 96**Sarsengaliev S. S.**To the issue of research of new
evidence in the court of appeal
instance..... 96

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

УДК 369.04(510)

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ УСЛУГ ПО УХОДУ ЗА ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ*

Нин Ван, Янь Лю, Энци Лу, Сяоян Чанг, На Ли
Школа менеджмента, Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай

* Исследовательская база цифрового бизнес-образования в провинции Цзилинь, Чанчунь, 130022.

Фонд: Исследование о наращивании потенциала служб по уходу за пожилыми людьми в провинции Цзилинь (SKZXZ202308); Исследование об инновациях и развитии интеллектуальной пенсионной индустрии в условиях цифровизации (SKZXZ202305); Исследование о готовности сельских пожилых жителей провинции Цзилинь выбирать режим обслуживания по уходу за пожилыми людьми и влияющих на это факторах (SKZXY202359).

Аннотация. Введение. По мере старения населения во всем мире растет спрос на услуги по уходу за пожилыми людьми. В настоящем документе разработана комплексная система показателей оценки, основанная на трех аспектах: экономической безопасности, социальной защищенности и безопасности услуг.

Методология и методы. Используется метод энтропийного взвешивания с использованием TOPSIS для оценки возможностей предоставления услуг по уходу за пожилыми людьми на основе данных по Китаю.

Анализ. Результаты показывают, что провинции Цзянсу и Чжэцзян обладают мощным потенциалом для предоставления услуг пожилым людям. Экономически развитые провинции преуспевают в медицинском обслуживании и уходе за пожилыми людьми, а также в финансовой поддержке. Западным провинциям необходимо улучшить свои ресурсы по уходу за пожилыми людьми и повысить уровень обслуживания.

Выводы. Необходимо разработать дифференцированную политику в области ухода за пожилыми людьми с учетом особенностей различных регионов, укрепить учреждения по уходу за пожилыми людьми и повысить потенциал служб по уходу за пожилыми людьми, чтобы отвечать вызовам стареющего общества.

Ключевые слова: служба по уходу за пожилыми людьми; система показателей оценки; энтропийный вес – метод TOPSIS.

UDC 369.04(510)

EVALUATION OF THE SUPPLY CAPACITY OF ELDERLY CARE SERVICE*

Ning Wang, Yan Liu, Enqi Lu, Xiaoyang Chang, Na Li

School of Management, Changchun University, Changchun, China

* Research Base of Digital Business Education in Jilin Province, Changchun 130022.

Fund: Research on the construction elderly care service capacity in Jilin Province (SKZXZ202308); Research on the innovation and development of intelligent pension industry under the background of digitalization (SKZXZ202305); Study on the willingness to choose the elderly care service mode and influencing factors of rural elderly residents in Jilin Province (SKZXY202359).

Abstract. Introduction. As the global population ages, there is a growing demand for elderly care service. This paper develops a comprehensive system of assessment indicators based on three dimensions: economic security, social security and service security.

Methodology and methods. The TOPSIS method is used to assess the availability of care services for older people based on data related to China.

Analysis. The results show that Jiangsu and Zhejiang provinces have strong capacity to provide services for the elderly. Economically developed provinces do well in medical and elderly care services and financial support. Western provinces need to improve their elderly care resources and service levels.

Conclusions. It is necessary to develop differentiated elderly care policies tailored to different regions, strengthen elderly care institutions and enhance the capacity of elderly care services to meet the challenges of an ageing society.

Keywords: elderly care service; evaluation indicator system; entropy weight TOPSIS method.

Introduction

With the aging of the global population, the supply capacity of elderly care service has become a key indicator to measure the level of social security. With the rapid growth of the number of elderly people and the change of the family structure, the demand for elderly care service is increasingly diversified and personalized, which poses a challenge to the supply capacity of elderly care service. At present, the supply of elderly care service in some countries is faced with problems such as uneven distribution of resources, uneven service quality and mismatch between supply and demand, which not only restricts the development of elderly care service, but also affects the happiness and satisfaction of the elderly. Therefore, the scientific and comprehensive evaluation of the supply capacity of elderly care service and the proposal of effective improvement measures have become an important topic to be solved in the field of social security.

In the field of service quality evaluation research, scholars have carried out an in-depth discussion and analysis on the challenges and deficiencies of the service quality evaluation index sys-

tem of elderly care institutions. He (2016) proposed many problems such as the institutional barriers, the imbalance of rights, responsibilities and interests, and the lack of supervision faced by social organizations in the process of participating in the supply of elderly care service [1]. Tian et al. (2017) further pointed out that when information technology is embedded in elderly care service, it caused a series of supply problems due to the lack of coordination services [2]. Liu et al. (2020) made a profound analysis of the deficiencies of the current index system through a systematic review, and believed that there was an obvious lack of indicators and the diversity of evaluation methods [3]. On this basis, Li et al. (2024), from the perspective of healthy aging, proposed the shortcomings of the embedded combination of medical care in the connection between medical care and elderly care service [4].

To meet the above challenges, scholars have widely adopted a variety of methods and models for in-depth research. They not only constructed the evaluation index system based on the theoretical frameworks such as PZB model [5], Servqual model [6-7], DPSIR model [8], SERVPERF model [9] and 5A model [10], but also used expert interview method [11], fuzzy comprehensive evaluation method [6], qualitative interview method^[7], rank sum ratio method [12], semi-structured interview method [13-14], hierarchical analysis method^[15-16], decision laboratory method [8], and other methods. It provides a solid methodological foundation for the evaluation of elderly care service quality.

On this basis, the scholars further adopt RAM revised three stage DEA model, build the multi-dimensional index system, the elderly care service efficiency [17], supply and demand [18], regional differences [19]. For example, the research of Liu. et al. (2020) revealed that the service efficiency of elderly care service institutions showed a different trend of different regions [17]. In addition, the study of Kui (2022) provided a new perspective on the coupling of supply and demand, indicating that the coupling of health and elderly care service in various provinces of China shows a downward trend, and there are significant regional differences [18]. The study of Jiao et al. (2022) further pointed out that there are significant differences in the comprehensive efficiency of elderly care service in different cities [19]. Zhang et al. (2024) focus on the difference in the quality of combined medical care services between public and private elderly care institutions. Research showed that this difference is significant, which is of great significance for promoting the balanced development of elderly care service [20]. The study of Shi et al. (2024) comprehensively evaluated the high-quality development level of elderly care service, and revealed the development level of each province [21].

In the study of influencing factors, scholars have also conducted in-depth exploration. They used tools such as BCC and SBM, Tobit model [22], Super-SBM DEA method [23], to conduct evaluation of elderly residents. The study of Chen et al. (2021) found that factors such as the nature of public institutions and urban area background played a key role in improving the efficiency of combined medical and nursing institutions [22]. Li (2022) pointed out that the level of urbanization had a positive impact on the efficiency of the financial expenditure of elderly care service, while the financial self-sufficiency and social elderly care service resources had a negative effect on them [23]. In addition, Zhu et al. (2022) also deeply discussed the impact of the age, self-care capacity and other characteristics of the middle and low-income elderly people on the quality of affordable community elderly care service, which provided an important reference for optimizing elderly care service [24]. These research results not only deepen our understanding of the current sit-

uation of elderly care service, but also provide rich data support and a solid theoretical basis for predicting the future development trend.

Although there are a lot of researches related to elderly care service, there are little studies focused on the supply capacity evaluation of elderly care service. This paper takes different provinces in China as example to evaluate the supply capacity to expanding on existing research.

2. DATA AND METHODS

(1) Study data

According to the “2023 National Bulletin on the Development of the Elderly Program”, by the end of 2023, there were 296.97 million elderly people aged 60 and above in China, accounting for 21.1 % of the total population. This marks that China has officially entered a “moderately aging” society. So we choose the data from China. 2018 is a key year in the aging process of China’s population, when China’s elderly population surpassed the young population for the first time. This makes the provinces increase their investment in the supply of elderly care service. This year not only reflects the major changes in China’s population structure, but also reflects the important direction of policy reform in the field of elderly care service. Therefore, the province data in 2018 were selected for research. The data are from 31 provinces, autonomous regions, and municipalities directly under the central government of China are studied, Hong Kong Special Administrative Regions of China, Macao Special Administrative Regions of China, and Taiwan Province of China are excluded from the study due to data availability. The data are from China Civil Affairs Statistical Yearbook, China Labor Statistics Yearbook, China Health Statistics Yearbook and National Statistical Yearbook.

(2) Study Methods

① Selection of indicator evaluation

Driven by the aging of the population and the elderly care problems, scholars have constructed the evaluation system of elderly care service supply capacity. Zhang (2011) believed that the insufficient investment in elderly care service was an important reason [25]. Yang (2020) believed that in addition to economic support, medical care and social services, dimensions also had an important impact on the supply capacity of elderly care service. Based on the analysis above, economic security capacity, social security capacity and service security capacity are selected as the first-level indicators in this paper, because these dimensions can fully cover the core needs of elderly care service. The economic security capacity reflects the financial support of the elderly care service and is the basis of the sustainable development of the elderly care service. Social security capacity measures the health and medical security level of the elderly through the number of medical practitioners and the dependency ratio of the elderly population, which is directly related to the well-being of the elderly. The service guarantee capacity evaluates the actual supply of elderly care service through the number of registered nurses and the utilization rate of hospital beds, so as to ensure that the elderly can obtain the necessary services and care. The evaluation indicator system (shown as table 1) can provide an objective and comprehensive basis for the evaluation of elderly care service capacity.

Table 1 Comprehensive evaluation index of elderly care service supply capacity

Level 1 indicators	Level 2 indicators	
Service guarantee capacity A	Number of medical practitioners (ten thousand)	A1
	The dependency ratio of the elderly population (population sample survey) (%)	A2
	Registered nurses (ten thousand)	A3
	Hospital bed utilization rate (%)	A4
	Number of practicing (assistant) physicians (ten thousand persons)	A5
Economic security capacity B	Financial burden on the elderly	B1
	Local financial medical and health care expenditure (100 million yuan)	B2
	Local financial expenditure on urban and rural community affairs (100 million yuan)	B3
	Added value of service industry (100 million yuan)	B4
Social security capacity C	Number of beds in medical and health institutions (ten thousand)	C1
	Social pension insurance fund expenditure (100 million yuan)	C2
	The number of community health service stations	C3
	Number of units of community neighborhood committee	C4
	Community Health service centers	C5
	The number of urban workers participating in the endowment insurance (ten thousand people)	C6

② Evaluation method

The Entropy Weight–TOPSIS method is mainly used to evaluate the elderly supply service capacity. The specific steps are described below as follows [27]:

Establish a data matrix, and normalize the data, m refers to evaluation objects, n refers to evaluation indicator, X_{ij} ($i = 1, 2, 3, \dots, m, j = 1, 2, 3, \dots, n$) refers to the original data. Y_{ij} refers to the processing data as follows.

$$Y_{ij} = \frac{X_{ij} - \min X_{ij}}{\max X_{ij} - \min X_{ij}} \quad (1 \leq i \leq m, \quad 1 \leq j \leq n)$$

Calculate the weight : $P_{ij} = Y_{ij} / \sum_{i=1}^m Y_{ij}$

Calculate the entropy value $H_j = - \frac{1}{\ln m} \sum_{i=1}^m P_{ij} \ln P_{ij}$

Calculate the index weigh $d_j = W_j / \sum_{j=1}^n W_j$

Construct the weighted normalization matrix. $Z_{ij} = P_{ij} * d_j$

Determine the positive ideal solution and the negative ideal solution. The formula is expressed as follows: $Z^+ Z^-$

Positive ideal solution:

$$Z^+ = \max Z_{ij} = \max Z_{1j}, Z_{2j}, \dots, Z_{mj}, \quad j = 1, 2, 3, \dots, n$$

Negative ideal solution:

$$Z^- = \min Z_{ij} = \min Z_{1j}, Z_{2j}, \dots, Z_{mj}, \quad j = 1, 2, 3, \dots, n$$

Calculate the distance between each evaluation object and the positive and negative ideal solution. The closer the distance to the positive ideal solution, and the farther the distance to negative ideal solution, the better the comprehensive results. The formula is:

$$D_i^+ = \sqrt{\sum_{j=1}^n (Z_{ij} - Z_j^+)^2}, \quad D_i^- = \sqrt{\sum_{j=1}^n (Z_{ij} - Z_j^-)^2},$$

among, $i = 1, 2, 3, \dots, m, j = 1, 2, 3, \dots, n$

Calculate the comprehensive evaluation value, and rank the results. The relative closeness

degree is $C_i = \frac{D_i^-}{D_i^+ + D_i^-} C_i, 0 \leq C_i \leq 1$

3. RESULTS

(1) Basic situation

Due to the differences in economic development, the capacity of elderly care service is different. For example, in economically developed provinces such as Jiangsu, Zhejiang and Guangdong, the number of doctors, the number of registered nurses and the number of beds in medical and health institutions are all at a high level, showing strong medical and elderly care service capacity. At the same time, the local financial medical and health expenditure in these provinces is also relatively high, which strongly supports the sustainable development of elderly care service. In contrast, in some western regions, such as Xizang, Qinghai and Ningxia, their resources and service levels need to be improved due to their relatively weak economic foundation. The number of registered nurses and beds in medical and health institutions in these areas are generally small. At the same time, from the perspective of the dependency ratio of the elderly population, Hebei, Liaoning, Shandong and other provinces are relatively high dependency, which means that the pressure of elderly care service in these areas is relatively large. Nevertheless, local efforts are being made to increase local financial health spending and actively respond to the challenge of aging, so as to gradually improve elderly care.

(2) Analysis of the calculation results by entropy method

The elderly care service supply capacity is affected by many key factors. From the perspective of service guarantee capacity index, the quantity and quality of medical personnel are very important. In terms of indicators related to economic security capacity, the added value of the service industry has the highest weight, highlighting the supporting role of the development of the service industry in the elderly care service. At the same time, the local financial expenditure on medical and health care and urban and rural community affairs also plays an important role. In the social security capacity, medical and health institutions and community service center construction and operation is particularly important. In addition, the social security system also plays an important role. The weight of urban and rural residents social endowment insurance fund spending and the number of urban workers to participate in the number of endowment insurance is higher, shown as table 2.

Table 2 Weight

Indicators	Information entropy value	Information utility value	weight coefficient
A1	0.9416	0.0584	6.59 %
A2	0.9920	0.0080	0.90 %
A3	0.9400	0.0600	6.77 %
A4	0.9992	0.0008	0.09 %
A5	0.9391	0.0609	6.86 %
B1	0.9951	0.0049	0.56 %
B2	0.9551	0.0449	5.06 %
B3	0.9309	0.0691	7.80 %
B4	0.9127	0.0873	9.85 %
C1	0.9396	0.0604	6.81 %
C2	0.9156	0.0844	9.52 %
C3	0.8747	0.1253	14.13 %
C4	0.9473	0.0527	5.94 %
C5	0.9078	0.0922	10.40 %
C6	0.9226	0.0774	8.73 %

(3) Closeness degree analysis

The results show that the elderly care service supply capacity of Jiangsu and Zhejiang is relatively outstanding, with their relative closeness degree values as high as 0.633 and 0.704 respectively, which benefits from the significant advantages of the two places in economic, social and population development, and provides higher investment and better quality for the elderly care service. However, Hainan, Qinghai, Ningxia and Xizang are relatively weak. These regions may face multiple challenges such as lagging economic development, increasingly aging population and lack of elderly care service facilities and resources. In terms of positive ideal solution distance, Jiangsu and Zhejiang performed well and had low positive ideal solution distance, which further verified their leading position in elderly care service. In Jilin and Heilongjiang, the overall ranking was not high, indicating that other indicators have an impact on the evaluation results. In terms of negative ideal solution distance, although the negative ideal solution distance of Hainan, Qinghai, Ningxia and Xizang are relatively high, they did not translate into a high ranking of elderly care service capacity, indicating that there is still a large room for improvement in these areas. Finally, the ranking results reflect the relative position of the elderly care service supply capacity in each region, with Jiangsu, Zhejiang, Shandong and Guangdong ranking the top, shown as table 3.

Table 3 TOPSIS evaluation

Item	Positive ideal solution distance	Negative ideal solution distance	Relative closeness degree	Sorting results
Beijing	0.099	0.051	0.342	10
Tianjin	0.128	0.020	0.136	25
Hebei	0.101	0.053	0.342	11
Shanxi	0.122	0.027	0.183	20
Inner Mongolia	0.120	0.028	0.191	17
Liaoning	0.110	0.041	0.271	13
Jilin	0.133	0.019	0.124	26
Heilongjiang	0.128	0.027	0.175	23
Shanghai	0.107	0.057	0.349	9
Jiangsu	0.059	0.102	0.633	2
Zhejiang	0.049	0.117	0.704	1
Anhui	0.097	0.053	0.352	8
Fujian	0.121	0.030	0.201	15
Jiangxi	0.124	0.028	0.184	19
Shandong	0.070	0.092	0.567	4
Henan	0.091	0.071	0.436	5
Hubei	0.102	0.062	0.379	7
Hunan	0.109	0.056	0.341	12
Guangdong	0.073	0.101	0.582	3
Guangxi	0.128	0.027	0.176	22
Hainan	0.141	0.006	0.041	28
Chongqing	0.123	0.032	0.205	14
Sichuan	0.101	0.066	0.396	6
Guizhou	0.124	0.028	0.182	21
Yunnan	0.123	0.029	0.192	16
Xizang	0.147	0.000	0.000	31
Shaanxi	0.124	0.029	0.187	18
Gansu	0.132	0.017	0.111	27
Qinghai	0.143	0.005	0.035	29
Ningxia	0.143	0.005	0.032	30
Xinjiang	0.128	0.021	0.141	24

4. CONCLUSIONS

Based on the analysis above, we propose some suggestions to improve the elderly care service. Firstly, narrow the gap in the supply capacity of elderly care service in various provinces. Strengthen exchanges and cooperation between experienced provinces and weak provinces, share experience and resources, and promote balanced development between regions. Less developed provinces should formulate specific implementation plans based on their own actual conditions, strengthen the construction of elderly care service facilities, and improve service quality to meet the diverse needs of the elderly. Secondly, Optimize the supply structure, increase the total supply of services, and formulate characteristic strategic plans for different regions. It is necessary to encourage the provinces with strong supply capacity of elderly care services to further innovate service models and expand service areas. For provinces with weak supply capacity of pension services, we should focus on strengthening infrastructure construction and improving the coverage and quality of basic elderly care services; For provinces with strong elderly care service supply capacity, more at-

tention should be paid to service innovation and upgrading and quality improvement, and the key to improving the supply capacity of elderly care services is to create a elderly care service brand with local characteristics and optimize the supply structure. According to the characteristics of the needs of the elderly in different regions, a characteristic strategic plan should be formulated, and the focus and development direction of services should be clarified. At the same time, it is necessary to increase the total supply of services, expand the scale of elderly care service facilities and improve the service carrying capacity through new construction, reconstruction and expansion. Thirdly, expand new application scenarios, cultivate new business formats, and provide accurate services. (1) Strengthen social security capacity to ensure that the elderly can enjoy comprehensive social security services, including pension insurance, medical insurance, etc., to provide a solid backing for the development of new application scenarios. (2) Improve the economic security capacity, encourage enterprises to invest in the field of elderly care services through policy guidance and financial support, such as smart elderly care, to meet the diverse needs of the elderly. (3) Strengthen the service guarantee capacity, establish and improve the pension service system, strengthen the training and management of service personnel, improve the quality and efficiency of service, and provide accurate and personalized services for the elderly. At the same time, big data, artificial intelligence and other technical means are used to realize the intelligence and precision of services, and improve the quality of life and happiness of the elderly.

REFERENCES

- [1] He S. K. Research on the causes and countermeasures of social organizations participation in the supply dilemma of elderly care services [J]. *Modern Economic Research*, 2016, (08): 5–9.
- [2] Tian Y. Y., Bao X. X. Supply of home care services in the era of «Internet +»: from technology embedding to collaborative production – Based on the investigation of the «Cloud Home Service Center» in W City [J]. *Social Security Studies*, 2017, (02): 38–46.
- [3] Liu Z. H., Ouyang C. N. A systematic review of the research on the evaluation index system of service quality of elderly care institutions at home and abroad [J]. *Chinese Journal of Health Policy*, 2020, 13 (05): 72–81.
- [4] Li Y. H., Feng Y. Y. Study on the quality evaluation of «combining medical care with embedded» elderly care services from the perspective of healthy aging [J]. *Journal of Yunnan Minzu University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, 2024, 41 (04): 95–105.
- [5] Zhao N., Fang W. H. Evaluation and optimization of urban institutional pension services in the context of supply-side reform – Based on the perspective of service quality gap model [J]. *Journal of Henan Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, 2017, 44 (06): 37–42.
- [6] Xu Q., Yin X. X. Evaluation of the quality of rural elderly care services based on the combination of medical care and nursing care – Take Qingdao city as an example [J]. *Chinese Nursing Research*, 2020, 34 (19): 3552–3556.
- [7] Yang Y. Q., Xiao H. M. Preparation and reliability and validity test of the community home care service quality evaluation scale for the disabled elderly people [J]. *Chinese Nursing Research*, 2020, 35 (05): 94–96.
- [8] Liu X. Q., Sun W., Zhu G. D., Zhang B., Liu G. L., Zhang R. Q. Construction of evaluation system for elderly from the perspective of social participation [J]. *Journal of Nursing Science*, 2023, 38 (17): 14–18.

[9] Gan L., Zhou L. L., Xu X. L. Research on the construction of evaluation index system for high-quality development of community Home care Service [J]. Chinese Journal of Health Policy, 023, 16 (07): 40–47.

[10] Han X. W., Xu Y. H. Construction and empirical test of the evaluation index system of home care service accessibility in Changchun city [J]. Chinese Journal of Gerontology, 2023, 43 (16): 4058–4062.

[11] Zhu L., Yang X. J., Zhang Q., Wang F. L., Zhang X. L., Xing F. M. Research on the construction of evaluation index system of supply service quality by combining medical care with community home care center [J]. Chinese General Practice, 2019, 22 (02): 199–205.

[12] Han C. L., Qian J. L., Han K., Wang J., Liu H. X., Zhang Z. W. Evaluation study on the combination of medical and elderly care services in Shandong Province [J]. Chinese Journal of Health Statistics, 2020, 37 (04): 530–533.

[13] Liu Y., Wang L. L., Tu J. Y., Jia M., Lu H. Q., Huang S. M., Li J. J., Zhou H. Z. Construction of the evaluation index system of social capital for the elderly in the pension institutions [J]. Modern Preventive Medicine, 2021, 48 (24): 4471–4475.

[14] Ju M., Dai F. L., Wei K. Y., Liu X. C., Shi C. H., Li Q. Construction of service quality evaluation index system in medical and nursing institutions combined with elderly care institutions [J]. Military Nursing, 2022, 39 (12): 5–9.

[15] Su J. Q., Wang B. Y., Zhou J. J., Wei J., Wan K. Y., Tu S. J. Research on the construction of post competency evaluation index system of medical care institutions [J]. Medicine and Society, 2022, 35 (04): 74–78.

[16] Li Y. J., Li B., Wang M. J., Xiao S. D., Cheng Q. M. Construction of the evaluation index system of healing environment in dementia nursing unit in pension institutions [J]. Journal of Nursing, 2023, 30 (02): 73–78.

[17] Liu Y. P., Qin X. L. Evaluation of the service efficiency of inter-provincial elderly care service institutions in China [J]. Statistics and Decision, 2020, 36 (09): 62–67.

[18] Kui J. H. Evaluation of the coupling degree of health and pension consumption demand and pension service supply in urban and rural elderly people [J]. Journal of Commercial Economics, 2022, (10): 63–66.

[19] Jiao A. N., Mo Y. N., Shao Y. Y. Efficiency evaluation of elderly care service institutions in Shandong Province based on three-stage DEA [J]. Chinese Journal of Health Statistics, 2022, 39 (05): 741–745 + 748.

[20] Zhang Y., Dong J. J., Lian N. N., Liu Y. Research on the evaluation of the combined service quality of medical and elderly care institutions based on the perspective of the difference between public and private institutions [J]. Chinese General Practice, 2024, 27 (07): 822–828.

[21] Shi D. D., Liu P., Wu X. Evaluation and classification of high-quality development level of elderly care service in China [J]. Statistics and Decision, 2024, 40 (11): 70–75.

[22] Chen X. J., Lu D., Zhang L. Y., Liu M., Tian Q. F. Evaluation of technical efficiency and influencing factors in medical care institutions in Henan Province based on BCC and SBM model [J]. Medicine and Society, 2021, 34 (04): 99–102 + 108.

[23] Li C. C. Evaluation and analysis of efficiency of financial expenditure of pension service in China [J]. The Theory and Practice of Finance and Economics, 2022, 43 (06): 101–107.

[24] Zhu X. L., Wang B. Evaluation of the difference of supporting typical affordable community elderly care services in Guangzhou from the perspective of the elderly [J]. *Modern Urban Research*, 2022, (01): 24–29 + 44.

[25] Zhang X. Y., Liu B. C. Research on the quality model of community-based home care services – A case study of Shanghai [J]. *Chinese Journal of Population Science*, 2011, (03):83–92+112.

[26] Yang B. Q., Zhong M. L. Measurement and enhancement strategies of rural elderly service supply capacity: an empirical study based on 18 cities and counties in Hainan Province [J]. *Journal of Hubei Minzu University (Philosophy and Social Sciences)*, 2020, 38 (04): 69–76.

[27] Wang M. Y., Zheng X., Zhao Y. X. Comprehensive evaluation of community-based medical and nursing care services in Wuhan based on entropy weight TOPSIS method [J]. *Modern Preventive Medicine*, 2018, 45 (03): 458–461.

Информация об авторах

Нин Ван, магистр факультета менеджмента, Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай, 15253905367@163.com

Ян Лю, доктор менеджмента, профессор факультета менеджмента, Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай, liuy79@ccu.edu.cn (автор-корреспондент).

Энци Лу, магистр факультета менеджмента, Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай.

Сяоян Чанг, доктор менеджмента, доцент факультета менеджмента, Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай.

На Ли, доктор менеджмента, доцент факультета менеджмента, Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай.

Information about Authors

Ning Wang, Master in School of Management, Changchun University, Changchun, China, 15253905367@163.com

Yan Liu, Doctor of Management, professor in School of Management, Changchun University, Changchun, China, liuy79@ccu.edu.cn (corresponding author).

Enqi Lu, Master in School of Management, Changchun University, Changchun, China.

Xiaoyang Chang, Doctor of Management, associate professor in School of Management, Changchun University, Changchun, China.

Na Li, Doctor of Management, associate professor in School of Management, Changchun University, Changchun, China.

Для цитирования: Нин Ван Оценка возможностей предоставления услуг по уходу за пожилыми людьми / Нин Ван, Янь Лю, Энци Лу, Сяоян Чанг, На Ли // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 4 (14). С. 7–17. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N4.pdf

Citation: Ning Wang Evaluation of the supply capacity of elderly care service / Ning Wang, Yan Liu, Enqi Lu, Xiaoyang Chang, Na Li // *Paradigms of Management, Economics and Law*. 2024. № 4 (14), pp. 7–17. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N4.pdf

УДК 323.2

СУБЪЕКТНОСТЬ СЕМЬИ И ТРАНСЛЯЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В РФ*

Сергей Иванович Морозов, Элина Гагиковна Гаспарян

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ, Экспертного института социальных исследований в рамках проекта FZUU-2024-0005 «Участие в выборах как семейная традиция: ресурсы института семьи и векторы мобилизации гражданской активности современной российской молодежи».

Аннотация. Введение. В статье представлены результаты исследования взаимосвязанных процессов формирования субъектности семьи как основополагающего социального института современного российского общества; роли традиционных ценностей при формировании целостной политически активной личности. Особо подчеркивается роль семейного и политического воспитания в процессе развития молодых граждан РФ. Интерпретируется значение федеральных нормативно-правовых актов, а также совместной деятельности избирательных комиссий, образовательных организаций для поддержки российских семей, субъектности молодежи в контексте современных трендов мирового политического развития.

Методология и методы. Основополагающими научно-теоретическими основаниями исследования послужили работы российских авторов-специалистов в области семейного воспитания и субъективации личности. В работе нашли свое органичное отражение результаты качественного анализа отечественных нормативно-правовых актов, методологические принципы деятельно-активистского подхода и институционального анализа.

Анализ. Институт семьи – базисный элемент системы социально-политической стабильности и устойчивого развития общества. 2024 год в России объявлен Годом семьи. В соответствии с указом Президента РФ В.В. Путина в стране разработана и подлежит к реализации серия мероприятий по поддержке молодых семей, защите материнства и детства; защите традиционных семейных ценностей и др. Данные приоритеты государственной политики РФ предварительно опираются на имеющуюся соответствующую систему федеральных нормативных актов стратегического характера. В феврале 2024 г. они были сформулированы и представлены населению, органам власти и управления в рамках ежегодного Послания Президента РФ Федеральному Собранию.

Результаты. Формирование устойчивой модели деятельно-активного гражданина, ориентированного на сбалансированное развития российского государства и общества – важнейшая задача института семьи и самих представителей российской молодежи. Реализация системы запланированных мер в рамках объявленного Года семьи является частью мероприятий по сохранению традиционных российских ценностей, обеспечению стратегического суверенитета РФ в современных условиях глобальных геополитических трансформаций. Совместные усилия институтов власти, образования и самоорганизация российской молодежи позволят не только формировать социально-ориентированную конструктивную по-

зицию граждан, но также и их взвешенное отношение к законодательству, избирательной системе РФ.

Ключевые слова: институт семьи, субъектность семьи, гражданская субъектность, государственная молодежная политика, традиционные ценности, правовая культура, выборы, политическая стабильность, образовательные организации, Российская Федерация.

UDC 323.2

THE SUBJECTIVITY OF THE FAMILY AND THE TRANSLATION OF TRADITIONAL VALUES IN THE CONTEXT OF ELECTORAL PROCESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION*

Sergey I. Morozov, Elina G. Gasparyan

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

* The work was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the Expert Institute for Social Research within the framework of the project FZUU-2024-0005 «Participation in elections as a family tradition: resources of the institution of the family and vectors of mobilization of civic engagement of modern Russian youth».

Abstract. Introduction. The article presents the results of a study of the interrelated processes of formation of the subjectivity of the family as a fundamental social institution of modern Russian society; the role of traditional values in the formation of a holistic politically active personality. The role of family and political education in the development of young citizens of the Russian Federation is emphasized. The article interprets the importance of federal normative legal acts, as well as the joint activities of election commissions, educational organizations to support Russian families, the subjectivity of youth in the context of modern trends in global political development.

Methodology and methods. The fundamental scientific and theoretical foundations of the research were the works of Russian authors-specialists in the field of family education and personality subjectivation. The work organically reflects the results of a qualitative analysis of domestic normative legal acts, methodological principles of the activity-activist approach and institutional analysis.

Analysis. The institution of the family is a basic element of the system of socio-political stability and sustainable development of society. The year 2024 has been declared the Year of the Family in Russia. In accordance with the decree of the President of the Russian Federation V. V. Putin, a series of measures has been developed and is to be implemented in the country to support young families, protect motherhood and childhood; protect traditional family values, etc. These priorities of the state policy of the Russian Federation are preliminarily based on the existing relevant system of federal regulations of a strategic nature. In February 2024 They were formulated and presented to the public, authorities and management within the framework of the annual Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly.

Results. The formation of a stable model of an active citizen focused on the balanced development of the Russian state and society is the most important task of the institution of the family

and the representatives of Russian youth themselves. The implementation of the system of planned measures within the framework of the announced Year of the Family is part of measures to preserve traditional Russian values and ensure the strategic sovereignty of the Russian Federation in modern conditions of global geopolitical transformations. The joint efforts of government institutions, education and self-organization of Russian youth will allow not only to form a socially oriented constructive position of citizens, but also their balanced attitude to the legislation and the electoral system of the Russian Federation.

Keywords: the institution of the family, the subjectivity of the family, civil subjectivity, state youth policy, traditional values, legal culture, elections, political stability, educational organizations, the Russian Federation.

Введение. Семья – это прочный фундамент жизни для каждого человека. Семья представляет первую школу взаимоотношений ребенка с другими людьми, в которой происходит процесс формирования таких жизненно важных ценностных представлений: о добре и зле, порядочности, уважении к материальным и духовным ценностям, о любви и вере, о преданности Отечеству. Правила и моральные устои, которые формируются в семье, со временем транслируются и переносятся в общество. Семейные ценности являются основой для всего внутреннего мира личности. Именно семья и традиционные семейные ценности являются важными факторами для благополучия и мира, как для общества, так и для государства в целом.

Однако семья – это не просто группа людей, которая связана кровными и брачными узами, а сложная многопоколенная социальная среда, в которой переплетаются и развиваются различные ценностные ориентации, представления, идеалы, взгляды и убеждения. В каждой семье существуют свои уникальные традиции, порядки и установки, которые передаются из поколения в поколение. Эти традиции и принципы формируют основу для воспитания детей, а значит, и для будущего общества, будущего гражданина. Важность семьи как социального института невозможно переоценить. Во всех культурах семья служит источником формирования личных и общественных норм. Рождение и воспитание детей, будущих граждан своей страны – это не только биологический процесс, но и социальный, который включает в себя трансляцию знаний, навыков, культурных и традиционных ценностей. Семья закладывает основы морали, этики и социальной ответственности, которые в последствии становятся принципом для взаимодействия индивидов в обществе. Традиционные ценности, формируемые у детей в семье, такие как: уважение к старшим, забота о младших, ответственность за семью и поддержка друг друга, играют ключевую роль в укреплении семейных уз и важны не только для внутрисемейных отношений, они влияют на всю систему социальных взаимодействий, на характер коммуникации государства и общества. В национальных культурах, где ценится семейная сплоченность, наблюдается более высокая степень социальной стабильности и гражданской взаимопомощи. Однако в современном мире мы нередко наблюдаем значительные изменения в модели, структуре и функциях семьи. Глобализация, политические и социально-экономические процессы в государстве приводят к тому, что меняется роль семьи и традиционных ценностей, тем самым подвергаются испытаниям. Важно отметить, что, несмотря на изменения испытания во времени, основная функция семьи остается неизменной – это воспитание и социализация детей. В условиях быстро меняющегося

мира семья продолжает оставаться надежным источником поддержки и любви. Она предоставляет детям чувство принадлежности и безопасности, что особенно важно в условиях неопределенности и стресса, характерных для современного общества.

Методология и методы исследования. Научная исследованность проблематики семьи, семейного воспитания и формирования традиционных ценностей в современных мировых реалиях и на национальном уровне достаточно высока. Позиция семьи достаточно успешно исследовалась как в предметной социологической, так и социально-философской сфере А. И. Антоновым, А. Н. Елизаровым [1, 9]. Проблематика трансформации института семьи в контексте постиндустриальной цивилизации содержится в работах Ф. С. Тумусова [16]. Научно-методическое обоснование формирования контура новой модели современной семьи и изменения ее функционального содержания представлено в работах С. И. Голода, И. И. Иванцевой [7, 10]. Вопросы формирования партнерских отношений в системе семья-государство-общество в России подробно раскрыты исследованиями С. В. Дармодехина, А. А. Пахомова [8, 13]; семейные ценности российских граждан, а также их влияние на процесс социализации личности обоснованы Е. П. Арнаутовой, Т. А. Костюковой, И. В. Проневской [2, 11, 14].

Принципы воспитания, сформированные В. А. Сухомлинским [15], имеют вполне современный контекст. Кроме того, проблема семейного воспитания на различных возрастных этапах рассматривается в работах И. В. Власюк, по мнению которой ценности семьи – важные направления государственной семейной политики и важная задача российского общества [6]. Л. И. Божович обосновала идею, что на процесс воспитания личности отражается сквозь коммуникацию с обществом и предметно-пространственной средой [3].

В целом теоретическая и прикладная операционализация категории «субъектность» и «субъект-субъектные отношения» в работах М. Вебера, П. Штомпки, А. В. Брушлинского [5, 18, 4], многих других исследователей, считавших активность, самостоятельность, деятельностное отношение к себе и иным субъектам ключевым критерием устойчивости и воспроизводства социальных отношений в малых группах и больших сообществах индивидов, позволяют определить в качестве методологических рамок данного исследования деятельно-активистский подход.

Анализ. В Российской Федерации Указом Президента В. В. Путина 2024 год объявлен Годом семьи. Документ способствует совершенствованию целостной системы поддержки семей, позволяют улучшить условия российских семей, повышают показатели рождаемости в стране. О значении данного документа Президент В. В. Путин прямо отметил в своем выступлении на Всероссийском форуме «Родные-любимые» [12]. На сегодняшний день в стране реализуются ряд мероприятий, проектов, программ и инициатив по усилению роли и влияния семьи, привлечению внимания российского общества и органов публичной власти к проблемам семьи и семейного воспитания, сохранения традиционных ценностей, создания корректной модели института семьи и семейного воспитания.

Президент В. В. Путин в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года, заявил о запуске значимого, актуального, необходимого для общества и страны – национального проекта «Семья». Главной задачей проекта станет формирование позитивного образа семьи, трансляция правильных традиционных ценностей и создание благоприятных жизненных условий для гармоничного развития института семьи, повышения

рождаемости, воспитания и социализации детей будущих участников избирательного процесса.

Говоря о государственной семейной политике, следует подчеркнуть тот факт, что она призвана обеспечивать трансляцию всех фундаментальных функций и задач по вопросам воспитания и социализации ребенка. Развитие данной сферы нормативно-правового регулирования нашло свое отражение в значительном количестве нормативно-правовых документов. Помимо конституционного закрепления в статье 38 Конституции РФ нормы, что семья, материнство и отцовство находятся под защитой государства, а главная задача родителей – дать все формы нужной заботы и правильное воспитание детям, будущим участникам избирательного процесса, в российском законодательстве действует и активно реализуется Концепция государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года (2014). Она представляет собой меры, направленные на поддержку, укрепление и защиту семьи в государстве как его важной и фундаментальной основы; определяет систему взглядов, принципов, мер в сфере регулирования отношений государства и молодых семей. Концепция также предполагает установку воспитательного потенциала непосредственно в самом человеке. Эта установка должна способствовать не только личностному росту, совершенствованию и развитию, но и воспитанию прежде всего гражданина. Образ гражданина РФ должен включать в себя систему базовых традиционных, национальных, духовно-нравственных ценностей и добропорядочность. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (2015) своей целью имеет определение четких приоритетов государственной политики и государственного управления Российской Федерации в данной сфере, ориентированных на достижение важных целей социально-политического развития российского государства. Стратегия призвана способствовать развитию целостной и гармонично развитой личности. Федеральный закон № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи» способствует повышению осознанной общественной вовлеченности в процесс воспитания детей и молодежи в образовательных учреждениях. Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» служит средством сохранения и поддержки традиционных ценностей и национальных интересов, обеспечивает защищенность от внешних, внутренних вызовов и угроз. Указ о традиционных ценностях фактически представляет собой нравственные ориентиры, которые формируют мировоззрение граждан страны, что должно передаваться из поколения к поколению и лежать в основе общероссийской гражданской идентичности, единого культурного пространства страны, тем самым укрепляя единство и политическую активность общества. Более того, такие фундаментальные основы жизнедеятельности современного российского социума как традиционные ценности, нравственные идеалы, моральные нормы и принципы, отраженные в Указе Президента, очень актуальны и значимы с точки зрения текущих геополитических вызовов, внешнеполитических рисков и угроз, связанных с глобальной трансформацией системы международных отношений, так как не только формируют, но и определяют культурную идентичность россиян.

Однако, несмотря на формально-юридическое закрепление системы традиционных российских духовно-нравственных ценностей, само понятие «традиционные ценности» нуждается в определенной научной конкретизации. Традиционные ценности – это набор правил поведения, моральных и этических норм, которые передаются из поколения в поколение.

Они включают в себя такие понятия, как уважение к старшим, любовь к родине, осознание ценности религии, семейные ценности и другие аспекты, которые формируют культурную идентичность. Совершенствование, развитие и усиление субъектной роли семьи и традиционных ценностей является одной из ключевых целей государства и общества в целом.

Справедливо утверждение, что активное участие граждан в избирательном процессе является проявлением таких социальных настроений и ценностных чувств как: гражданственность и патриотизм, любовь и преданность государству, Родине, Отечеству и своему народу. От результатов проявления данных аспектов зависит будущее страны. В Российской Федерации на сегодняшний день не только конституционно гарантированы гражданам широкие политические и экономические права, но и возложена на них значительная гражданская ответственность. Если российские граждане примут скорее пассивную позицию и не будут служить «трансляторами» традиционных ценностей, не в полной мере осознают важность собственного выбора, личного и деятельного участия в политических процессах, то в большей степени это придется считать проявлением безразличия к судьбе страны, к собственному благополучию и будущему.

Оценивая формирование субъектной позиции семьи, отечественный философ М. Б. Туровский доказал тот факт, что данный процесс играет главенствующую роль не только в укреплении данного института, но и иных социальных, экономических, политических институтов, общества и государства в целом. Для формирования субъектности важны такие качества как ответственность, активность, удовлетворенность, самовыражение, творчество, планирование будущего и осознанное внесение вклада в него [17].

В данной связи в современных российских внутри- и внешнеполитических реалиях смысловое наполнение категорий: «субъектность семьи», «традиционные ценности» и «избирательные процессы» становится тесно взаимосвязанным и взаимообусловленным. Актуализируется традиционное значение семьи как одной из высших ценностей общества, основа роста национального благосостояния и «точка сборки» института российского государства. Современные социально-политические процессы определяют необходимость активного участия семьи, деятельное вовлечение подрастающего поколения в динамичную, сложноорганизованную жизнь современного общества и государства, ограничивающие проявления субъективности настроений и аффективных эмоций индивидов. Так как совершенно очевидно, что семья является той важнейшей институциональной средой, в которой в первую очередь происходит политическая социализация будущего гражданина РФ, формирование его представлений о современном мире (в глобальном, общепланетарном понимании данного феномена), его политических убеждений и ценностей. В силу этого семья сохраняет свое важнейшее функциональное значение в качестве институциональной среды аккумуляции и трансляции традиционных национально-культурных ценностей, системообразующих для гражданской и жизненной позиции людей, их потребности в конструктивном и деятельном участии в политической жизни России.

Современные политические выборы и избирательные процессы являются сложноорганизованной и взаимообусловленной институциональной системой. На их специфику и характер протекания оказывают влияние не только национально-культурные, внутривнутриполитические и социально-экономические проблемы. В настоящее время на акт проявления народного суверенитета и электорального выбора значительное влияние оказывает так называемый

«внешний контур»: макроэкономическая конъюнктура, глобальные тренды мирового развития, вплоть до прямого внешнего вмешательства в суверенные внутривнутриполитические процессы ряда стран (от внешних попыток прямой политической дестабилизации системы государственной власти и управления вплоть до успешных «цветных революций» и насильственного «сноса» конкурирующих политических режимов). Однако помимо легитимного способа выражения политической субъектности граждан, в условиях легальной предвыборной конкуренции происходит политическое образование населения, развитие его политического сознания и конвенциональных форм политического участия. Граждане усваивают определенные политические ценности и нормы, приобретают рациональное понимание, осваивают практические навыки, приобретают политическую зрелость и опыт.

При этом достаточно очевидна реально насущная проблема имеющая и значительный отложенный негативный эффект. Многие молодые россияне, воспитанные в семьях на основе ультралиберальных или глобалистских ценностей, не заинтересованы в созидательном развитии страны, саботируют федеральные и региональные выборы, дистанцируются от активного участия политической жизни страны. Помимо этого, еще меньшая часть таких молодых людей проявляет готовность участвовать в выборах в качестве кандидатов, не имея ценностных оснований и желания принимать на себя ответственность за принимаемые политические решения по поводу будущего развития социума. В то время как активное участие в политических и избирательных процессах не только является важным маркером гражданской субъектности российской молодежи, ее гражданской идентичности, но и показателем готовности к взрослению, последующей передаче политического опыта и компетенций будущим молодым поколениям.

Заключение. Семья как социальный институт продолжает выполнять свои ключевые функции, адаптируясь к новым реалиям. Несмотря на то, что традиционные ценности, подвергаются изменениям и искажениям, они по-прежнему играют важную роль в формировании идентичности и социальной ответственности. Именно семья остается тем фундаментом, на котором строится наше общество, и именно в ней закладываются основы для будущих поколений, для будущего мира. В настоящее время в России существует проблема отсутствия активного участия граждан в политической и социальной жизни. Особенно беспокоят нездоровая тенденции, где не формируется субъектность индивидов в семьях, имеется проявление экстремального правового нигилизма и нежелание адаптироваться к современному обществу. Одним из следствий этих тенденций является отказ от участия в выборном процессе.

Одним из вероятных способов увеличения политической субъектности населения, повышения политической грамотности и компетентности представителей молодого поколения российских граждан является, на наш взгляд, расширение полномочий Центральной избирательной комиссии России и избирательных комиссий субъектов РФ как особых органов государственной власти в части решения вопросов политического воспитания населения, организации консультативного взаимодействия по данному направлению деятельности с органами представительной и исполнительной власти. Научно-методическое и экспертно-аналитическое сопровождение данного вида деятельности способны осуществлять «фабрики мысли» – система организаций высшего образования, в том числе с помощью вовлечения обучающихся к соответствующей волонтерской деятельности и в рамках реализации общероссийского образовательного проекта «Обучение служением». Более того, активное вовле-

чение молодежи в реализацию данных проектов должно иметь и дополнительный косвенный положительный эффект. Формируемые у молодых людей необходимые политические навыки и компетенции могут способствовать развитию субъектности семей, укреплению традиционных ценностей и усилению национально-культурного единства граждан уникального российского государства-цивилизации. Немаловажную роль в популяризации данной деятельности должны выполнить общероссийские средства массовой информации, а также значимые лидеры общественного мнения в современных социальных медиа. Данная работа может стать не только результативным завершением в России объявленного президентом Года семьи, но и фактором политической стабилизации, успешного преодоления страной этапа глобальной геополитической турбулентности и системного кризиса в современных международных отношениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонов, А. И. Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции / А. И. Антонов. Москва: Грааль, 2000. 414 с.
2. Арнаутова, Е. П. Изучение традиций семейного воспитания как потенциала сохранения духовно-нравственных ценностей / Е. П. Арнаутова, Е. С. Рычагова, И. Н. Воробьева // Современное дошкольное образование. 2024. № 18 (5). С. 12–27.
3. Божович, Л. И. Проблемы формирования личности: Избр. психол. тр. / Л. И. Божович. М.: МПСИ; Воронеж : МОДЭК, 2001. 349 с.
4. Брушлинский, А. В. Избранные психологические труды / А. В. Брушлинский. М.: Ин-т психологии РАН, 2006. 621 с.
5. Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 767 с.
6. Власюк, И. В. Социализация подростков в социокультурном взаимодействии семьи и школы (в контексте исследований Т. В. Зуевой) / И. В. Власюк // Primoaspectu. 2018. № 1 (33). С. 93–98.
7. Голод С. И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 2015. № 3-4. С. 99–108.
8. Дармодехин, С. В. Семья в системе социальных отношений современного общества / С. В. Дармодехин // Мир психологии: Научно-методический журнал. 2008. № 3 (55) июль – сентябрь 2008. С. 158–169.
9. Елизаров, А. Н. Проблема регуляции семейных отношений в современном мире с позиции деятельностного и субъектно-деятельностного подходов / А. Н. Елизаров // Психология человека в современном мире. Том 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 147–154.
10. Иванцева, И. И. Деформация института семьи как фактор социального неблагополучия детства: диссертация кандидата социологических наук: 22.00.04 / И. И. Иванцева. Хабаровск, 2004. 161 с.
11. Костюкова, Т. Л. Потенциал современной семьи в духовно-нравственном развитии ребенка / Т. Л. Костюкова, Т. П. Грибоедова // Вестник ТГПУ. 2009. № 4.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potensial-sovremennoy-semi-v-duhovno-nravstvennom-razviti-rebenka> (дата обращения 20.11.2024).

12. Открытие Года семьи в России в рамках Всероссийского форума «Родные-любимые» Владимир Путин дал старт Году семьи в России // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73297> (дата обращения 20.11.2024).

13. Пахомов, А. А. Современная семья и реальная региональная социальная политика в отношении семей с детьми / А. А. Пахомов. Якутск: Изд-во СО РАН, 2004. 263 с.

14. Проневская, И. В. Этнические особенности различных типов семейного поведения / И. В. Проневская, А. С. Нуров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 163–181.

15. Сухомлинский, В. А. Рождение гражданина / В. А. Сухомлинский. Москва: Молодая гвардия, 1971. 336 с.

16. Тумусов, Ф. С. Россия начинается с семьи: семейная парадигма развития общества / Ф. С. Тумусов. Якутск, 2008. 96 с.

17. Туровский, М. Б. Предыстория интеллекта: Избранные труды / М. Б. Туровский. М.: РОССПЭН, 2000. 574 с.

18. Штомпка, П. Доверие – основа общества / П. Штомпка. Москва: Логос, 2012. 445 с.

REFERENCES

1. Antonov, A. I. *Sudba semi v Rossii XXI veka. Razmyshleniya o semejnoy politike, o vozmozhnosti protivodejstviya upadku semi i depopulyacii* [The fate of the family in Russia in the 21st century. Reflections on family policy, on the possibilities of countering the decline of the family and depopulation]. Moscow. Grail 2000, pp. 414.

2. Arnautova, E. P., Rychagova, E. S., Vorobyova, I. N. *Izuchenie tradicij semejnogo vospitaniya kak potenciala sohraneniya duhovno-nravstvennyh cennostej* [Studying the traditions of family education as a potential for preserving spiritual and moral values]. *Modern preschool education*, 2024. no. 18 (5), pp. 12–27.

3. Bozhovich, L. I. *Problemy formirovaniya lichnosti* [Problems of personality formation]. Voronezh MODEK, 2001, p. 349.

4. Brushlinsky, A. V. *Izbrannye psichologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Institute of Psychology RAS, 2006. 621 p.

5. Veber, M. *Izbrannoe. Obraz obshchestva*. Centr gumanitarnyh iniciativ. [Favorites. The image of society. Center for Humanitarian Initiatives]. SPb, 2017, p. 767.

6. Vlasyuk, I. V. *Socializaciya podrostkov v sociokulturnom vzaimodejstvii semi i shkoly (v kontekste issledovanij T. V. Zuevoj)* [Socialization of adolescents in sociocultural interaction between family and school (in the context of research by T. V. Zueva)]. *Primoaspectu*, 2018. no 1 (33), pp. 93–98.

7. Golod, S. I. *Sovremennaya semya: plyuralizm modelej* [Modern family: pluralism of models] *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. 2015, pp. 3-4, pp. 99–108.

8. Darmodekhin, S. V. *Sem'ya v sisteme socialnyh otnoshenij sovremennogo obshchestva* [Family in the system of social relations of modern society] *Mir psichologii: Nauchno-metodicheskij*

zhurnal [World of Psychology: Scientific and Methodological Journal]. 2008. no 3 (55) vol. july-september, p. 169.

9. Elizarov, A. N. Problema regulyatsii semejnyh otnoshenij v sovremennom mire s pozicii deyatel'nostnogo i subektno-deyatelnostnogo podhodov. [The problem of regulating family relations in the modern world from the position of activity and subject-activity approaches]. *Psihologiya cheloveka v sovremennom mire. Kompleksnyj i sistemnyj podhody v issledovaniyah psihologii cheloveka. Lichnost' kak subekt zhiznennogo puti. Institut psihologii RAN* [Human psychology in the modern world. Volume 1. Integrated and systematic approaches to human psychology research. Personality as a subject of life path. Institute of Psychology RAS], 2009, volume 1, pp. 147-154.

10. Ivanceva, I. I. *Deformaciya instituta semi kak faktor socialnogo neblagopoluchiya detstva : dissertaciya kandidata sociologicheskikh nauk 22.00.04* [Deformation of the family institution as a factor of social disadvantage in childhood. Candidate of sociological sciences 22.00.04]. Khabarovsk, 2004. 161 p.

11. Kostyukova, T. L., Griboedova T. P. Potential of the modern family in the spiritual and moral development of the child]. *Vestnik of TSPU*, 2004, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-sovremennoj-semi-v-duhovno-nravstvennom-razvitiirebenka/> (Accessed 20.11.2024).

12. *Otkrytie Goda semi v Rossii V ramkah Vserossijskogo foruma «Rodnye-lyubimye» Vladimir Putin dal start Godu semi v Rossii // Oficianyj sajt Prezidenta Rossijskoj Federacii* [Opening of the Year of the Family in Russia As part of the All-Russian Forum “Family and Loved Ones,” Vladimir Putin launched the Year of the Family in Russia // Official website of the President of the Russian Federation]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73297> (Accessed 20.11.2024).

13. Pahomov A. A. *Sovremennaya semya i real'naya regional'naya socialnaya politika v otnoshenii semej s detmi* [Modern family and real regional social policy regarding families with children]. Yakutsk, Izd-vo SO RAN, 2004. p. 263.

14. Pronevskaya, I. V., Nurov A. S. Etnicheskie osobennosti razlichnyh tipov semejnogo povedeniya [Technical features of various types of family behavior]. *Vestn. Mosk. un-ta*. [Vestn. Moscow un-ta] 2022, vol. 18 *Sociologiya i politologiya* [Sociology and political science], no. 2, pp. 163–181.

15. Suhomlinskij, V. A. *Rozhdenie grazhdanina* [Birth of a citizen]. Moscow, 1971. p. 336.

16. Tumusov, F. S., *Rossiya nachinaetsya s sem'i: semejnaya paradigma razvitiya obshchestva* [Russia begins with the family: the family paradigm for the development of society]. Yakutsk, 2008, p. 96.

17. Turovskij, M. B. *Predystoriya intellekta: Izbrannye trudy* [Prehistory of intelligence: Selected works]. M.: ROSSPEN, 2000. p. 574.

18. Shtompka, P. *Doverie – osnova obshchestva* [Trust is the foundation of society]. Moscow: Logos, 2012. p. 445.

Информация об авторах

Сергей Иванович Морозов, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» (ВолГУ), просп. Университетский, 100, 400062, г. Волгоград, Российская Федерация, morozovsi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-9203>, SPIN-код: 5102-7710, AuthorID: 223979.

Элина Гагиковна Гаспарян, ассистент кафедры социологии и политологии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» (ВолГУ), просп. Университетский, 100, 400062, г. Волгоград, Российская Федерация, GasparyanEG@volsu.ru, SPIN-код: 2319-4919, AuthorID: 1195501.

Information about the Author

Sergey I. Morozov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University (Volga State University), ave. Universitetskiy, 100, 400062, Volgograd, Russian Federation, morozovsi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-9203>, SPIN code: 5102-7710, AuthorID: 223979.

Elina G. Gasparyan, Assistant at the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University (Volga State University), ave. Universitetskiy, 100, 400062, Volgograd, Russian Federation, GasparyanEG@volsu.ru, SPIN code: 2319-4919, AuthorID: 1195501.

Для цитирования: Морозов С. И. Субъектность семьи и трансляция традиционных ценностей в контексте избирательных процессов в РФ / С. И. Морозов, Э. Г. Гаспарян // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 4 (14). С. 18–28. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N4.pdf

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

SOCIOLOGY MANAGEMENT

УДК 316.728

ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОТВЕТСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОЖАНИНА: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ЕЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДА)

Марина Юрьевна Болдина

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена определению влияния экологической культуры на образ жизни современного горожанина. Экологически ответственный образ жизни в теории должен предполагать отход от потребительства как нормы жизни к гармоничному сосуществованию с природой. В статье описана рамочная модель такого сосуществования.

Материалы и методы исследования. Методологической основой исследования экологически ответственного образа жизни волгоградцев стал социокультурный подход. Проведение социологического исследования позволило выявить реальные практики, обеспечивающие или препятствующие распространению экологически ответственного образа жизни. Методами эмпирического исследования выступили глубинное интервью и online-опрос. При анализе результатов использовались методы интерпретативного анализа текстов, математической обработки данных и графического представления результатов.

Основная часть. На основании анализа современных концепций экологически ответственного образа жизни разработана рамочная теоретическая модель парадигмы такого образа жизни. Эмпирическое исследование позволило определить содержательные характеристики экологического сознания волгоградцев. Анализ бытовых привычек и социальной активности респондентов продемонстрировал проблемы и перспективы интериоризации экологически ответственного образа жизни как нормы.

Выводы. Сопоставление теоретической модели экологически ответственного образа жизни с реальными природоохранными практиками жителей Волгограда позволило оценить распространенность основных параметров такого образа жизни среди населения. Выявленные барьеры применения таких практик связаны с недостаточной сформированностью экологической культуры, как на уровне сознания, так и на уровне поведения. Разработаны реко-

мендации по развитию экологически ответственного образа жизни как институциональными, так и неинституциональными средствами.

Ключевые слова: экология, образ жизни, экологическая культура, экологическое сознание, экологическое поведение, практики повседневности, социальная активность, экологические проблемы.

UDC 316.728

ENVIRONMENTALLY RESPONSIBLE LIFESTYLE OF A MODERN CITY DWELLER: THEORETICAL MODEL AND ITS PRACTICAL IMPLEMENTATION (EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS ON THE EXAMPLE OF VOLGOGRAD)

Marina Yu. Boldina

Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to determining the influence of ecological culture on the lifestyle of a modern city dweller. An environmentally responsible lifestyle, in theory, should involve a move away from consumerism as the norm of life towards harmonious coexistence with nature. The article describes a framework model for such coexistence.

Materials and methods of research. The socio-cultural approach became the methodological basis for the study of the ecologically responsible lifestyle of Volgograd residents. The sociological study allowed us to identify real practices that ensure or hinder the spread of an ecologically responsible lifestyle. The methods of the empirical study were an in-depth interview and an online survey. The methods of interpretive analysis of texts, mathematical processing of data and graphical presentation of results were used in the analysis of the results.

Main part. Based on the analysis of modern concepts of an environmentally responsible lifestyle, a framework theoretical model of the paradigm of such a lifestyle has been developed. The empirical study allowed us to determine the substantive characteristics of the environmental consciousness of Volgograd residents. The analysis of everyday habits and social activity of respondents demonstrated the problems and prospects of the internalization of an environmentally responsible lifestyle as a norm.

Conclusions. Comparison of the theoretical model of an environmentally responsible lifestyle with the real environmental practices of Volgograd residents made it possible to assess the prevalence of the main parameters of such a lifestyle among the population. The identified barriers to the application of such practices are associated with the insufficient formation of environmental culture, both at the level of consciousness and at the level of behavior.

Keywords: ecology, lifestyle, environmental culture, environmental awareness, environmental behavior, everyday practices, social activity, environmental problems.

Введение

В современном мире, столкнувшемся с глобальными экологическими вызовами, такими как изменение климата и загрязнение окружающей среды, формирование экологически ответственного образа жизни становится не просто желательным, а жизненно необходимым. Экоцентричный подход к развитию основан на признании неразрывной связи человека с природой. В его основе лежит убеждение, что сохранение природной среды является неотъемлемым условием выживания и процветания человечества.

Экологически ответственный образ жизни означает переход от потребительского отношения к природе к гармоничному сосуществованию с ней. Он предполагает приоритет экологических ценностей в повседневной жизни и активное участие в действиях, направленных на сохранение окружающей среды. В данном случае, ключевыми элементами экологически ответственного образа жизни должны стать:

- гармоничные и взаимовыгодные отношения с окружающей средой: уважение биоразнообразия и экосистем природы;
- минимизация потребления, предполагающая осмысленное использование товаров и услуг с ориентацией на качество и долговечность;
- снижение потребления природных ресурсов: экономия воды и энергии, использование экологически чистых средств очистки, отказ от одноразовых изделий, переход к возобновляемым источникам энергии.

Материалы и методы исследования

В исследовании экологически ответственного образа жизни был использован социокультурный подход, предполагающий изучение экологической культуры через экологическое сознание и экологическое поведение. Для разработки модели экологической культуры использовался метод анализа документов. Для оценки воплощения данной модели в реальные практики волгоградцев использовалось комплексное количественно-качественное социологическое исследование. Было проведено 20 глубинных интервью и опрошено 300 респондентов методом online-опроса в марте 2024 года в Волгограде. Тип выборки стихийная.

Основная часть

Экологическая культура как составляющая образа жизни современного человека. Фритьоф Капра в своей книге «Паутина жизни» призывает к переосмыслению нашего отношения к природе. Он использует теорию систем, чтобы подчеркнуть взаимосвязанность всех живых систем, утверждая, что именно понимание этой взаимозависимости станет ключом к устойчивому будущему. Ф. Капра предлагает отказ от линейного мышления и переход к целостному взгляду, который признает сложность природного мира [2, с. 201].

Для того чтобы осуществить данный переход, необходима гарантия и просвещение населения в вопросах экологического знания. Экологическая культура должна содействовать в осмыслении значимости природоохранных вопросов. Процесс информирования должен стать неотъемлемой частью государственной политики, включающей программу действий, разработанную совместно с организациями гражданского общества.

Дэвид Орт предлагает фундаментальный подход к экологическому образованию. Он считает, что «образование должно уделять приоритетное внимание экологической грамотности – пониманию принципов, по которым процветают экосистемы, и их применению в нашей повседневной жизни». Д. Орт считает, что с помощью образования мы можем воспитать

экологическую культуру, основанную на уважении к сложным взаимоотношениям между живыми организмами и окружающей их средой [5, с. 108].

Экологически ориентированный образ жизни предполагает как индивидуальные действия, так и участие в коллективных инициативах. Несмотря на то, что эгоцентричный подход предполагает коллективные действия, важны и индивидуальные усилия, направленные на защиту окружающей среды. Примерами индивидуальных действий могут служить использование энергосберегающих технологий в собственном доме, а коллективными – участие в экологических акциях, подписание петиций и т.д.

Об этом также говорят многие западные ученые. О деятельности одного из них (Билле Маккиббене) ведет речь Эллиот Спербер [6]. Он отмечает – Билл Маккиббен, защитник окружающей среды и автор книги «Конец природы», говорит о силе массовых движений в формировании экологической культуры. Б. Маккиббен поощряет гражданскую активность и прямые действия как необходимые компоненты формирования коллективного экологического сознания. Он демонстрирует, что активное участие в усилиях по охране окружающей среды является практическим проявлением экологической культуры.

В своих работах и общественной пропаганде Б. Маккиббен подчеркивает следующие моменты, касающиеся экологической культуры населения:

1. Осведомленность. Б. Маккиббен выступает за глубокое осознание населением своих взаимоотношений с окружающей средой и последствий своих действий.

2. Общественные действия. Он является убежденным сторонником массовых движений и верит, что сообщества могут стать лидерами в освоении возобновляемых источников энергии и сопротивлении индустрии ископаемого топлива. Б. Маккиббен основал «350.org» – глобальное массовое движение, направленное на борьбу с изменением климата путем поощрения отказа от ископаемого топлива и перехода к возобновляемым источникам энергии.

3. Политические изменения. Он подчеркивает важность политических действий для стимулирования крупномасштабных изменений, подчеркивая, что индивидуальных действий, хотя и важных, недостаточно без системных изменений, подкрепленных политикой [6].

Так же «Управляя общим» – работа Э. Остром проливает свет на расширение прав и возможностей местных сообществ как эффективное средство поддержания экологической культуры. Управление сообществами тесно согласуется с принципами экологической культуры, делая акцент на участии, ответственности и устойчивых практиках [4].

Некоторые ученые также повлияли на создание организаций, способных воздействовать на формирование ценностных ориентаций населения в отношении экологии. Примером может стать Вангари Маатаи – основатель движения «Зеленый пояс», который неустанно работал над продвижением устойчивого развития, демократии и мира, понимая глубокую связь между сохранением окружающей среды и благосостоянием населения [3].

Экологически ориентированный образ жизни – это не просто совокупность ценностей, но комплексный феномен, включающий в себя знания, понимание, мотивацию и конкретные действия. Фундаментом экологически ориентированного образа жизни являются экологические ценности. Преобладание экологических ценностей над потребительскими ориентациями является важным критерием определения экологически ориентированного образа жизни. Однако этого недостаточно. Для полного описания экологически ориентированного образа

жизни необходимо учитывать не только ценности, но и уровень информированности об экологических проблемах, их причинах и последствиях, осознание актуальности экологических проблем и их влияния на жизнь человека и планеты, внутреннюю готовность к действиям по решению экологических проблем, а также конкретные шаги по защите окружающей среды, природосбережению и устойчивому потреблению. Социолог может выделить различные типы экологически ориентированного поведения, комбинируя эти показатели. Рациональные типы характеризуются высоким уровнем развития всех составляющих экологически ориентированного образа жизни: глубоким пониманием экологических проблем, высокой мотивацией к действиям и активным участием в решении экологических проблем.

Важно отметить, что экологически ориентированный образ жизни – это не статичная величина, а динамичный процесс. Он меняется в зависимости от уровня знаний, осознания и мотивации человека. Экологическое просвещение, образование и поощрение экологически ответственного поведения способствуют переходу к более устойчивому и гармоничному существованию человека и природы.

Опираясь на этих и других авторов, можно сформулировать рамочные параметры модели экологической культуры как компонента образа жизни населения:

1. Образование как краеугольный камень: Основной темой является важность экологического образования как краеугольного камня для развития экологической культуры. Подчеркивается необходимость системных изменений в том, как мы преподаем и узнаем о наших взаимоотношениях с окружающей средой.

2. Межсекторальность: Экологическая культура не может быть отделена от вопросов социальной справедливости. То, как мы относимся к природе, отражает то, как мы относимся к наиболее уязвимым слоям общества, подчеркивая необходимость межсекторальных подходов к экологическим проблемам.

3. Системное мышление: Системный подход подчеркивает, что решения должны учитывать сложность и взаимосвязанность экологических проблем. Линейных, изолированных ответов недостаточно для решения проблем современности.

4. Сознание и идентичность: Акцент на сознании выдвигает идею о том, что личная идентичность глубоко связана с экологической культурой. Таким образом, трансформационные изменения начинаются со сдвига в индивидуальном и коллективном сознании в сторону более экологичного «Я».

5. Массовые движения: Совокупность местных действий может привести к значительному результату, подчеркивая важность инициатив, инициируемых сообществом.

6. Расширение прав и возможностей местных сообществ, как эффективное средство поддержания экологической культуры. Видимо, можно согласиться с А. И. Бардаковым в том, что «осознание своей гражданской значимости может состояться только в пределах местного сообщества» [1, с. 15], потому что управление сообществами тесно согласуется с принципами экологической культуры, делая акцент на участии, ответственности и устойчивых практиках.

Делая вывод, следует сказать, что изучение экологической культуры показывает, что воспитание экологического образа жизни является многогранной задачей. Это требует преобразований в области образования, внимания к социальной справедливости, системного мышления, сдвига в сознании, активного участия в массовых движениях и расширения воз-

возможностей общественного управления. Благодаря концептуализации взглядов различных ученых становится ясно, что экологическая культура – это как индивидуальные, так и коллективные действия, где каждый шаг к устойчивому развитию необходим для создания более гармоничного сосуществования с нашей планетой.

Экологическое сознание жителей Волгограда: личные убеждения и ценностные ориентации. Нельзя отрицать, что экологическая проблема стала одной из самых актуальных глобальных проблем современности. Ее решение невозможно без понимания того, как человек взаимодействует с окружающей средой, какие ценности и установки лежат в основе его отношения к природе. Исследование культурной основы экологического сознания, проведенное в Волгограде, направлено на выявление отношения жителей к экологии и ее проблемам.

Выявление особенностей понимания экологической культуры волгоградцами стало первой темой глубинного интервью. Каждый из опрошенных давал свои ответы, однако, при анализе результатов глубинного интервью, были получены схожие ответы, которые были даны как женщинами, так и мужчинами. Почти каждый опрошенный упоминал, что экологическая культура это:

«Образ жизни, когда человек понимает свое место в природе и бережно относится к ней» (женщина, 22 года).

«Для меня экологическая культура олицетворяет набор неких ценностей и взглядов, которые как раз формируют наше отношение к природе, к ее сохранению» (женщина, 35 лет).

«Ценностные ориентиры в отношении экологии, охраны природы» (мужчина, 21 год).

Исследование показало, что участники интервью, независимо от пола и возраста, сходятся во мнении о том, что экологическая культура – это образ жизни, основанный на бережном отношении к природе. Информанты также подчеркивают, что экологическая культура – это не просто набор действий, а система ценностей, норм и правил, которые формируют наше взаимодействие с окружающей средой. Высказывания участников интервью свидетельствуют и о том, что они понимают важность осознания собственного места в экосистеме и необходимости ответственного взаимодействия с ней. Полученные данные свидетельствуют о том, что жители города понимают значение экологической культуры и ее основные характеристики.

После этого опрошенным предлагалось оценить, насколько важна для них защита окружающей среды. В данном случае мнение опрошенных выражается предельно понятно.

«Думаю, довольно важна. Это же является одной из глобальных проблем человечества, и на самом деле это очень серьезная тема, которая, по моему мнению, должна волновать каждого» (женщина, 20 лет).

«Достаточно важна. Я хотел бы жить в здоровой и чистой среде и оставить такую же планету своим детям» (мужчина, 45 лет).

«Думаю, она очень важна, так как мы все живем на Земле и мы должны научиться правильно за ней ухаживать и не наносить урон и ущерб природе, так как это забота о месте в котором мы живем и забота о нас самих же» (женщина, 23 года).

Данные ответы могут свидетельствовать о том, что информанты оценивают защиту окружающей среды как одну из наиболее важных и серьезных проблем, касающихся, как самих опрошенных, в частности, так и всего населения. В блоке анкетных вопросов опрошен-

ным был задан вопрос из той же тематики: «Считаете ли Вы, что экологические проблемы представляют серьезную угрозу для человечества?» (см. рисунок 1). В совокупности 79 % опрошенных признают проблему актуальной: «Да, это очень актуальная проблема» – 41 % от общего числа респондентов, «скорее да, чем нет» – 38 %. При этом каждый пятый (21,0 % в совокупности) не придает значения указанной проблеме: «скорее нет, чем да» – 10 %, «нет, это не серьезная проблема» – 11 %. Это может быть связано с различными факторами, такими как отсутствие достаточной информации, недоверие к информации о климатических изменениях и их последствиях, а также с нежеланием изменять свой образ жизни в пользу экологии. Также, важно отметить, что даже те, кто не считает экологические проблемы очень серьезными, все же не опровергают их существование. Это дает возможность для дальнейшей работы по повышению осведомленности и изменению отношения населения к экологическим проблемам.

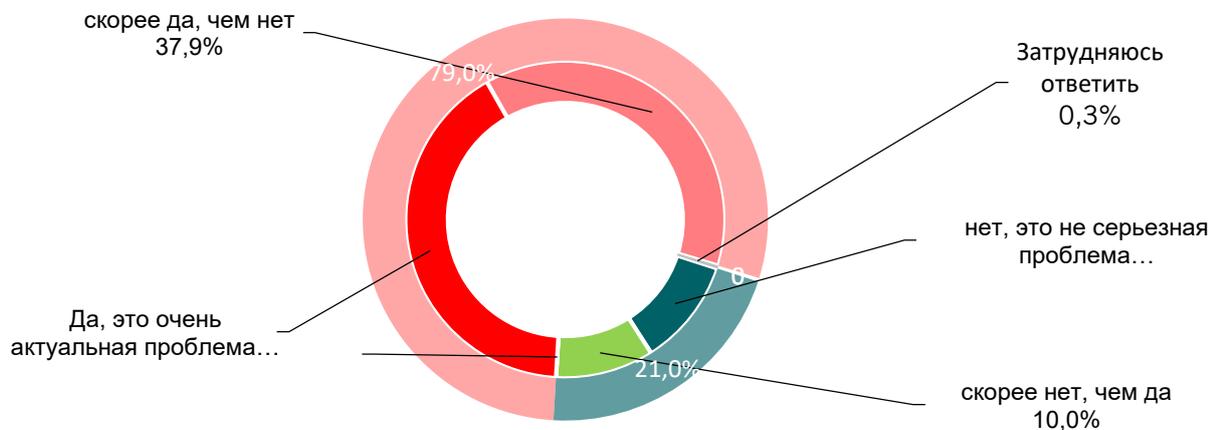

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что экологические проблемы представляют серьезную угрозу для человечества?», %

Также, респондентам был задан дополнительный вопрос – насколько лично они обеспокоены экологическими проблемами (рисунок 2). В данном случае, было важно оценить личную заинтересованность опрошенных состоянием окружающей среды, в том числе в городе Волгограде. Этот вопрос был направлен на выявление уровня экологической сознательности и готовности к активным действиям по защите природы. Понимание личной вовлеченности опрошенных в экологические проблемы является важным инструментом для формирования эффективных стратегий по улучшению экологической ситуации в городе. Ответы распределились следующим образом:

Данные наглядно демонстрируют высокую степень обеспокоенности респондентов проблемами экологии. Большинство опрошенных выбрало ответы «сильно обеспокоен» и «очень сильно обеспокоен», что свидетельствует о серьезном отношении к экологическим проблемам. Минимальное количество респондентов отметило, что они «совсем не обеспокоены», что подтверждает актуальность темы для подавляющего большинства людей.

При этом распределение ответов в соответствии с полом респондентов (рисунок 2) демонстрирует, что женщины в большей степени обеспокоены экологическими проблемами, чем мужчины.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Насколько лично Вы обеспокоены экологическими проблемами?» с учётом половой принадлежности респондентов, %

Так, в блоке online-опроса респондентам предлагалось выбрать, какие экологические проблемы, по их мнению, являются наиболее актуальными для Волгограда (см. рисунок 3). Результаты опроса свидетельствуют о том, что волгоградцы остро ощущают ряд экологических проблем, наиболее актуальными из которых они считают загрязнение воздуха – 22,5 % и повышенное количество пластиковых отходов и одноразовой упаковки – 18,4 %. Эти проблемы, очевидно, непосредственно влияют на качество жизни горожан и вызывают серьезную обеспокоенность. Следующие по значимости проблемы, волнующие опрошенных: нераздельный сбор и утилизация бытовых отходов – 15,9 %, недостаточный уход за зелеными насаждениями и парками – 14,3 %, утечка вредных веществ из складов и предприятий – 13,2 %. Эти проблемы, хотя и менее заметны, чем загрязнение воздуха и пластиковый мусор, также являются серьезными факторами, влияющими на экологическую обстановку в городе. Наименьшую обеспокоенность вызвали проблемы: излишний шум от транспорта и промышленных объектов – 6,3 %, недостаточная экологическая осведомленность и образование населения – 9,5 %. Это может говорить о том, что эти проблемы, хотя и существуют, пока не воспринимаются респондентами как критичные.

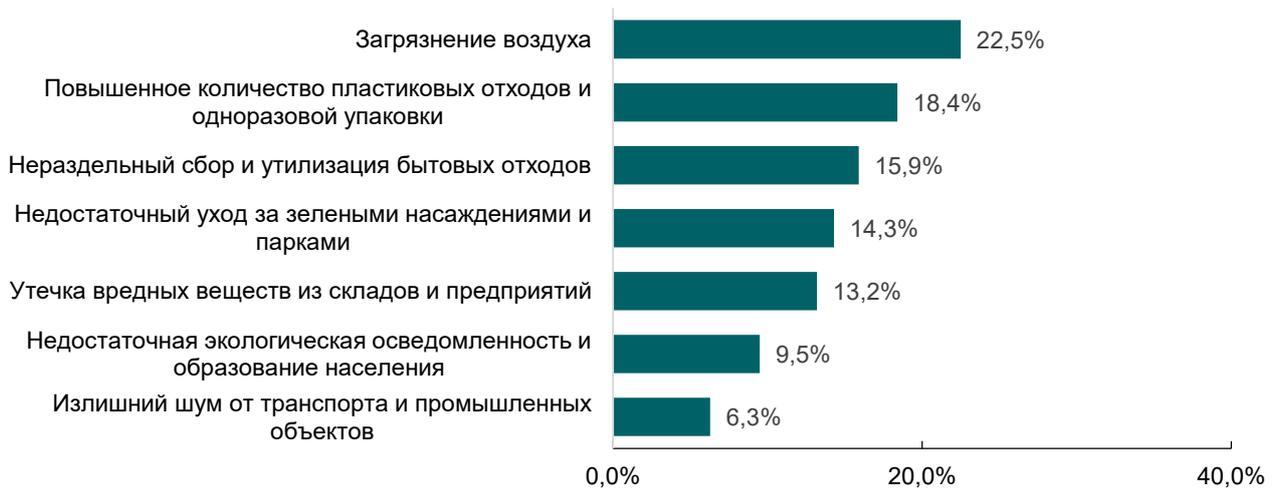

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Какие экологические проблемы, по Вашему мнению, являются наиболее актуальными для Вашего города?»

Также, информантам в рамках глубинного интервью были заданы вопросы, касающиеся социальных норм и их влияния на экологическую культуру. Данный блок был разработан в поддержку гипотезы о влиянии общепринятых норм на формирование экологической культуры. Важно выяснить, существует ли взаимосвязь между мнением общества и мнением конкретного индивида. В связи с этим, информантам был задан вопрос: «Как социальные нормы и ожидания влияют на Ваше экологическое поведение?». Проанализировав полученные ответы, можно сделать вывод, что информанты перенимают нормы и ценности общества, в котором находятся, в том числе, в отношении экологической культуры.

«Я вижу, что многие люди проявляют озабоченность экологией, об этом так же часто говорят по новостям. В какой-то степени это вдохновляет меня поступать так же» (мужчина, 35 лет).

«Мне кажется, что с каждым годом новости по нашей окружающей среде заставляют задумываться об экологическом состоянии нашего мира. Если говорить про нормы и ожидания, которые могут повлиять на моё экологическое поведение, то я могу сказать, что традиционные и классические нормы, такие, как: не мусорить, не портить окружающую среду, то есть флору и фауну – всё это влияет на формирование моей экологической культуры» (женщина, 20 лет).

Индивид, чувствуя принадлежность к определенной культуре, также перенимает ее особенности отношения и поведения, в данном случае экологическая культура не стала исключением. Тем самым, мы можем подтвердить нашу гипотезу о том, что социальные общепринятые нормы общества влияют на формирование экологической культуры.

Также, в этом же блоке вопросов, информантам предлагалось ответить на вопрос: «Как Вы реагируете на людей, которые не заботятся об окружающей среде?». Данный вопрос был задан для анализа отношения и реакции информантов на других людей, которые не заботятся об экологии. Таким образом, мы сможем проследить отношение к индивидам, выходящим из общего числа экологически ответственных горожан. Высказывания участни-

ков исследования демонстрируют различные реакции на людей, которые не заботятся об окружающей среде:

1. Безразличие – некоторые участники не обращают внимания на поведение других и считают, что это не их дело: *«Мне на них всё равно» (женщина, 20 лет).*

2. Осуждение – другие участники осуждают такое поведение и считают его неприемлемым: *«Это конечно их дело, не буду ведь я за всеми людьми смотреть, но я осуждаю таких людей, это не по-человечески» (мужчина, 22 года).*

3. Игнорирование: третьи участники просто игнорируют таких людей, считая, что изменить их невозможно: *«Игнорирую, пока они сами не поймут, ничего не сработает» (мужчина, 35 лет.)*

4. Просвещение: считают, что необходимо просвещать людей, которые не понимают, как важно заботиться об окружающей среде: *«Я считаю, люди, которые портят окружающую среду, ведут себя, как минимум, некультурно и некорректно, так как это не является общественной нормой. Как минимум, я считаю, что человеку нужно объяснить, что можно делать, а что нельзя, если он не понимает этого...» (женщина, 21 год).*

Таким образом, на уровне экологического сознания волгоградцы демонстрируют достаточно высокую степень информированности об экологических проблемах, обеспокоенности ими и экологической ответственности за их разрешение.

Экологическое поведение как форма реализации экологической культуры волгоградцев. Для выявления характеристик экологической культуры стоит обратить внимание на повседневные бытовые привычки населения Волгограда. Для этого респондентам были предложены несколько тем, связанных с бытовыми привычками и поведением. В блоке анкетирования можно выделить несколько вопросов, напрямую связанных с экологическими привычками: участие в экологических акциях, участие в субботниках, повседневные (бытовые привычки). Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: «Какие экологические действия Вы предпринимаете в повседневной жизни и насколько часто?», %

Экологические действия	Распределение ответов, %				
	Никогда	Крайне редко	Иногда	Довольно часто	Очень часто
Как часто Вы принимаете участие в экологических акциях?	23	26	18	19	14
Как часто Вы принимаете участие в субботниках?	18	20	25	21	16
Сортировка бытовых отходов	11	16	8	24	41
Экономия воды и электроэнергии	19	21	21	21	18
Использования многоразовых сумок для продуктов	19	19	22	19	21
Покупка экологически чистых продуктов	27	21	19	19	14
Использование экологической бытовой химии	19	16	18	26	21

Можно заметить, что в совокупности («Никогда» + «Крайне редко») половина опрошенных волгоградцев не принимает участия в экологических акциях (49 %), не покупает экологически чистые продукты (48 %). Почти столько же не участвует в субботниках (39 %), не экономят воду и электроэнергию (40 %), не используют многоразовые сумки для продуктов (38 %), не пользуются экологичной бытовой химией (35 %). Несколько более благоприятной выглядит ситуация с сортировкой бытовых отходов: 73 % в совокупности хотя бы иногда этим занимаются.

Похожие вопросы были заданы и в рамках глубинного интервью. Информантам предлагалось описать свои повседневные экологические привычки (например переработка, использование общественного транспорта, экономия электроэнергии).

«Я стараюсь не выкидывать пэт бутылки после первого использования. Маленькие бутылочки из-под сока удобно использовать повторно для транспортировки воды в течение дня, а большего размера для отстаивания воды, чтобы в дальнейшем поливать комнатные растения» (женщина, 21 год).

«Могу сказать, что раз в несколько месяцев я сдаю бумагу на переработку в специализированные места, чтобы сохранить нашу природу» (женщина, 22 года).

«Я выключаю свет и электроприборы, когда они не используются. Стараюсь экономить воду» (мужчина, 35 лет).

«У меня имеются привычки, связанные окружающей средой, я часто пользуюсь общественным транспортом, причем предпочитаю электротранспорт, чтобы было меньше выхлопных газов. Также считаю, что при наличии дома техники высоким классом энергопотребления, экономится электроэнергия. Также рассматриваю возможность использования солнечной энергии для освещения в частном доме» (женщина, 35 лет).

В целях формирования экологической культуры населения осуществляется экологическое просвещение посредством распространения знаний об экологической безопасности, информации о состоянии окружающей среды и об использовании природных ресурсов. Экологическое просвещение, в том числе информирование жителей города о законодательстве в области охраны окружающей среды и экологической безопасности, осуществляется органами государственной власти, местного самоуправления, а также общественными объединениями, средствами массовой информации, образовательными учреждениями и учреждениями культуры, иными юридическими лицами. Основные направления формирования экологической культуры не могут быть эффективно реализованы, если природоохранные принципы не будут внедрены в сознание общества путем массового воспитания и пропаганды охраны окружающей среды. В связи с этим, в online-опросе респондентам были заданы следующие вопросы: «Какую роль, по Вашему мнению, должно играть государство в решении экологических проблем? Мнение респондентов по данному вопросу предельно понятно: 85 % респондентов считают, что государство должно играть активную роль в решении вопросов экологического характера, 10 % респондентов считают, что не нужно вмешиваться и только 5 % респондентов уверены, что государство должно играть пассивную роль.

Далее для тех респондентов, кто выбрал вариант ответа «активную», был задан дополнительный вопрос о самой деятельности государства: «В чем, по Вашему мнению, должны проявляться активные действия государства?» (Рисунок 4).

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «В чем, по Вашему мнению, должны проявляться активные действия государства?», %

Наиболее значимым, с точки зрения респондентов, оказалось принятие законов и нормативных актов, устанавливающих стандарты выбросов, правил утилизации отходов, мер по сохранению биоразнообразия (30 %). Меньше всего волгоградцы надеются на правоохранительные меры и механизмы надзора для обеспечения соблюдения экологических норм (18 %).

Среди мер, которые, по мнению респондентов, стоит разрабатывать в рамках вузовских программ, оказались следующие: «практические занятия: уборка мусора и мероприятия по озеленению. Экскурсии в заповедники и национальные парки. Демонстрации экологически чистых технологий» (52 %), «интерактивные мероприятия: Онлайн-игры и викторины об экологии. Конкурсы на создание экологических проектов и инициатив» (26 %), «психологические аспекты: развитие экологического сознания и сочувствия» (23 %). Таким образом, именно практические занятия респонденты считают наиболее необходимым для внедрения.

В рамках качественного исследования информантам был задан вопрос: «Считаете ли Вы, что экологическое образование должно быть обязательным для всех?»

«Я считаю, что экологическое образование необходимо ввести в школьные уроки, чтобы следующие поколения так же продолжали заботиться об окружающей среде» (женщина, 35 лет).

«Да, я считаю, что экологическое образование должно быть у каждого, чтобы повысить осведомленность и быть более ответственным» (мужчина, 45 лет).

Также, важным было выяснить, готовы ли сами жители города к изменениям, для этого в ходе online-опроса был задан следующий вопрос: «Насколько Вы готовы изменить свой образ жизни ради улучшения экологической ситуации?» (Рисунок 5).

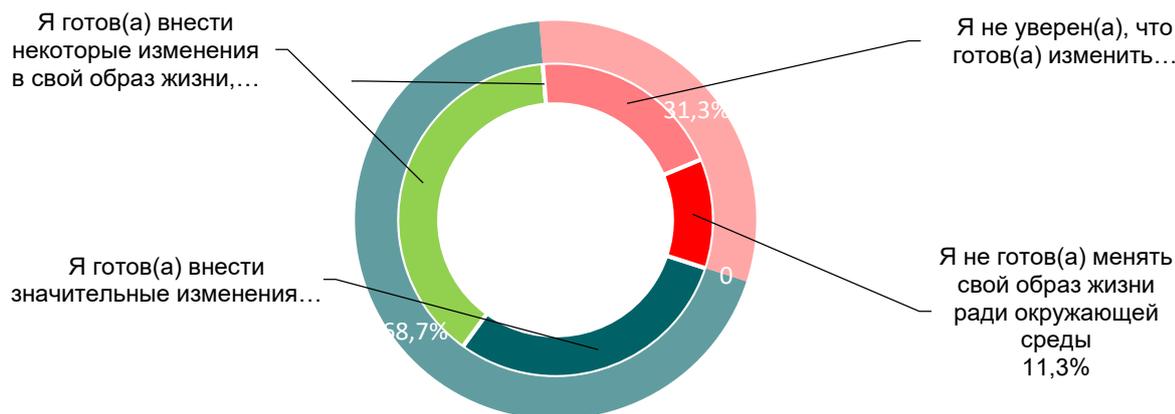

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы готовы изменить свой образ жизни ради улучшения экологической ситуации?», %

Результаты показывают, что 68,7 % опрошенных готовы внести «некоторые изменения» или «значительные изменения» в свою повседневную жизнь. 20 % опрошенных «не уверены, что готовы внести изменения». И только 11 % опрошенных «не готовы вносить изменения в свою повседневную жизнь». Это говорит о том, что большая часть опрошенных готова на изменения своей бытовой жизни для улучшения ситуации и устранения экологических проблем. Также, респондентам, выбравшим варианты ответа «некоторые изменения» и «значительные изменения» предлагалось охарактеризовать, какие изменения они бы внесли. Ответ подразумевал развернутый текст. Респонденты указали множество возможных изменений, но при анализе были выделены следующие наиболее популярные ответы:

- сортировка отходов;
- отказ от пластиковых пакетов;
- экономия электроэнергии;
- ходили бы на субботники;
- использование экологически безопасных химических средств.

С помощью этих ответов можно понять основные векторы дальнейшего развития экологической культуры волгоградцев.

Выводы и рекомендации. Делая общий вывод, можно говорить о достаточно хорошей осведомленности жителей города в отношении всех аспектов преобразования экологии, таких как утилизация, сортировка мусора, вред и последствия использования пластика и химических отходов. Но, к сожалению, не слишком развиты тенденции по сохранению экологически благоприятных условий, только некоторые из опрошенных подтвердили, что сортируют мусор и не используют химически опасные бытовые средства.

Так же стоит отметить, что, в целом, население имеет хорошую перспективу дальнейшего развития правильных бытовых экологических привычек, а также готово к внесению изменений в свою жизнь. Более того, опрошенные хотели бы, чтобы были внесены изменения как в образовательную систему, так и в государственную политику для улучшения экологической ситуации.

Отдельно следует отметить формирование экологических ценностей и норм. В ответах информантов в глубинном интервью и респондентов в online-опросе прослеживается установление определённых ценностных ориентаций в отношении экологии, принятии решений в целях поддержания экологически благоприятных условий, насколько это возможно. Формируется образ жизни и повседневной деятельности с опорой на экологически благоприятный исход.

Самым существенным недостатком в понимании проблем окружающей среды является несформированное экологическое сознание, определяющее значение поступков индивидов, социальных групп, культуру общества в целом. Все экологические, социальные и экономические проблемы современной цивилизации лежат в самом человеке – прежде всего в его сознании, которое определяет его действия во всех областях. Из проблемных ситуаций также следует выделить:

1. Низкий уровень экологической грамотности – многие люди не обладают достаточными знаниями об экологических проблемах, их причинах и последствиях. Это затрудняет формирование ответственного отношения к окружающей среде.

2. Индивидуализм и потребительское отношение – население ориентировано на потребление и личный комфорт, что приводит к чрезмерному использованию ресурсов и образованию отходов.

3. Недостаточная активность граждан – многие люди считают, что экологические проблемы не касаются их лично и не принимают активного участия в природоохранной деятельности.

Далеко не каждый индивид способен осознать, что экологические проблемы способны возникать, в результате влияния его образа жизни, на экологическую ситуацию как в стране, так и во всём мире. Несформированная экологическая культура является одним из основных препятствий для достижения устойчивого развития. Экологические проблемы, такие как загрязнение окружающей среды, изменение климата, сокращение биоразнообразия, являются следствием бездумного природопользования и безответственного отношения человека к природе.

Формирование экологической культуры позволит:

- Снизить негативное воздействие на окружающую среду, уменьшив выбросы загрязняющих веществ, сократив потребление ресурсов и уменьшив количество образующихся отходов.
- Улучшить качество жизни людей, обеспечив доступ к чистой воде, свежему воздуху и здоровым экосистемам.
- Сохранить биоразнообразие и обеспечить основу для устойчивого развития будущих поколений.

Так, исходя из анализа результатов и выявления проблемных зон, можно сформированы следующие рекомендации:

1. Повышение осведомленности:

- Запуск информационных кампаний в СМИ, социальных сетях, на городских билбордах с акцентом на важность экологического поведения.
- Проведение общедоступных лекций и семинаров для разных возрастных групп.

2. Образовательная программа:

- Включить экологическое образование в школьную программу, начиная с младших классов.
- Проводить факультативы, кружки и летние экологические лагеря для детей и подростков.

3. Стимулирование экологичного поведения:

- Внедрение экологически чистых технологий.
- Развивать инфраструктуру для отдельного сбора мусора, предоставлять доступ к компостированию органических отходов.
- Поощрение использования общественного транспорта, велосипедов и электромобилей.

4. Общественные инициативы:

- Поддержка и продвижение волонтерских проектов по уборке городских территорий, озеленению, эко-просвещению.

5. Сотрудничество и диалог:

- Создание общественной экологической платформы: Создание площадки для обсуждения экологических проблем города, обмена опытом, разработки совместных инициатив.

6. Информирование и диалог с властью:

- Проведение открытых публичных слушаний по экологическим вопросам, предоставление возможности жителям участвовать в разработке экологической политики города.

Чтобы закрепить стандарты экологического поведения требуются объединенные усилия правительства, местных властей, экспертов, общественных организаций и не в последнюю очередь самих граждан. Российское законодательство, система и контроль играют самую важную роль в сохранении благоприятной окружающей среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бардаков, А. И. Местное самоуправление в политической системе современной России / А. И. Бардаков // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 1 (7). С. 7–18. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N1.pdf
2. Капра, Ф. Паутина жизни : Новое науч. понимание живых систем / Ф. Капра. Киев : София; М. : Гелиос, 2002. 334 с.
3. Нобелевскую премию мира получила женщина-африканка // РБК, 08 окт. 2004. URL: <https://www.rbc.ru/society/08/10/2004/5703c4849a7947dde8e0c5ba> (дата обращения 01.11.2024).
4. Остром, Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности / Э. Остром. М.: Мысль, ИРИСЭН, 2011. 447 с.
5. Orr, D. Environmental Literacy: Educating Our Children for a Sustainable World: New York: SierraClubBooks; 2005. 232 p.
6. Sperber, E. Clean, Green, Class War: Bill McKibben's Shortsighted 'War on Climate Change'. URL: <https://www.counterpunch.org/2016/08/22/clean-green-class-war-bill-mckibbens-shortsighted-war-on-climate-change/> (дата обращения 01.10.2024).

REFERENCES

1. Bardakov, A. I. Mestnoe samoupravlenie v politicheskoy sisteme sovremennoy Rossii // Paradigmy upravleniya, ekonomiki i prava. 2023. № 1 (7). S. 7–18. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N1.pdf
2. Kapra F. Pautina zhizni : Novoe nauch. ponimanie zhivyykh sistem: Kiev : Sofiya; M.: Geolios, 2002. 334 s.
3. Nobelevskuyu premiyu mira poluchila zhenshchina-afrikanka // RBK, 08 okt. 2004. URL: <https://www.rbc.ru/society/08/10/2004/5703c4849a7947dde8e0c5ba> (data obrashcheniya 01.11.2024).
4. Ostrom, E. Upravlyaya obshchim. Evolyutsiya institutov kollektivnoy deyatelnosti. M.: Mysl', IRISEN, 2011. 447 s.
5. Orr, D. Environmental Literacy: Educating Our Children for a Sustainable World: New York: SierraClubBooks; 2005. 232 p.
6. Sperber, E. Clean, Green, Class War: Bill McKibben's Shortsighted 'War on Climate Change'. URL: <https://www.counterpunch.org/2016/08/22/clean-green-class-war-bill-mckibbens-shortsighted-war-on-climate-change/> (data obrashcheniya 01.10.2024).

Информация об авторе

Марина Юрьевна Болдина, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия Адрес: 400066, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8, кома34@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6506-1176, SPIN-код: 1580-5954, AuthorID: 668023.

Information about the Author

Marina Yu. Boldina, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology, Volgograd Institute of Management, branch of RANEPH, Volgograd, Russia Address: 8, Gagarina str., Volgograd, 400066, Russian Federation. кома34@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6506-1176, SPIN-код: 1580-5954, AuthorID: 668023.

Для цитирования: Болдина М. Ю. Экологически ответственный образ жизни современного горожанина: теоретическая модель и ее практическое воплощение (опыт социологического анализа на примере Волгограда) // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 4 (14). С. 29–44. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N4.pdf

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

REGIONAL ECONOMY

УДК 336.774

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИПОТЕЧНОГО ЖИЛИЩНОГО КРЕДИТОВАНИЯ КАК ФАКТОРА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Никита Александрович Сошин, Ирина Васильевна Максимова
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Введение. Во введении обосновывается необходимость смещения акцентов в исследовании роли ипотечного жилищного кредитования с микро- и макроуровня управления на региональный уровень управления. Раскрываются актуальные направления исследования ипотечного жилищного кредитования в аспекте влияния на социально-экономическое развитие регионов России. Формулируются цель и задачи проведенного авторами исследования.

Методы. Для решения обозначенных задач, авторами были использованы методы группировки, экономико-статистического анализа, включая индексный метод и метод корреляционно-регрессионного анализа.

Анализ. Представлены результаты анализа влияния развития ипотечного жилищного кредитования на показатели социально-экономического развития субъектов РФ. В частности, продемонстрировано влияние развития ипотечного жилищного кредитования на рост ВРП, развитие строительной отрасли; проведена группировка регионов по схожести проблем в развитии ипотечного жилищного кредитования в регионах РФ.

Результаты. На основе проведенного исследования сформулированы рекомендации по дальнейшему развитию направлений анализа ипотечного жилищного кредитования в регионах РФ. В частности, обоснована необходимость расширения круга показателей в целях группировки регионов РФ по схожести проблем, что позволит упорядочить процесс государственного регулирования и более рационально использовать бюджетные средства, а также создаст условия для более целенаправленного исследования проблем развития ипотечного жилищного кредитования. Показана необходимость расширения круга показателей для оценки реальных возможностей населения по улучшению жилищных условий и использова-

нию ипотечного жилищного кредита с учетом объема и структуры затрат домохозяйств и уровня розничных цен на потребительские товары и услуги, что вызывает необходимость разработки специального инструментария. Показано, что для повышения объективности оценки роли ипотечного жилищного кредитования в развитии региональных банковских систем необходима разработка специального инструментария, который позволял бы делать выводы о возможном влиянии ипотечного кредитования на финансовую устойчивость региональной банковской системы.

Ключевые слова: ипотечное кредитование, социально-экономическое развитие, экономический рост, региональные факторы.

UDC 336.774

CURRENT RESEARCH AREAS OF MORTGAGE HOUSING LENDING AS A FACTOR OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Nikita A. Soshin, Irina V. Maksimova

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The introduction substantiates the need to shift the focus in the study of the role of mortgage housing lending from the micro and macro levels of management to the regional level of management. The current areas of research into mortgage housing lending in terms of their impact on the socio-economic development of Russian regions are revealed. The goal and objectives of the study conducted by the authors are formulated.

Methods. To solve the above-mentioned problems, the authors used the methods of grouping, economic and statistical analysis, including the index method and the method of correlation and regression analysis.

Analysis. The article presents the results of the analysis of the impact of mortgage housing lending development on the indicators of socio-economic development of the constituent entities of the Russian Federation. In particular, the impact of mortgage housing lending development on the growth of GRP and the development of the construction industry is demonstrated; regions are grouped according to the similarity of problems in the development of mortgage housing lending in the regions of the Russian Federation.

Results. Based on the study, recommendations are formulated for the further development of areas of mortgage housing lending analysis in the regions of the Russian Federation. In particular, the necessity of expanding the range of indicators for the purpose of grouping regions of the Russian Federation by similarity of problems is substantiated, which will streamline the process of state regulation and more rationally use budget funds, and will also create conditions for a more targeted study of the problems of development of mortgage housing lending. The necessity of expanding the range of indicators for assessing the real opportunities of the population to improve housing conditions and use mortgage housing loans is shown, taking into account the volume and structure of household expenses and the level of retail prices for consumer goods and services, which necessitates the development of special tools. It is shown that in order to increase the objectivity of as-

sessing the role of mortgage housing lending in the development of regional banking systems, it is necessary to develop special tools that would allow drawing conclusions about the possible impact of mortgage lending on the financial stability of the regional banking system.

Keywords: mortgage lending, socio-economic development, economic growth, regional factors.

Введение. Ипотечное жилищное кредитования следует рассматривать не просто как способ получения прибыли коммерческими банками. В первую очередь, ипотечное жилищное кредитование – это инструмент улучшения жилищных условий населения, повышения качества жизни населения за счет роста уровня удовлетворения потребностей в жилье. Именно улучшение жилищных условий выступает главной составляющей сущности социально-экономического значения ипотечного жилищного кредитования. Кроме того, ипотечное жилищное кредитование напрямую способствует развитию строительной отрасли, так как влияет на возможности застройщиков продавать строительные объекты. А это, в свою очередь, оказывает воздействие на развитие смежных отраслей – производство строительных материалов, строительной техники, строительство дорог, коммуникаций и пр. В этой связи исследование ипотечного жилищного кредитования следует рассматривать в числе наиболее важных направлений в современной экономической науке. Но, несмотря на это, анализ литературы демонстрирует наличие многих пробелов в теории и методологии жилищного кредитования и оценки его роли в современной экономике России.

Важной методологической проблемой, требующей решение, выступает смещение акцентов по уровням исследования. В основном исследования, посвященные ипотечному жилищному кредитованию, касаются микроуровня управления, то есть уровня отдельных коммерческих банков. Высокие риски, возникающие в результате кредитования, в том числе ипотечного жилищного кредитования, вызывают необходимость тщательной проработки методологии анализа кредитных рисков и формирования кредитного портфеля. Как раз этому аспекту посвящена большая часть научных исследований, представленных в специальной литературе. Достаточно много внимания в научной литературе уделяется вопросам ипотечного жилищного кредитования на макроуровне управления. В том числе в таких аспектах, как влияние на развитие ипотечного жилищного кредитования макроэкономических факторов (инфляции, размера ключевой ставки) и государственных программ льготного ипотечного кредитования.

Региональному аспекту проблемы развития ипотечного жилищного кредитования уделяется не так много внимания. Хотя в литературе встречаются публикации, посвященные исследованию развития ипотечного кредитования в субъектах РФ, например, исследования неравномерности развития А. И. Чуканова [7, с. 71-78], уровня развития в отдельных регионах РФ, к примеру, исследования Т. С. Гриценко [4, с. 24], оценке рынка в регионах РФ, например, исследования Е. О. Кузнецовой [5, с. 123-129] и др. Вместе с тем, опубликованные результаты исследований скорее только демонстрируют необходимость дифференцированного подхода к решению проблемы развития ипотечного жилищного кредитования в отдельных субъектах РФ и не вскрывают причинно-следственные связи между развитием ипотечного жилищного кредитования и влиянием факторов регионального плана. Однако значение региональных факторов также очевидно. Субъекты РФ отличаются уровнем социально-

экономического развития, уровнем доходов населения, количеством и характером застройщиков, стоимостью земельных участков, себестоимостью строительства, и наконец, обеспеченностью населения жильем и его качеством. Не полностью раскрыты вопросы о влиянии региональных факторов на развитие ипотечного кредитования, в том числе таких, как уровень жизни населения (размер доходов и структура расходов населения), состояние жилищного фонда, уровень розничных цен на потребительские товары и услуги, стоимость жилой площади на первичном и вторичном рынке жилья, количество и характер застройщиков, представленных на рынке и др.

Является актуальным уточнение роли ипотечного жилищного кредитования в социально-экономическом развитии субъектов РФ. Хотя в публикациях последних лет можно встретить исследования, посвященные, оценке взаимосвязи между объемом выданных кредитов и размером ВРП на основе построения корреляционно-регрессионной модели [1, с. 84-97], анализу влияния жилищного кредитования на решении проблем населения в улучшении жилищных условий [2], анализу влияния размера выданных ипотечных кредитов на рост производства в строительной отрасли [3, с. 215-225], однако еще нельзя говорить о том, что данные исследования полностью раскрывают роль ипотечного жилищного кредитования в социально-экономическом развитии регионов России. Например, требует уточнение методология оценки влияния роста ипотечного жилищного кредитования на рост строительства объектов жилой застройки в регионах РФ и в целом ВРП. Опубликованные исследования взаимосвязи объема ипотечных жилищных кредитов и объема ввода строительных объектов, а также показателя ВРП не предполагали ранее приведение показателей к численности проживающего на территории населения, что на самом деле искажает результаты оценки. При таком подходе исключается возможность сравнения ситуации одновременно в крупных и меньших по площади и численности населения регионах. В научной литературе не представлено исследований влияния ипотечного жилищного кредитования на устойчивость региональных банковских систем. А такая оценка может быть весьма неоднозначна. С одной стороны, ипотечные жилищные кредиты – это фактор роста активов банка, залога финансовой устойчивости и высокой рентабельности. Но, с другой стороны, ипотечные кредиты – это источник высоких банковских рисков невозврата заемных средств.

Цель данного исследования заключалась в обосновании направлений исследования региональных факторов, влияющих на развитие ипотечного жилищного кредитования в субъектах РФ, проведение оценки влияния развития ипотечного кредитования на экономический рост в субъектах РФ и развитие региональных банковских систем.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

- провести сравнительный анализ взаимосвязи между уровнем развития ипотечного жилищного кредитования, с одной стороны, и уровнем возможных существующих потребностей населения в улучшении жилищных условий, с другой стороны, в дифференциации по группам регионов;
- сделать оценку уровня доступности жилья на первичном и вторичном рынке в региональном разрезе;
- провести оценку взаимосвязи между показателями ввода жилья и ростом экономики с использованием приведенных показателей к численности населения субъектов РФ;

- произвести оценку возможного влияния развития ипотечного жилищного кредитования на развитие строительной отрасли и региональных банковских систем.

Методология. В целях проведения сравнительного анализа взаимосвязи между уровнем развития ипотечного жилищного кредитования, с одной стороны, и уровнем возможных существующих потребностей населения в улучшении жилищных условий, с другой стороны, проводили дифференциацию регионов по показателям общего размера кредита в расчете на 1 жителя и темпа роста кредита на 1 жителя, а также дифференциацию регионов по показателям общего размера жилой площади на 1 человека и темпа изменения общего размера жилой площади на 1 человека. Для оценки уровня доступности жилья рассчитывали коэффициент доступности жилья КДЖ [6], как соотношение между рыночной стоимостью квартиры площадью 54 кв. м. и зарплатой 2 членов семьи за год на первичном и вторичном рынках жилья. Для анализа взаимосвязи между развитием ипотечного жилищного кредитования и развитием экономики в регионах РФ использовался корреляционно-регрессионный анализ между показателями ВРП на душу населения и объемом строительных работ в расчете на 1 жителя. Для анализа взаимосвязи между развитием ипотечного кредитования и развитием жилищного строительства рассчитывался показатель парной корреляции, а также индексы опережения/отставания. В целях анализа влияния развития ипотечного жилищного кредитования на развитие региональной банковской системы проводился корреляционно-регрессионный анализ между показателями размера кредита на 1 жителя и количеством кредитных организаций в расчете на 100 тыс. жителей.

Информационной базой исследования выступали данные Росстата¹ и Банка России².

Результаты исследования. Результаты группировки регионов по уровню развития ипотечного жилищного кредитования приведены на рис. 1. Как видно из рис. 1, в значительной части регионов РФ (68 % регионов) отмечаются высокие темпы роста размера кредита. При этом почти в четверти регионов (24 %) на фоне высоких темпов роста размера кредита наблюдаются еще и более высокие размеры кредитов в расчете на 1 жителя. Наиболее емкими по размеру ипотечных кредитов и растущими рынками ипотечных кредитов можно считать Архангельскую область, Ленинградскую область, Республику Татарстан, Республику Саха (Якутию), Республику Бурятия, Магаданскую область, Сахалинскую область, Забайкальский край, Приморский край, Красноярский край, что может быть связано с более высоким, по сравнению со среднероссийским, платежеспособным спросом населения (уровнем доходов населения). Наиболее неблагоприятная ситуация, где низкие темпы роста среднего размера ипотечного кредита в расчете на 1 жителя, отмечаются в 26 % исследуемых регионов. Причем у 14 % регионов с низкими темпами роста среднего размера кредита отмечаются еще и самые низкие значения размера кредита в расчете на 1 жителя. Это Омская область, Томская область, Кировская область, Алтайский край, Республика Мордовия, Вологодская область, Республика Ингушетия, и некоторые другие регионы, где, по всей вероятности, уровень платежеспособного спроса наиболее низкий по сравнению с другими регионами РФ.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: Rosstat.ru

² Информационный бюллетень «Сведения о рынке ипотечного жилищного кредитования в России» // Информационный бюллетень. 2024. № 8 (52). URL: «Сведения о рынке ипотечного жилищного кредитования в России». Банк России.

		Размер ипотечного кредита в расчете на 1 жителя в % к среднероссийскому уровню, % (по данным за 2022 г.)		
		Ниже среднероссийского уровня (≤96 % к среднероссийскому уровню)	На среднерос- сийском уровне (97-103 % к среднерос- сийскому уровню)	Выше среднероссийского уровня (≥104 % к среднероссийскому уровню)
Темп изменения показателя размера ипотечного кредита в расчете на 1 жителя, раз (по данным за 2005–2022 гг.)	Ниже среднероссийского уровня (< 68 аза)	Вологодская область, г. Севастополь, Республика Крым, Республика Ингушетия, Республика Мордовия, Кировская область, Самарская область, Алтайский край, Кемеровская область, Омская область, Томская область	Калужская область, Пермский край, Челябинская область	Республика Коми, Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Оренбургская область, Тюменская область, Новосибирская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ
	На средне- российскому уровне (68-69 раза)	Ярославская область		
	Выше среднероссийского уровня (>69 раза)	Брянская область, Владимирская область, Воронежская область, Ивановская область, Костромская область, Курская область, Липецкая область, Московская область, Орловская область, Рязанская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область, г. Москва, Республика Карелия, Калининградская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Адыгея, Волгоградская область, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край, Республика Марий Эл, Нижегородская область, Пензенская область, Саратовская область, Ульяновская область, Свердловская область, Республика Алтай, Иркутская область	Белгородская область, Краснодарский край, Астраханская область	Архангельская область, Ленинградская область, Мурманская область, г. Санкт-Петербург, Республика Калмыкия, Ростовская область, Республика Татарстан, Курганская область, Республика Тыва, Республика Хакасия, Красноярский край, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область

Рис. 1. Матрица дифференциации регионов РФ по размеру ипотечного кредита в расчете на 1 жителя и темпу изменения размера ипотечного кредита в расчете на 1 жителя (по данным за 2005, 2022 гг.)

Согласно данным рис. 2, наиболее высокий спрос на жилье, а значит, очевидно, и на ипотечное кредитование, может складываться в четверти российских регионов. В некоторых случаях наиболее низкие значения обеспеченности жилой площади отмечаются в тех регионах, где наблюдаются высокие темпы роста среднего размера ипотечных кредитов, например, это Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия, Магаданская область, Сахалинская область, Забайкальский край, Приморский край, Красноярский край и др. Однако часть регионов РФ с низкой обеспеченностью жильем (например, г. Севастополь, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Кемеровская область и др.) характеризуются более

низким по сравнению со среднероссийскими значениями уровнем развития ипотечного кредитования. Подобная ситуация, вероятнее всего, связана с тем, что низкий платежеспособный спрос на ипотечные кредиты не выступает стимулом для населения в улучшении жилищных условий и развития строительной отрасли. Хотя здесь нельзя исключить и влияние других факторов: недостаточное производство строительных материалов, высокая стоимость строительства и стоимость земли, наконец, это может быть связано с отсутствием достаточного количества застройщиков.

		Обеспеченность общей площадью в расчете на 1 жителя в % к среднероссийскому уровню % (по данным за 2022 г.)		
		Ниже среднероссийского уровня (≤ 96 % к среднероссийскому уровню)	На среднерос- сийском уровне (97–103 % к среднерос- сийскому уровню)	Выше среднероссийского уровня (≥ 104 % к среднероссийскому уровню)
Темп изменения показателя общей площади в расчете на 1 жителя, раз (по данным за 2005–2022 гг.)	Ниже среднероссийского уровня ($< 1,4$ раза)	г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Адыгея, Волгоградская область, г. Севастополь, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край, Тюменская область, Республика Тыва, Красноярский край, Иркутская область, Кемеровская область, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Приморский край, Хабаровский край, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ	Мурманская область, Омская область, Камчатский край, Амурская область	Ленинградская область Магаданская область
	На среднероссийскому уровне (1,4 раза)	Республика Калмыкия, Астраханская область, Республика Дагестан, Удмуртская Республик, Томская область	Ростовская область, Республика Татарстан, Пермский край, Самарская область, Челябинская область, Республика Хакасия, Алтайский край	Белгородская область, Владимирская область, Воронежская область, Ивановская область, Калужская область, Костромская область, Курская область, Московская область, Орловская область, Смоленская область, Тверская область, Тульская область, Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Вологодская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Нижегородская область, Саратовская область
	Выше среднероссийского уровня ($> 1,4$ раза)	Республика Крым, Чеченская Республика, Республика Алтай	Республика Башкортостан, Курганская область, Свердловская область, Новосибирская область	Липецкая область, Рязанская область, Тамбовская область, Ярославская область, Калининградская область, Краснодарский край, Чувашская Республика, Кировская область, Оренбургская область, Пензенская область, Ульяновская область, Сахалинская область

Рис. 2. Матрица дифференциации регионов РФ по размеру жилой площади и темпу изменения размера жилой площади (по данным за 2005, 2022 гг.)

Сравнение коэффициента доступности жилья в 2022 г. (рис. 3) демонстрирует, что ситуация в отдельных регионах с доступностью жилья весьма неоднозначна.

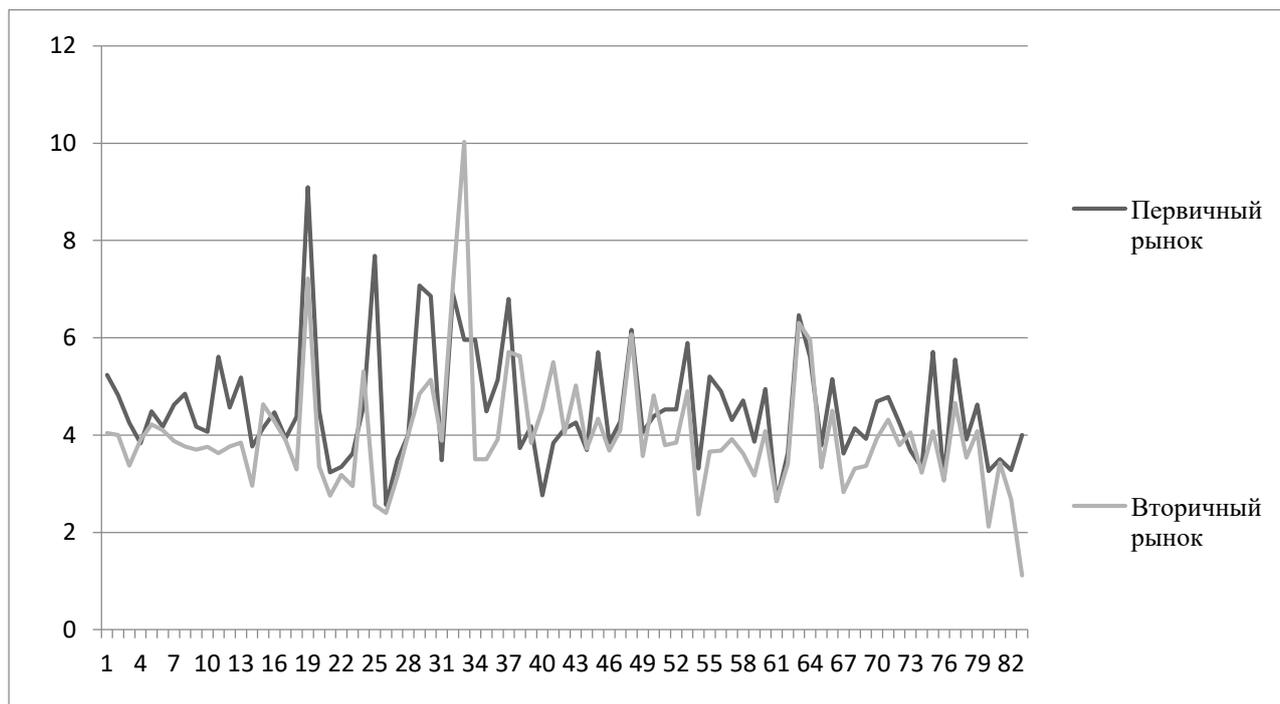

Рис. 3. Коэффициент доступности жилья в регионах РФ* (по данным за 2022 г.)

* *Примечание:* 1 – Российская Федерация, 2 – Белгородская область, 3 – Брянская область, 4 – Владимирская область, 5 – Воронежская область, 6 – Ивановская область, 7 – Калужская область, 8 – Костромская область, 9 – Курская область, 10 – Липецкая область, 11 – Московская область, 12 – Орловская область, 13 – Рязанская область, 14 – Смоленская область, 15 – Тамбовская область, 16 – Тверская область, 17 – Тульская область, 18 – Ярославская область, 19 – г. Москва, 20 – Республика Карелия, 21 – Республика Коми, 22 – Архангельская область, 23 – Вологодская область, 24 – Калининградская область, 25 – Ленинградская область, 26 – Мурманская область, 27 – Новгородская область, 28 – Псковская область, 29 – г. Санкт-Петербург, 30 – Республика Адыгея, 31 – Республика Калмыкия, 32 – Краснодарский край, 33 – Астраханская область, 34 – Волгоградская область, 35 – Ростовская область, 36 – Республика Дагестан, 37 – Республика Ингушетия, 38 – Кабардино-Балкарская Республика, 39 – Карачаево-Черкесская Республика, 40 – Республика Северная Осетия – Алания, 41 – Чеченская Республика, 42 – Ставропольский край, 43 – Республика Башкортостан, 44 – Республика Марий Эл, 45 – Республика Мордовия, 46 – Республика Татарстан, 47 – Удмуртская Республика, 48 – Чувашская Республика, 49 – Пермский край, 50 – Кировская область, 51 – Нижегородская область, 52 – Оренбургская область, 53 – Пензенская область, 54 – Самарская область, 55 – Саратовская область, 56 – Ульяновская область, 57 – Курганская область, 58 – Свердловская область, 59 – Тюменская область, 60 – Челябинская область, 61 – Республика Алтай, 62 – Республика Тыва, 63 – Республика Хакасия, 64 – Алтайский край, 65 – Красноярский край, 66 – Иркутская область, 67 – Кемеровская область, 68 – Новосибирская область, 69 – Омская область, 70 – Томская область, 71 – Республика Бурятия, 72 – Республика Саха (Якутия), 73 – Забайкальский край, 74 – Камчатский край, 75 – Приморский край, 76 – Хабаровский край, 77 – Амурская область, 78 – Магаданская область, 79 – Сахалинская область, 80 – Еврейская автономная область, 81 – Чукотский автономный округ.

В соответствии с методологией оценки КДЖ, применяются следующие критерии:

до трёх лет – жильё доступно;

от трёх до четырёх лет – жильё не совсем доступно;

от четырёх до пяти – покупка жилья серьёзно осложнена;

от пяти и выше – жильё существенно недоступно.

Согласно полученным результатам (рис. 3) значение КДЖ меньше 3 отмечается только в Тюменской и Мурманской областях, что, очевидно, связано с высоким уровнем средней заработной платы в этих регионах. Самое недоступное жильё, то есть, где значения КДЖ выше 5, в таких субъектах РФ, как: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Приморский край, Республика Тыва, Республика Алтай, Республика Татарстан, г. Севастополь, Краснодарский край, Республика Крым, Республика Адыгея, то есть в 12 % регионов. В 28 % исследуемых регионов жильё недоступно, КДЖ имел значение около 3. В преобладающем количестве регионов, то есть в 60 %, приобретение жилья существенно затруднено (значение АДЖ от 4 до 5).

Как отмечалось ранее, остается еще малоизученной проблема влияния ипотечного жилищного кредитования на социально-экономическое развитие регионов РФ. Для актуализации этого направления исследования был проведен анализ взаимосвязи между изменением базисных темпов роста среднего размера кредита на 1 жителя и величины ввода жилой площади на 1 жителя в регионах РФ. В целом по всем исследуемым регионам РФ корреляционно-регрессионная связь представлена на графике рис. 4.

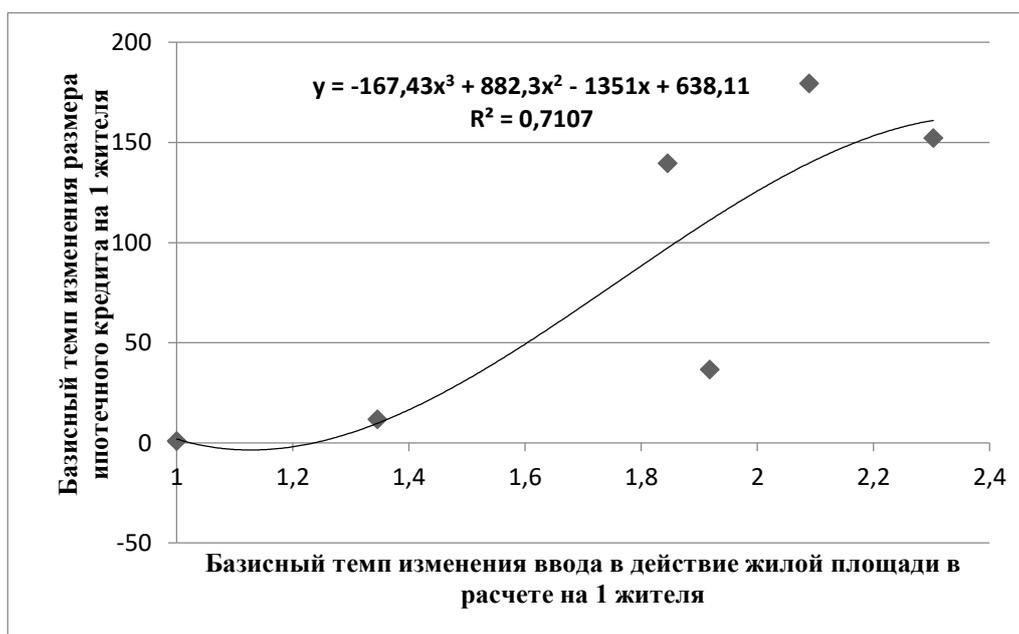

Рис. 4. Линия регрессии по показателям темпов роста размера ипотечного жилищного кредита и темпов роста ввода жилой площади в регионах РФ (по данным за 2005–2022 гг.)

Анализ парной корреляции между показателями размера ипотечных жилищных кредитов в расчете на 1 жителя и вводом жилья на 1 жителя в регионах РФ (рис. 5) демонстрирует высокие значения показателя парной корреляции в преобладающем количестве субъектов РФ. Наиболее высокие показатели, характеризующие более выраженную взаимосвязь, отмечались в ряде регионов, где наблюдались наиболее высокие темпы роста размера ипо-

течных жилищных кредитов на 1 жителя. Это Архангельская область, Ленинградская область, Республика Татарстан и Красноярский край. Отрицательные значения парной корреляции отмечались в регионах с низкими значениями размера ипотечных жилищных кредитов на 1 жителя или с низкими значениями ввода жилья в расчете на 1 жителя. Это такие регионы, как Республика Ингушетия, Алтайский край, Омская область, Томская область и др.

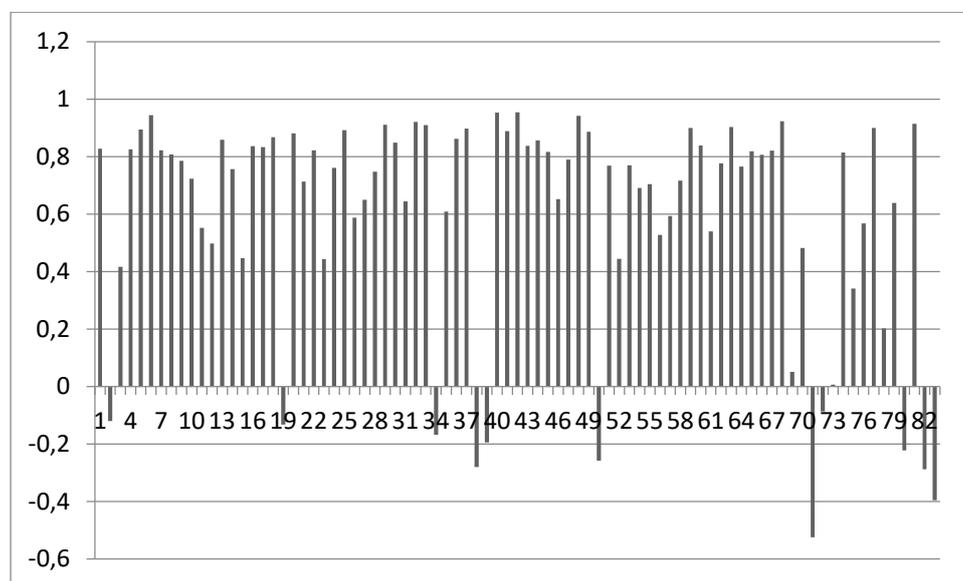

Рис. 5. Показатели парной корреляции между размером кредита на 1 жителя и вводом жилой площади на 1 жителя в регионах РФ* (по данным за 2005–2022 гг.)

* *Примечание:* 1 – Российская Федерация, 2 – Белгородская область, 3 – Брянская область, 4 – Владимирская область, 5 – Воронежская область, 6 – Ивановская область, 7 – Калужская область, 8 – Костромская область, 9 – Курская область, 10 – Липецкая область, 11 – Московская область, 12 – Орловская область, 13 – Рязанская область, 14 – Смоленская область, 15 – Тамбовская область, 16 – Тверская область, 17 – Тульская область, 18 – Ярославская область, 19 – г. Москва, 20 – Республика Карелия, 21 – Республика Коми, 22 – Архангельская область, 23 – Вологодская область, 24 – Калининградская область, 25 – Ленинградская область, 26 – Мурманская область, 27 – Новгородская область, 28 – Псковская область, 29 – г. Санкт-Петербург, 30 – Республика Адыгея, 31 – Республика Калмыкия, 32 – Краснодарский край, 33 – Астраханская область, 34 – Волгоградская область, 35 – Ростовская область, 36 – Республика Дагестан, 37 – Республика Ингушетия, 38 – Кабардино-Балкарская Республика, 39 – Карачаево-Черкесская Республика, 40 – Республика Северная Осетия – Алания, 41 – Чеченская Республика, 42 – Ставропольский край, 43 – Республика Башкортостан, 44 – Республика Марий Эл, 45 – Республика Мордовия, 46 – Республика Татарстан, 47 – Удмуртская Республика, 48 – Чувашская Республика, 49 – Пермский край, 50 – Кировская область, 51 – Нижегородская область, 52 – Оренбургская область, 53 – Пензенская область, 54 – Самарская область, 55 – Саратовская область, 56 – Ульяновская область, 57 – Курганская область, 58 – Свердловская область, 59 – Тюменская область, 60 – Челябинская область, 61 – Республика Алтай, 62 – Республика Тыва, 63 – Республика Хакасия, 64 – Алтайский край, 65 – Красноярский край, 66 – Иркутская область, 67 – Кемеровская область, 68 – Новосибирская область, 69 – Омская область, 70 – Томская область, 71 – Республика Бурятия, 72 – Республика Саха (Якутия), 73 – Забайкальский край, 74 – Камчатский край, 75 – Приморский край, 76 – Хабаровский край, 77 – Амурская область, 78 – Магаданская область, 79 – Сахалинская область, 80 – Еврейская автономная область, 81 – Чукотский автономный округ.

Строительную отрасль в настоящее время можно отнести к числу наиболее важных отраслей для экономического развития регионов. На рис. 6 представлены базисные темпы роста размера ипотечного кредита на 1 жителя и ВРП на душу населения в целом по всем регионам РФ. Хотя в структуре ВРП регионов строительство занимает еще небольшую долю, около 5–7 %¹, его значение объясняется как собственным вкладом в экономический рост (к примеру, объем работ в строительстве в 2022 году составил более 12 трлн. руб.²), так и влиянием на развитие смежных отраслей. Около 60 %³ в структуре затрат строительной отрасли приходится на материальные затраты, в первую очередь, это строительные материалы, закупка которых осуществляется преимущественно в тех же регионах, где происходит строительство. Кроме того, строительство жилых объектов неизбежно влияет на развитие коммуникаций (газо- и водоснабжения, канализации, дорог, предприятий торговли и бытового обслуживания населения). Это способствует росту если не сказать всех, то многих отраслей. Частично этот мультипликативный эффект иллюстрируют данные рис. 6, где сравниваются темпы роста строительной отрасли и роста ВРП в регионах РФ.

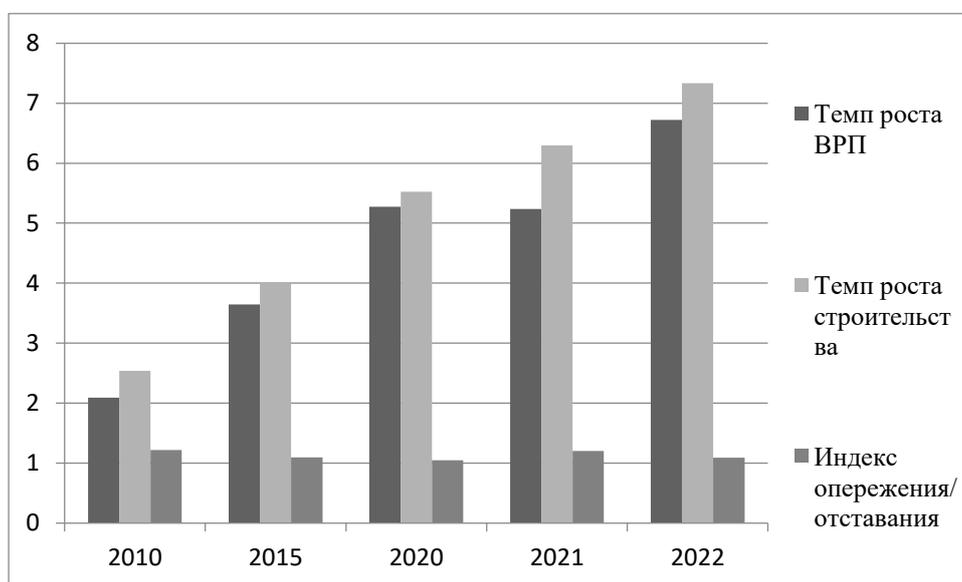

Рис. 6. Базисные темпы роста размера ипотечного жилищного кредита на 1 жителя и темпы роста ВРП на душу населения в регионах РФ (по данным за 2005–2022 гг.)

Развитие строительной отрасли и смежных отраслей в итоге приводит не только к росту объемов производства, но и к росту рабочих мест, заработной платы, доходов в региональные и местные бюджеты.

Несомненно, что развитие ипотечного жилищного кредитования влияет на развитие и устойчивость региональной банковской системы. Для оценки этого влияния проводился корреляционно-регрессионный анализ по показателям изменения числа региональных банков и филиалов в регионах на 100 тыс. жителей и размером ипотечного жилищного кредита на 1 жителя (рис. 7).

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: rosstat.ru

² Там же.

³ Там же.

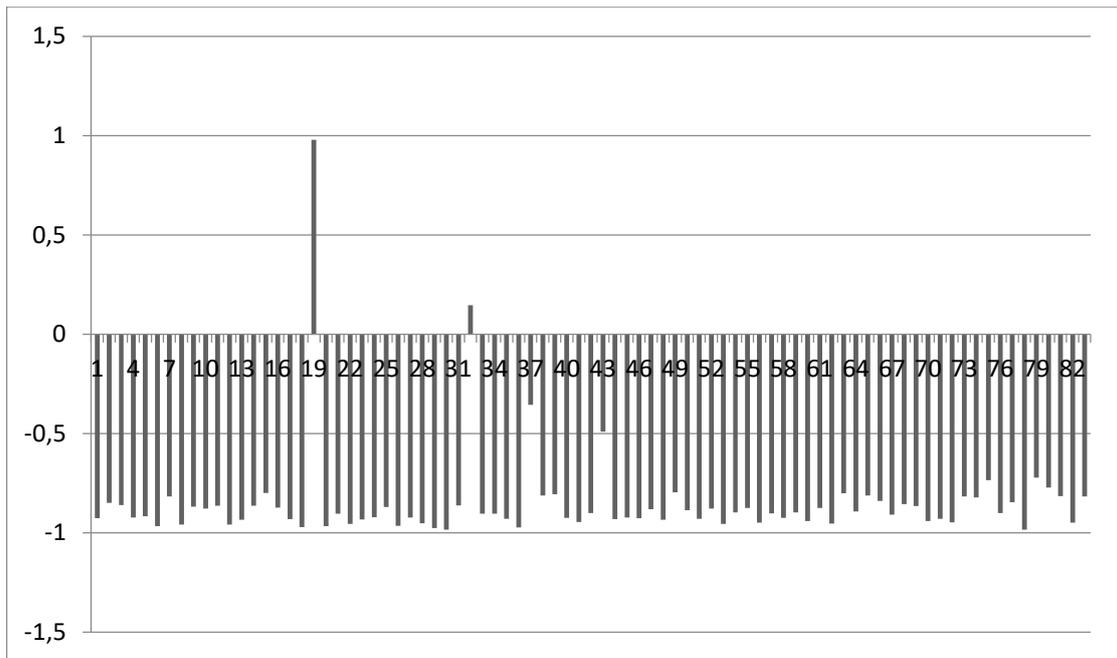

Рис. 7. Показатели парной корреляции между размером кредита на 1 жителя и количеством кредитных организаций в расчете на 100 тыс. жителей в регионах РФ* (по данным за 2005–2022 гг.)

* *Примечание:* 1 – Российская Федерация, 2 – Белгородская область, 3 – Брянская область, 4 – Владимирская область, 5 – Воронежская область, 6 – Ивановская область, 7 – Калужская область, 8 – Костромская область, 9 – Курская область, 10 – Липецкая область, 11 – Московская область, 12 – Орловская область, 13 – Рязанская область, 14 – Смоленская область, 15 – Тамбовская область, 16 – Тверская область, 17 – Тульская область, 18 – Ярославская область, 19 – г. Москва, 20 – Республика Карелия, 21 – Республика Коми, 22 – Архангельская область, 23 – Вологодская область, 24 – Калининградская область, 25 – Ленинградская область, 26 – Мурманская область, 27 – Новгородская область, 28 – Псковская область, 29 – г. Санкт-Петербург, 30 – Республика Адыгея, 31 – Республика Калмыкия, 32 – Краснодарский край, 33 – Астраханская область, 34 – Волгоградская область, 35 – Ростовская область, 36 – Республика Дагестан, 37 – Республика Ингушетия, 38 – Кабардино-Балкарская Республика, 39 – Карачаево-Черкесская Республика, 40 – Республика Северная Осетия – Алания, 41 – Чеченская Республика, 42 – Ставропольский край, 43 – Республика Башкортостан, 44 – Республика Марий Эл, 45 – Республика Мордовия, 46 – Республика Татарстан, 47 – Удмуртская Республика, 48 – Чувашская Республика, 49 – Пермский край, 50 – Кировская область, 51 – Нижегородская область, 52 – Оренбургская область, 53 – Пензенская область, 54 – Самарская область, 55 – Саратовская область, 56 – Ульяновская область, 57 – Курганская область, 58 – Свердловская область, 59 – Тюменская область, 60 – Челябинская область, 61 – Республика Алтай, 62 – Республика Тыва, 63 – Республика Хакасия, 64 – Алтайский край, 65 – Красноярский край, 66 – Иркутская область, 67 – Кемеровская область, 68 – Новосибирская область, 69 – Омская область, 70 – Томская область, 71 – Республика Бурятия, 72 – Республика Саха (Якутия), 73 – Забайкальский край, 74 – Камчатский край, 75 – Приморский край, 76 – Хабаровский край, 77 – Амурская область, 78 – Магаданская область, 79 – Сахалинская область, 80 – Еврейская автономная область, 81 – Чукотский автономный округ.

Как следует из данных рис. 7, в основном наблюдается обратная зависимость, то есть чем выше значения показателей размера кредита на 1 жителя в регионе, тем меньше количество кредитных организаций в расчете на 100 тыс. жителей. Исключение составляют только

два региона. В г. Москва значения коэффициента парной корреляции близко к 1, в Республике Крым значение парной корреляции равно 0,1. Конечно, уменьшение кредитных организаций не стоит сводить только к причине роста кредитов и увеличения кредитных рисков. В числе причин, очевидно, можно назвать и процессы слияния/поглощения в банковской сфере, нестабильность общеэкономической ситуации, потерю конкурентоспособности некоторых банков и прочее. Но несомненно, что рост ипотечных кредитов сыграл определенную роль в увеличении банковских рисков, и как следствие, уменьшение количества банков в регионах РФ.

Заключение. По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Проведенный сравнительный анализ взаимосвязи между уровнем развития ипотечного жилищного кредитования, с одной стороны, и уровнем возможных существующих потребностей населения в улучшении жилищных условий, с другой стороны, в регионах РФ позволяет дифференцировать регионы на группы в зависимости от сложности решения проблемы развития ипотечного жилищного кредитования. Это, в свою очередь, создает возможность применения дифференцированного подхода в разработке мер регулирующего государственного воздействия на региональном и федеральном уровнях с целью выравнивания асимметрии и улучшения населением жилищных условий независимо от региона проживания населения посредством разработки региональных и федеральных государственных программ. Группировка регионов по схожести проблем позволяет, таким образом, упорядочить процесс государственного регулирования и более рационально использовать бюджетные средства, а также создает возможность более целенаправленного исследования проблем развития ипотечного жилищного кредитования.

2. Оценка уровня доступности жилья на первичном и вторичном рынках в региональном разрезе позволяет заключить о еще низком уровне возможностей населения в улучшении жилищных условий, как на первичном, так и на вторичном рынках жилья. Однако для более объективной оценки необходимо расширить круг исследований реальных возможностей населения по улучшению жилищных условий и использованию ипотечного жилищного кредита с учетом объема и структуры затрат домохозяйств и уровня розничных цен на потребительские товары и услуги, что вызывает необходимость разработки специального инструментария.

3. Проведение оценки влияния роста ипотечного жилищного кредитования на социально-экономическое развитие регионов РФ продемонстрировало наличие возможного влияния развития ипотечного жилищного кредитования на рост ВРП и строительной отрасли. В то же время, требует более полной оценки возможное влияние ипотечного жилищного кредитования на развитие смежных со строительством отраслей, в первую очередь, отраслей по производству строительных материалов, а также возможного влияния на рост занятости населения, повышение уровня доходов населения и доходов в бюджет.

4. Исследования по оценке возможного влияния ипотечного жилищного кредитования на банковские системы в регионах РФ не выявили взаимосвязи между ростом ипотечного жилищного кредитования и ростом количества кредитных организаций. Для более объективной оценки роли развития ипотечного жилищного кредитования в развитии/укреплении региональных банковских систем необходима разработка специального инструментария, который позволял бы делать выводы о возможном его влиянии на финансовую устойчивость региональной банковской системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Байбакова, А. С. Объемы ипотечного жилищного кредитования как индикатор экономического развития регионов РФ / А. С. Байбакова // Пермский финансовый журнал. 2023. № 2 (23). С. 84–97.
2. Бондаревская, А. В. Ипотечное жилищное кредитования как элемент исполнения социальных программ региона / А. В. Бондаревская // Научно-практический электронный журнал Аллея науки. 2021. № 11 (62). URL: Alley science.ru (дата обращения 03.11.2024).
3. Борщ, Л. М. Ключевые тенденции развития ипотечного рынка: региональный разрез / Л. М. Борщ // Региональная экономика. Юг России. 2023. Т. 11. № 4. С. 215–225.
4. Гриценко, Т. С. Определение уровня развития ипотечного жилищного кредитования в регионах на основе кластерного анализа / Т. С. Гриценко // Интернет журнал Науковедение. 2017. № 9. С. 24.
5. Кузнецова, Е. О. Оценка развития рынка ипотечного кредитования в регионах России / Е. О. Кузнецова // Путеводитель предпринимателя. 2017. № 33. С. 123–129.
6. Лебер, А. И. Подход к определению индекса доступности жилья в регионе / А. И. Лебер, И. М. Осипова // Вестник ИрГТУ. 2014. № 5 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhod-k-opredeleniyu-indeksa-dostupnosti-zhilya-v-regione> (дата обращения 03.11.2024).
7. Чуканов, А. И. Исследование неравномерности развития ипотечного жилищного кредитования в регионах РФ / А. И. Чуканова // Научные записки ОрелГИЭТ. 2017. № 3 (21). С. 71–78.

REFERENCES

1. Bajbakova, A. S. Ob`emy` ipotechnogo zhilishhnogo kreditovaniya kak indikator e`konomicheskogo razvitiya regionov RF // Permskij finansovy`j zhurnal. 2023. № 2 (23). S. 84–97.
2. Bondarevskaya, A. V. Ipotecnoe zhilishhnoe kreditovaniya kak e`lement ispolneniya social`ny`x programm regiona // Nauchno-prakticheskij e`lektronny`j zhurnal Alleya nauki. 2021. № 11 (62). URL: Alley sci-ence.ru. (data obrashheniya 03.11.2024).
3. Borshh, L. M. Klyuchevy`e tendencii razvitiya ipotechnogo ry`nka: regio-nal`ny`j razrez // Regional`naya e`konomika. Yug Rossii. 2023. T. 11. № 4. S. 215–225.
4. Gricenko, T. S. Opredelenie urovnya razvitiya ipotechnogo zhilishhnogo kreditovaniya v regionax na osnove klasterного analiza // Internet zhurnal Naukovedenie. 2017. № 9. S. 24.
5. Kuzneczova, E. O. Ocenka razvitiya ry`nka ipotechnogo kreditovaniya v regionax Rossii // Putevoditel` predprinimatel`ya. 2017. № 33. S. 123–129.
6. Leber, A. I., Osipova I. M. Podxod k opredeleniyu indeksa dostupno-sti zhi`lya v regione // Vestnik IrGTU. 2014. № 5 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhod-k-opredeleniyu-indeksa-dostupnosti-zhilya-v-regione> (data obrashheniya 03.11.2024).
7. Chukanov, A. I. Issledovanie neravnomernosti razvitiya ipotechnogo zhilishhnogo kreditovaniya v regionax RF // Nauchny`e zapiski OrelGI-E`T. 2017. № 3 (21). S. 71–78.

Информация об авторах

Никита Александрович Сошин, аспирант Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, kita.group@mail.ru

Ирина Васильевна Максимова, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и финансов Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, maksimova-iv@ranepa.ru, ORCID ID: 0000-0001-9028-2942, Researcher ID: C-8533-2019, SPIN-код: 2274-8721, AuthorID: 687321.

Information about Authors

Nikita A. Soshin, postgraduate student, Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin str., 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, kita.group@mail.ru

Irina V. Maksimova, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Department of Economics and Finance, Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin str., 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, maksimova-iv@ranepa.ru, ORCID ID: 0000-0001-9028-2942, Researcher ID: C-8533-2019, SPIN-код: 2274-8721, AuthorID: 687321.

Для цитирования: Сошин Н. А. Актуальные направления исследования ипотечного жилищного кредитования как фактора социально-экономического развития в регионах Российской Федерации / Н. А. Сошин, И. В. Максимова // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 4 (14). С. 44–60. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N4.pdf

УДК: 330.3

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ: АЗИАТСКИЙ ПУТЬ К УСТОЙЧИВОСТИ

Нигора Тулкуновна Галипова

Филиал Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова,
г. Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация. Введение. В статье исследуется опыт ведущих стран Восточной Азии в области «зелёной экономики» и устойчивого развития, с особым акцентом на Китай, Республику Корею и Японию. Рассматриваются ключевые направления государственной политики этих стран в области экологии и инноваций, направленных на уменьшение воздействия на окружающую среду, развитие возобновляемых источников энергии и продвижение экологически чистых технологий. В статье анализируются меры, предпринимаемые для снижения выбросов парниковых газов, повышения энергоэффективности, а также развитие новых технологий в транспортном секторе и промышленности. Рассматриваются успехи этих стран во внедрении «зелёных» технологий, инновационных инициатив и устойчивых практик в экономике, что позволяет им занимать лидирующие позиции на мировых рынках «зелёной» экономики.

Методы. В исследовании использован метод сравнительного анализа, который позволяет оценить различные аспекты государственной политики в области экологии и устойчивого развития в странах Восточной Азии. Кроме того, применялись методы контент-анализа для изучения аналитических отчетов о политике в области экологически чистых технологий и инноваций.

Результаты. Исследование показало, что Китай, Республика Корея и Япония достигли значительного прогресса в области устойчивого развития, но с различными подходами и темпами. В Китае реализуются масштабные проекты по переходу к возобновляемым источникам энергии, включая строительство солнечных и ветровых электростанций. Республика Корея активно внедряет инновационные технологии в транспортный сектор, с акцентом на электрические автомобили и водородные технологии. Япония, в свою очередь, ведет успешную политику в области энергоэффективности и использует «зелёные» технологии в промышленности. Все три страны демонстрируют высокий уровень интеграции «зелёных» инициатив в экономику, что способствует их лидерству на мировых рынках.

Ключевые слова: зелёная экономика, устойчивое развитие, экологические инновации, возобновляемая энергетика, Китай, Республика Корея, Япония, «зелёные» технологии, экологическая эффективность, устойчивый рост.

UDC 330.3

ECOLOGICAL MODERNIZATION OF THE ECONOMY: THE ASIAN PATH TO SUSTAINABILITY

Nigora T. Talipova

Tashkent branch of the Plekhanov Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov,
Tashkent, Republic of Uzbekistan

Abstract. Introduction. This article explores the experience of leading East Asian countries in the field of «green economy» and sustainable development, with a particular focus on China, South Korea, and Japan. The key directions of state policies in these countries regarding ecology and innovation are discussed, aiming to reduce environmental impact, develop renewable energy sources, and promote environmentally friendly technologies. The article analyzes measures taken to reduce greenhouse gas emissions, improve energy efficiency, and develop new technologies in the transport sector and industry. The successes of these countries in implementing «green» technologies, innovative initiatives, and sustainable practices in the economy are examined, enabling them to occupy leading positions in the global «green economy» markets.

Methods. The study employs a comparative analysis method, which allows for the assessment of various aspects of state policies in the field of ecology and sustainable development in East Asian countries. Additionally, content analysis methods were applied to study analytical reports on policies related to environmentally clean technologies and innovations.

Results. The study revealed that China, South Korea, and Japan have made significant progress in sustainable development, but with different approaches and paces. In China, large-scale projects are being implemented to transition to renewable energy sources, including the construction of solar and wind power plants. South Korea is actively integrating innovative technologies into the transport sector, focusing on electric vehicles and hydrogen technologies. Japan, in turn, pursues successful energy efficiency policies and utilizes «green» technologies in industry. All three countries demonstrate a high level of integration of «green» initiatives into their economies, contributing to their leadership in global «green economy» markets.

Keywords: green economy, sustainable development, environmental innovations, renewable energy, China, South Korea, Japan, «green» technologies, environmental efficiency, sustainable growth.

Введение. «Зелёная экономика» представляет собой модель хозяйственной деятельности, ориентированную на устойчивый рост доходов и занятости населения за счёт инвестиций, которые способствуют снижению выбросов парниковых газов, минимизации загрязнения окружающей среды, повышению энергоэффективности и сохранению биологического разнообразия. Такой подход становится ключевым элементом стратегий экономического развития во многих странах мира. Национальные программы и инициативы в области зелёной экономики активно реализуются в Нидерландах, Швейцарии, Южной Корее, Японии, Китае, Великобритании и других ведущих экономиках.

Особого внимания заслуживает опыт таких стран, как Китай, Южная Корея и Япония, которые входят в число лидеров зеленой трансформации. В начале 2000-х годов эти государства столкнулись с острыми экологическими вызовами, вызванными стремительным ростом промышленного производства и доминированием моделей экономического роста, нередко игнорирующих экологические последствия. Осознание масштабов экологического кризиса подтолкнуло их к разработке и реализации стратегий «зеленого роста», направленных на гармонизацию экономических и экологических интересов. Благодаря этим усилиям, к настоящему времени они добились значительных успехов, демонстрируя миру успешные примеры перехода к устойчивой экономике.

В рекомендациях Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) указано, что объем инвестиций в «зелёную экономику» должен составлять не менее 1 % от валового внутреннего продукта (ВВП) страны. Страны Восточной Азии, такие как Китай, Южная Корея и Япония, не только соответствуют этому стандарту, но и значительно его превышают. В Китае данный показатель достигает 3 % ВВП, в Республике Корея – 2 %, а в Японии – 1 %. Для сравнения, в экономически развитых странах, таких как США, Швеция и Италия, этот уровень остается ниже 1 % (см. рис. 1) [10].

Заслуживает внимания и то, что на протяжении последнего десятилетия в Китае, Республике Корея и Японии наблюдается стабильный рост доли возобновляемых источников энергии в энергобалансе (см. табл. 1) [11]. В Китае этот процесс связан, прежде всего, с увеличением использования гидроэнергетики, что стало возможным благодаря масштабным инвестициям в инфраструктуру и строительству крупных гидроэлектростанций.

% от ВВП

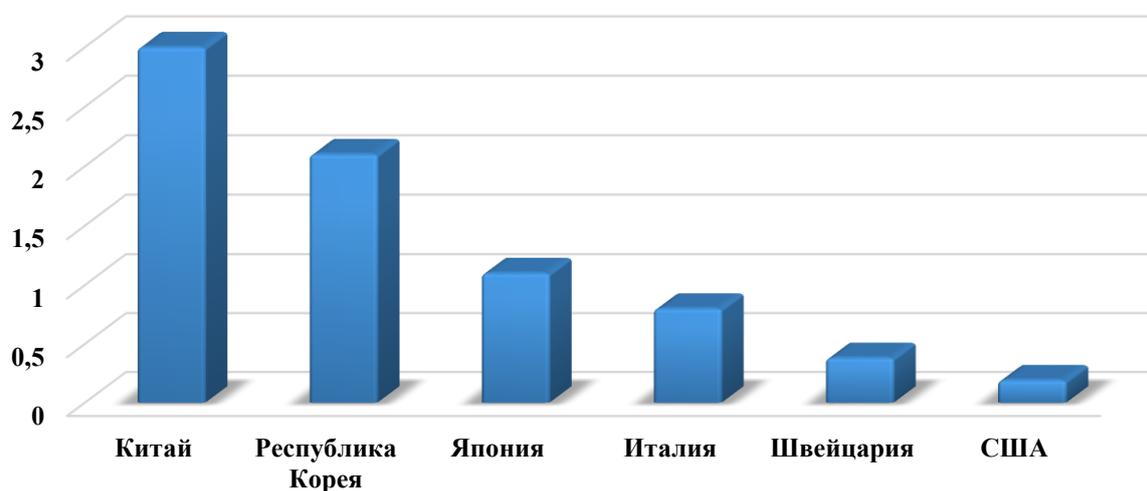

Рис. 1. Инвестиции в «зелёную экономику»

Методы. Положительная динамика, наблюдаемая в Китае, Южной Корее и Японии в процессе реализации концепции «зелёной экономики», является общим трендом. Далее будет проведён анализ национальных стратегий этих стран в отдельности, посредством метода сравнительного анализа, позволяющего оценить различные аспекты государственной политики в области экологии и устойчивого развития стран Восточной Азии.

Таблица 1

**Доля возобновляемых источников энергии в энергетическом балансе Китая,
Республики Корея и Японии**

Страны	2008 г.	2016 г.	2024 г.
Китай	17,7 %	20,5 %	26 %
Республика Корея	1,5 %	2,4 %	3,4 %
Япония	9,4 %	12,8 %	17,8 %

"Зелёная экономика" Китая

Быстрый рост ВВП, промышленного производства и международной торговли в период с 1990 по 2022 годы выдвинул Китай в ряды ведущих мировых экономических и политических держав. Основой этого роста стало экспортно-ориентированное промышленное производство, которое требовало значительных энергетических и сырьевых ресурсов, часто с ущербом для национальных экосистем. Этот процесс сопровождался не только увеличением благосостояния, но и значительным ухудшением экологической ситуации.

По данным ООН, из 20 самых загрязнённых городов мира 16 расположены в Китае. В 57 % городов страны уровень взвешенных частиц в воздухе превышает установленные нормы, а 48 городов страдают от избытка диоксида серы. Кислотные дожди затрагивают 30 % территории Китая, а в ряде крупных городов, таких как Пекин и Гуанчжоу, наблюдается резкий рост содержания оксидов азота, превышающий допустимые нормы. Китай также лидирует по выбросам CO₂, составляя почти четверть мировых выбросов, что составляет более 9 млрд тонн.

Долгое время приоритетом китайского руководства оставался экономический рост в ущерб экологическим проблемам. Экономическое развитие оставалось основой не только национального благосостояния, но и политической стабильности.

Хотя значение экономического роста для Китая в высших кругах страны не ставится под сомнение, начиная с 2000-х годов в Китае активно развивается концепция «зелёной экономики». Вдохновлённый успехами «зелёного роста» в других странах, прежде всего в Республике Корея, Китай постепенно интегрирует экологические аспекты в свою экономическую стратегию. Важнейшими документами, регулирующими политику «зелёной экономики», являются пятилетние планы развития Китая и соответствующие законодательные акты.

Одной из центральных концепций является развитие экономики замкнутого цикла. Экономика замкнутого цикла (или циркулярная экономика) предполагает организацию хозяйственной деятельности на основе возобновления ресурсов, переработки вторичного сырья и перехода от использования ископаемых видов топлива к возобновляемым источникам энергии [7]. В такой системе конец жизненного цикла одного продукта становится началом для другого, отходы одного производства перерабатываются в сырьё для другого. Это позволяет значительно повысить эффективность использования ресурсов и сократить объём промышленных отходов. По оценкам правительства, внедрение циклической экономики может повысить эффективность использования ресурсов на 15 %. С 1980 по 2015 год энергоёмкость китайской экономики сократилась примерно в три раза [5].

Одной из приоритетных сфер «зелёной экономики» Китая является развитие возобновляемой, «чистой» энергетики. К возобновляемым источникам энергии (ВИЭ) относятся

как традиционные гидроэнергетические ресурсы рек, так и более новые виды энергий – ветровая, солнечная, геотермальная, биологическая энергия, а также энергия приливов, отливов и океанических волн. Преимущество возобновляемых источников заключается в их неисчерпаемости и экологической безопасности, что делает их особенно привлекательными для перехода к устойчивой энергетике.

На глобальном уровне наблюдается резкий рост интереса и инвестиций в возобновляемую энергетику, особенно в солнечные и ветровые технологии. С 2015 по 2021 год мощность производства электроэнергии на возобновляемых источниках (не включая гидроэнергетику) увеличилась в пять раз, с 185 до 921 ГВт. Это свидетельствует о том, что возобновляемая энергетика становится не только экологической, но и экономически выгодной альтернативой традиционным источникам энергии [3].

Китай – мировой лидер в области возобновляемой энергетики. В 2015 году страна производила 52 ГВт электроэнергии на основе новых ВИЭ, занимая 1-е место в мире (28 % мирового производства). К 2023 году мощность выросла до 258 ГВт, что в пять раз больше. Китай продолжает оставаться главным мировым производителем электроэнергии на ВИЭ.

Одной из стратегических целей Китая является создание экологически и социально устойчивых условий в крупных городах. В рамках «зелёной экономики» активно модернизируются жилищная и транспортная инфраструктура, улучшая энергоэффективность и внедряя экологически чистые транспортные решения.

В Китае введены конкретные меры для регулирования транспортной нагрузки и стимулирования «зелёной экономики». Например, покупка личного автомобиля в крупных городах не даёт автоматического права на его использование. Для этого необходимо получить регистрационный номер, который разыгрывается в лотерею. В Пекине с 2011 года каждый год проводится розыгрыш номеров. В 2017 году на 2,9 миллиона заявок было выдано лишь 13 тысяч лицензий. Эта практика широко распространена в других китайских городах.

Китай делает значительные шаги в развитии «зелёной экономики». К 2025 году страна планирует увеличить долю электроэнергии из возобновляемых источников с 9 % до 22 %, а углеродоёмкость экономики снизить на 40 %. Более 2 тысяч экологически опасных предприятий были закрыты. Объём государственных инвестиций в энергосбережение и возобновляемую энергетику в Китае значительно превышает аналогичные показатели США и ЕС (132,6 млрд долларов против 56,9 млрд и 48,4 млрд соответственно). Китайские производители уже занимают 40 % мирового рынка солнечных батарей и 20 % ветряных установок. Китай стремится стать мировым лидером в области «зелёных» технологий в XXI веке [2].

«Зелёная экономика» Республики Корея

Республика Корея стала первой страной, которая в 2008 году приняла концепцию «зелёной экономики» в качестве национальной стратегии. Менее чем за 50 лет, пережив тяжёлые последствия войны, Корея преобразовалась из бедного государства в одну из крупнейших экономик мира. Однако быстрые темпы индустриализации и урбанизации привели к существенному увеличению выбросов парниковых газов и загрязнению окружающей среды, что стало важной причиной для переосмысления модели экономического роста и внедрения принципов «зелёной экономики» (рис. 2) [6].

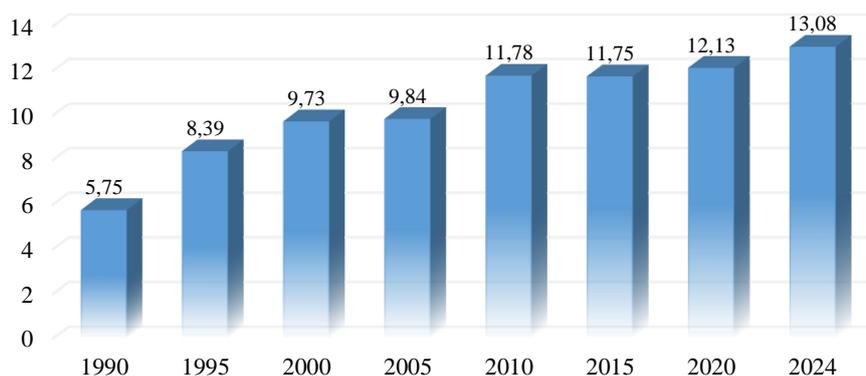

Рис. 2. Эмиссия CO₂ на душу населения в тоннах за год в Республике Корея

В начале XXI века стало очевидно, что традиционные стратегии, приведшие Южную Корею к успеху, больше не отвечают современным вызовам. Поэтому в 2008 году президент Ли Мёнбак представил стратегию Low Carbon Green Growth, которая направлена на экономический рост, сочетающий повышение энергоэффективности и снижение экологической нагрузки за счёт инвестиций в углеродные технологии и предотвращённого экологического ущерба.

Основными элементами стратегии являются:

- снижение выбросов парниковых газов, с целью уменьшения их на 30 % к 2030 году, и адаптация к изменению климата.
- развитие новых высокоэффективных технологий, использующих «зелёные» решения.
- повышение качества жизни граждан через «озеленение» образа жизни, с целью превращения страны в образцовое государство с «зелёной экономикой» [4].

В Корее основой стабильного «зелёного роста» является непрерывное внедрение инноваций как в технологической, так и в институциональной сферах. Основной задачей этих нововведений является предотвращение ухудшения экологической ситуации на фоне экономического роста, а также стимулирование инвестиций в неуглеродные источники энергии и сохранение природных ресурсов [8].

С 2011 года в Корее действует уникальная система «зелёных платёжных карт». Граждане, покупающие экопродукты, пользующиеся общественным транспортом или отказывающиеся от наличных, накапливают баллы. Эти баллы можно использовать для оплаты коммунальных услуг или пожертвовать на благотворительность. Такая программа является частью стратегии по сокращению выбросов парниковых газов в рамках плана по снижению их на 30 % к 2030 году [1].

С момента официального принятия курса на «зелёный рост» в Республике Корея наблюдается бурное развитие «зелёного» бизнеса. Включив экологически устойчивые проекты в приоритетные направления инвестиций, крупнейшие коммерческие группы страны с 2016 по 2021 год увеличивали совокупные вложения в этот сектор на 75 % ежегодно. Основными направлениями инвестирования стали возобновляемые источники энергии, высокоэффективные электрические технологии и экологически чистые автомобили, а также меры по адаптации к изменению климата.

Успех стратегии «зелёного роста» в Корее можно объяснить сочетанием нескольких ключевых факторов: решимости политического руководства, стремления к лидерству в области сокращения выбросов парниковых газов и охраны окружающей среды, а также эффективного взаимодействия государственных структур. На данный момент одной из главных задач остаётся устойчивое снижение выбросов и защита экосистемы.

По прогнозам, к 2025 году Республика Корея войдёт в число семи ведущих стран по уровню развития «зелёной экономики», а к 2050 году должна попасть в пятёрку мировых лидеров. В настоящее время она занимает 28-е место в глобальном рейтинге по индексу «зелёной экономики» [13].

«Зелёная экономика» Японии

Опыт Японии в области «зелёной экономики» является весьма значимым, поскольку страна занимает лидирующие позиции в экоинновациях, управлении и внедрении «зелёных» технологий. Экологически ориентированные инновации играют ключевую роль в стратегии развития Японии. Важным документом, направляющим развитие страны до 2020 года, является «Новая стратегия развития», в которой экологические технологии выделяются как одно из семи приоритетных направлений.

В последние годы акцент в научных исследованиях Японии сделан на таких ключевых областях, как энергосбережение, энергоэффективность и низко-углеродное производство энергии. Эти направления объединяет общая цель – борьба с изменением климата. В рамках государственной программы по поддержке инновационных технологий в энергетике разработаны 21 инновационная технология, направленная на повышение эффективности производства и потребления энергии.

Такая политика привела к значительным результатам. В частности, Япония значительно сократила свою зависимость от нефти: доля этого топлива в общем потреблении первичных энергоресурсов снизилась до 50 %. Это достижение стало важным этапом на пути к устойчивому энергетическому балансу страны, и, несмотря на некоторые сложности, предполагается, что в ближайшие годы эта доля не изменится существенно.

Авария на АЭС «Фукусима-1» в 2011 году привела к значительным изменениям в энергетической стратегии Японии, особенно в части обеспечения энергетической и экологической безопасности. До катастрофы Япония использовала 54 ядерных реактора, занимая третье место в мире после США и Франции, которые обеспечивали более 25 % потребности страны в электроэнергии. Однако последствия аварии заставили Японию пересмотреть свою стратегию, и с тех пор страна фактически отказалась от дальнейшего использования ядерной энергетики на значительный период.

После происшествия значительно возросло использование возобновляемых источников энергии (ВИЭ), что стало важным шагом в изменении энергетической политики. Однако в то же время увеличилось использование угля и природного газа, что привело к росту зависимости экономики Японии от ископаемых источников энергии. Если в 2010 году доля минерального топлива составляла 81 %, то к 2023 году этот показатель увеличился до 87 %, что, в свою очередь, оказало влияние на экологическую ситуацию в стране (рис. 3) [12].

В отличие от многих стран, которые отказались от атомной энергетики, Япония, несмотря на общественное сопротивление, возобновила использование ядерных реакторов, модернизируя их и обеспечив соответствие новым стандартам безопасности. Одновременно

Япония активно разрабатывает инновации в транспортном секторе, включая системы «умного» транспорта, автомобили на топливных элементах, гибридные двигатели и биотопливо. В области возобновляемой энергетики Япония также делает значительные вложения, направляя наибольшие средства в ветровую энергетику, на которую приходится 49 % всех инвестиций. Этот тренд был стимулирован снижением капитальных затрат и замедлением роста солнечной энергетики в Китае. Кроме того, 46,5 % японских инвестиций направляются в развитие солнечных установок, что также подтверждает стремление страны к диверсификации энергетических источников.

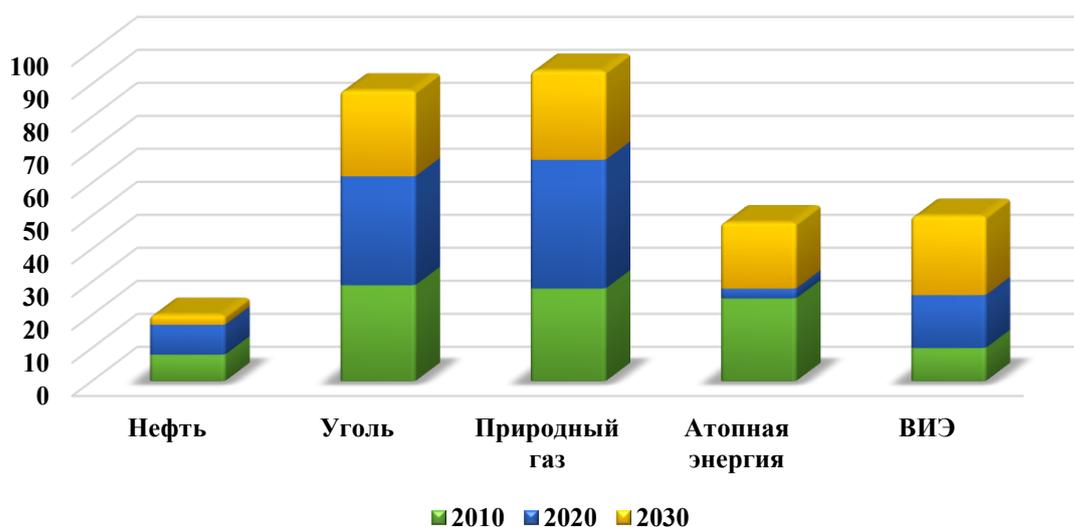

Рис. 3. Структура электрогенерации в Японии

С 2010 по 2020 годы Япония была одним из крупнейших мировых инвесторов в возобновляемую энергетику, занимая третье место после Китая и США. Вложения выросли с 7 миллиардов долларов в 2010 году до 16,6 миллиардов долларов в 2020 году, при этом пик был достигнут в 2018 году, составив 36,2 миллиарда долларов. (рис. 4) [9].

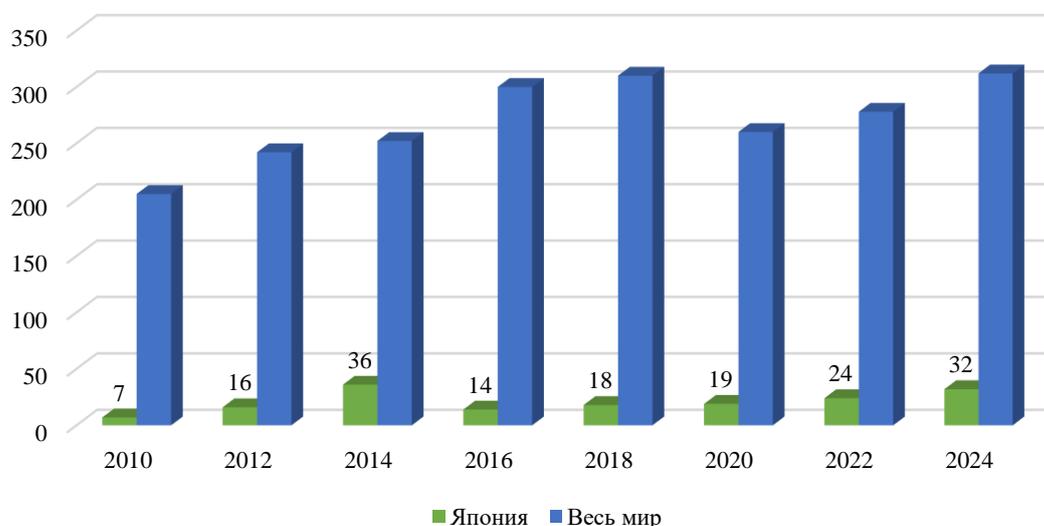

Рис. 4. Инвестиции в ВИЭ, млрд долл.

Япония также придает большое значение разработке технологий, направленных на предотвращение загрязнения природных сред, включая воздух, воду и почвы, а также на управление отходами. В стране функционирует налаженная система экологического развития, которая включает как государственные программы, так и инициативы бизнеса и населения. В 2020 году Япония заняла 20-е место в рейтинге стран по глобальному индексу зелёной экономики, а с 2010 по 2024 год страна смогла сократить выбросы в транспортном секторе на 17 %, что является одним из лучших мировых показателей. В индексе экологической эффективности Япония заняла 5-е место, попав в десятку лидеров.

Япония является примером успешного перехода к модели устойчивого развития, где экономика и экология идут рука об руку. «Зелёные» технологии и экологические инновации играют важную роль в достижении экологических целей страны и в сохранении конкурентных преимуществ на глобальных рынках. Стратегия устойчивого роста, основанная на «зелёных» технологиях, также помогает Японии сохранять свою конкурентоспособность на мировой арене.

Заключение. Опыт Китая, Республики Кореи и Японии в области «зелёной экономики» и устойчивого развития демонстрирует успешную интеграцию экологических и инновационных подходов в национальные стратегии, что способствует значительному прогрессу в снижении воздействия на окружающую среду. Эти страны активно развивают возобновляемые источники энергии, внедряют «зелёные» технологии и повышают энергоэффективность, что помогает им занимать лидирующие позиции на глобальных рынках устойчивого развития. Результаты их политики подтверждают важность комплексного подхода к экологическим вызовам и устойчивому росту, создавая модель для других стран, стремящихся к переходу к «зелёной» экономике.

Ключевым элементом глобального перехода к «зелёной экономике» является не только забота об экологии, но и конкурентная борьба за новые технологические рынки. Китай, Республика Корея и Япония, являясь мировыми лидерами в сфере «зелёного роста», продолжают активно развивать «зелёный» сектор в своих экономиках и стремятся увеличить его масштабы, не останавливаясь на достигнутом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. «Экологичный» кэшбэк и отказ от атомной энергетики. URL: <https://informburo.kz/stati/zelyonaya-ekonomika-kak-ona-razvivaetsya-v-mire-i-kazahstane.html> (дата обращения 05.11.2024).
2. Возобновляемая энергетика: развитие за счет Китая. URL: <https://nangs.org/news/renewables/vozobnovlyаемая-energetika-razvitie-za-schet-kitaya> (дата обращения 05.11.2024).
3. Ковалев, Ю. Ю. Переосмысление социального развития в антропоцене: экономический рост и экологическая трансформация Китая / Ю. Ю. Ковалев, А. В. Степанов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2018. Т. 13, № 2 (176). С. 121–135.
4. Подготовка к «Зелёному росту»: почему экономическое развитие Кореи не приводит к ухудшению экологической обстановки. URL: http://www.unido-russia.ru/archive/num7/art7_10/ (дата обращения 05.11.2024).

5. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/2194.pdf> (дата обращения 05.11.2024).
6. Список стран по эмиссии CO₂ на душу населения. URL: <https://howlingpixel.com/i-ru> (дата обращения 05.11.2024).
7. Талипова, Н. Т. Экология – как аспект устойчивого развития / Н. Т. Талипова, Н. Т. Файзибаева // Анализ, прогноз и управление природными рисками с учетом глобального изменения климата «ГЕОРИСК – 2018» : Материалы X Международной научно-практической конференции: в 2 томах, Москва, 23–24 октября 2018 года / Отв. ред. Н. Г. Мавлянова. Том II. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. С. 389–394. EDN ICMEEP.
8. Талипова, Н. Т. Экономическое сотрудничество Республики Корея и стран Центральной Азии // Проблемы теории и практики управления. 2013. № 7. С. 54–62.
9. Frankfurt School-UNEP Centre/BNEF. URL: <https://www.fs-unep-centre.org/> (дата обращения 05.11.2024).
10. Global green growth URL: <https://gggi.org/> (дата обращения 05.11.2024).
11. International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/> (дата обращения 05.11.2024).
12. Japan's Agency for Natural resources and Energy. URL: <https://www.enecho.meti.go.jp/en/> (дата обращения 05.11.2024).
13. The Global Green Economy Index 2020. URL: <https://dualcitizeninc.com/GGEI-2020.pdf> (дата обращения 05.11.2024).

REFERENCES

1. «Ekologichnyy» keshbek i otkaz ot atomnoy energetiki. URL: <https://informburo.kz/stati/zelyonaya-ekonomika-kak-ona-razvivaetsya-v-mire-i-kazahstane.html> (дата обращения 05.11.2024).
2. Vozobnovlyаемая энергетика: развитие за счет Китая. URL: <https://nangs.org/news/renewables/vozobnovlyаемая-энергетика-развитие-за-счет-китая> (дата обращения 05.11.2024).
3. Kovalev, Yu. Yu. Pereosmyslenie sotsial'nogo razvitiya v antropotsene: ekonomicheskii rost i ekologicheskaya transformatsiya Kitaya / Yu. Yu. Kovalev, A. V. Stepanov // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3, Obshchestvennye nauki. 2018. T. 13. № 2 (176). S. 121–135.
4. Podgotovka k «Zelenomu rostu»: pochemu ekonomicheskoe razvitie Korei ne privodit k ukhudsheniyu ekologicheskoy obstanovki. URL: http://www.unido-russia.ru/archive/num7/art7_10/ (дата обращения 05.11.2024).
5. Prognoz razvitiya energetiki mira i Rossii do 2040 goda. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/2194.pdf> (дата обращения 05.11.2024).
6. Spisok stran po emissii CO₂ na dushu naseleniya. URL: <https://howlingpixel.com/i-ru> (дата обращения 05.11.2024).
7. Talipova, N. T. Ekologiya – как аспект устойчивого развития / N. T. Talipova, N. T. Fayzibaeva // Analiz, prognos i upravlenie prirodnymi riskami s uchedom global'nogo izmeneniya klimata «GEORISK – 2018» : Materialy X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 tomakh, Moskva, 23–24 oktyabrya 2018 goda / Otv. red. N. G. Mavlyanova.

Tom II. Moskva: Rossiyskiy universitet druzhby narodov (RUDN), 2018. S. 389–394. EDN ICMEEP.

8. Talipova, N. T. Ekonomicheskoe sotrudnichestvo Respubliki Koreya i stran Tsentral'noy Azii // Problemy teorii i praktiki upravleniya. 2013. № 7. S. 54–62.

9. Frankfurt School-UNEP Centre/BNEF. URL: <https://www.fs-unep-centre.org/> (data obrashcheniya 05.11.2024).

10. Global green growth URL: <https://gggi.org/> (data obrashcheniya 05.11.2024).

11. International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/> (data obrashcheniya 05.11.2024).

12. Japan's Agency for Natural resources and Energy. URL: <https://www.enecho.meti.go.jp/en/> (data obrashcheniya 05.11.2024).

13. The Global Green Economy Index 2020. URL: <https://dualcitizeninc.com/GGEI-2020.pdf> (data obrashcheniya 05.11.2024).

Информация об авторе

Нигора Тулкуновна Талипова, кандидат экономических наук, и. о. профессора кафедры «Международная экономика и бизнес», Ташкентский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова, 100164, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Мирзо-Улугбекский район, массив Ялангач, улица Шахриобод, дом 3, nigoratal@gmail.com, SPIN-код: 2440-4153, AuthorID: 398320

Information about the Author

Nigora T. Talipova, Candidate of Economics, Professor of the Department of International Economics and Business, Tashkent branch of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics, 100164, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Mirzo-Ulugbek district, Yalangach massif, Shakhriobod street, house 3, nigoratal@gmail.com, SPIN-код: 2440-4153, AuthorID: 398320

Для цитирования: Талипова Н. Т. Экологическая модернизация экономики: азиатский путь к устойчивости // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 4 (14). С. 61–71. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N4.pdf

ПРАВО

LAW

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

PUBLIC LAW SCIENCES

УДК 342.743

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ¹

Михаил Николаевич Садчиков

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Налоговые отношения, возникающие в связи с операциями на цифровых платформах, обладают особенностями, которые ставят новые задачи перед исследователями налогового права. Разработка данных вопросов безусловно является необходимым для развития не только науки налогового права, но и правотворческой, а также правоприменительной деятельности в сфере налогообложения.

Методы. Исследование основывается на анализе, синтезе и системном подходе. Их применение позволило исследовать объекты во взаимосвязи, выявить определенные тенденции, сделать обобщенные выводы.

Анализ. По результатам анализа организационной и экономической сущности цифровых платформ, научных трудов представителей финансового, гражданского и других отраслей права, а также экономики и других социальных наук сделан вывод о том, что осуществление операций через цифровые платформы создает предпосылки для изменений как самих элементов налогообложения, так и процессов по исчислению и уплате налогов.

Результаты. В статье приведено исследование влияния цифровых платформ на налоговые отношения. Сформированы следующие особенности налогообложения цифровых платформ: осуществление операций через цифровые платформы создает предпосылки для изменений как самих элементов налогообложения, так и процессов по исчислению и уплате налогов; изменение правового регулирования в связи с новыми возможностями, обусловленными цифровыми платформами, не должно ухудшать правовое положение налогоплательщиков.

Ключевые слова: платформа, налоги, контроль, агент, ценность; платформенная экономика; налогообложение

¹ Работа была представлена в виде доклада на Международной научно-практической конференции «Цифровые платформы и трансформация правового регулирования», прошедшей 1 ноября 2024 года в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС.

UDC 342.743

TAXATION OF DIGITAL PLATFORMS

Mikhail N. Sadchikov

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

Abstract. Introduction. Tax relations arising in connection with transactions on digital platforms have features that pose new challenges for tax law researchers. The development of these issues is certainly necessary for the development of not only the science of tax law, but also law-making and law enforcement activities in the field of taxation.

Methods. The study is based on analysis, synthesis and a systems approach. Their application made it possible to study objects in their interconnection, identify certain trends, and draw generalized conclusions.

Analysis. Based on the analysis of the organizational and economic essence of digital platforms, scientific works of representatives of financial, civil and other branches of law, as well as economics and other social sciences, it was concluded that the implementation of transactions through digital platforms creates prerequisites for changes in both the elements of taxation themselves and the processes of calculating and paying taxes.

Results. The article presents a study of the impact of digital platforms on tax relations. The following features of taxation of digital platforms have been formed: the implementation of transactions through digital platforms creates prerequisites for changes in both the elements of taxation themselves and the processes of calculating and paying taxes; Changes in legal regulation in connection with new opportunities provided by digital platforms should not worsen the legal position of taxpayers.

Keywords: platform, taxes, control, agent, value; platform economy; taxation.

Введение

В научных и иных публикациях в настоящее время особое внимание уделяется вопросу развития платформенной экономики [9, 6, 8]. Исследуются вопросы различного направления: экономического, технического, культурного и др. Безусловно, что развитие цифровых платформ ставит вопросы правового содержания, включая отношения, составляющие предмет гражданского права [14], информационного права [12], конкурентного права [3], трудового права [11] и некоторых других отраслей.

Налоговые отношения, возникающие в связи с операциями на цифровых платформах, обладают особенностями, которые ставят новые задачи перед исследователями налогового права. Так, К. А. Пономарева выделяет следующие международные аспекты налогообложения цифровых платформ: проблемы налогообложения постоянного представительства, проблемы налогообложения услуг и роялти, проблемы налогового статуса сотрудников цифровых платформ [10, с. 613-615]. А. А. Копина обращает внимание на наличие у операторов цифровых платформ данных, позволяющих выполнять функции налогового агента и источника информации для целей учета налогоплательщиков и налогового контроля [4]. Коллектив авторов в составе С. М. Мироновой, Д. В. Кожемякина, А. Е. Пономарченко ставит во-

просы о налогообложении гиг-работников, о налоговом статусе цифровых платформ, об особенностях налогового учета и отчетности по операциям на цифровых платформах [7, с. 323].

Разработка данных вопросов безусловно является необходимым для развития не только науки налогового права, но и правотворческой, а также правоприменительной деятельности в сфере налогообложения.

Методы. Исследование основывается на анализе, синтезе и системном подходе. Их применение позволило исследовать объекты во взаимосвязи, выявить определенные тенденции, сделать обобщенные выводы.

Анализ. Платформенная экономика влияет на налоговые отношения по двум направлениям. Во-первых, наличие у цифровых платформ новой ценности, обусловленной сетевым эффектом, ставит задачу определить данное свойство в механизме налогообложения (объект, налоговая база, цена, стимулирование) и, во-вторых, имеется возможность наделить цифровые платформы инструментами и сервисами, имеющими полезность для целей налогообложения (контроль, учет, функции налогового агента).

Исследователи экономической сущности платформенной экономики выделяют четыре функции платформы:

- 1) привлечение аудитории;
- 2) координация;
- 3) предоставление инструментов и сервисов;
- 4) определение правил и стандартов [8, с. 40].

Предложение о наделении операторов цифровых платформ публичными полномочиями в части учета налогоплательщиков, предоставления информации в рамках налогового контроля, реализации статуса налогового агента может быть реализовано посредством третьей и четвертой функций платформы: предоставление инструментов и сервисов и определение правил, стандартов.

Налоговая полезность платформы заключается в обработке информации о сделках, лицах, ценах по операциям, проводимым с использованием платформы, и передаче ее в налоговые органы для целей налогового учета и налогового контроля. Полезность платформенных сервисов может относиться как к налоговым органам, так и к налогоплательщикам.

Вопросы взаимодействия налоговых администраций и цифровых платформ исследуются ОЭСР в рамках программы: «Налоговое администрирование 3.0: Цифровая трансформация налоговой администрации» [15]. В исследовании отмечается, что одной из ценностей платформенной экономики является приближение налоговой информации к пользованию. Налоговые администрации получают возможность анализировать информацию о налогоплательщике онлайн [16, с. 12]. Необходимость накопления и обработки налоговой информации в аналоговых системах налогового учета и отчетности, базы данных налоговых органов снижается. Данное обстоятельство формирует запрос на возможную актуализацию правил налогообложения, гипотеза которых предусматривает сроки.

Так, одним из элементов налогообложения выступает налоговый период (ст. 55 Налогового кодекса РФ¹). Налоговый период по различным налогам может составлять месяц (в соответствии со ст. 341 НК РФ по налогу на добычу полезных ископаемых), квартал

¹ См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 30.09.2024 г. № 335-ФЗ) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.; 2024. № 41. Ст. 6060.

(в соответствии со ст. 163 НК РФ по налогу на добавленную стоимость), год (в соответствии со ст. 285 НК РФ по налогу на прибыль организаций). Кроме того, по некоторым налогам устанавливаются отчетные периоды, по результатам которых оплачиваются авансовые платежи.

В трудах по налоговому праву ученые приводят различные аргументы в пользу выделения налогового периода в составе элементов налогообложения. Так, Д. В. Тютин отмечает, что установление налогового периода необходимо в отношении налогов, объектом налогообложения которых выступают юридические факты состояния. В данном случае, установление налогового периода является гарантией принципа определенности налогового обязательства [13].

А. В. Демин обуславливает необходимость установления налогового периода протяженностью во времени большинства объектов налогообложения. Установление конкретных сроков налогового и отчетных периодов, оплаты налоговых и авансовых платежей определяется требованием «равномерного поступления налоговых платежей в бюджет в течение всего финансового года» [1, с. 158].

Думается, что установление налоговых, отчетных периодов, сроков уплаты налогов и авансовых платежей является инструментом планирования финансовой деятельности, как самого налогоплательщика, так и государства. Е. В. Кудряшова, исследуя государственное финансовое планирование, отмечает, что «в сфере государственных доходов присутствуют составляющие государственного планирования как метода управления – целеполагание и горизонт планирования» [5, с. 56]. Принимая, что планирование бюджетов бюджетной системы осуществляется «от расходов», можно заключить что налоговые, отчетные периоды, а также сроки оплаты налогов и авансовых платежей определяются в соответствии с правилами бюджетного планирования.

Учитывая, что цифровые платформы потенциально могут предоставлять налоговым органам онлайн доступ к налогово-значимой информации, возникает вопрос о возможности определения размера налоговой обязанности не по результатам налогового периода, а по результатам отдельных операций, и, соответственно, исключения налоговых периодов.

Уменьшение продолжительности или отказ от налоговых периодов позволит в более ранние сроки направлять налоговые платежи в бюджеты бюджетной системы. Кроме того, действующий механизм налогообложения уже предусматривает правило «налог подлежит оплате после получения дохода». В соответствии с п. 6 ст. 226 НК РФ налог на доходы физических лиц подлежит перечислению в бюджет не позднее 28 числа текущего месяца, если он был удержан с 1-го по 22-е число, и не позднее 5-го числа следующего месяца, если налог был удержан за период с 23-го числа по последнее число текущего месяца.

Однако сроки налоговых периодов, уплаты авансовых и налоговых платежей – элементы финансового планирования не только государства и муниципальных образований, но и самого налогоплательщика. Думается, что использование таких преимуществ цифровых платформ в налоговых целях должно осуществляться без ухудшения положения налогоплательщика.

Представляется возможным провести условную аналогию предлагаемой гипотезы и юридической конструкции автоматизированной упрощенной системы налогообложения¹. Данный налоговый режим признается автоматизированным поскольку:

1) сведения об операциях по счетам налогоплательщика, необходимые для определения налоговой базы, предоставляются в налоговый орган уполномоченными кредитными организациями не позднее дня, следующего за днем, в котором произведены указанные операции;

2) учет доходов и расходов ведется в личном кабинете налогоплательщика на основании данных, предоставляемых уполномоченной кредитной организацией, и информации, полученной при использовании контрольно-кассовой техники.

Автоматизация налогового администрирования делает более удобным процесс налогообложения. Налогоплательщик не предоставляет налоговую декларацию. Налоговый период по автоматизированной упрощенной системе налогообложения сокращен до одного месяца. Необходимо отметить, что налогоплательщик переходит на автоматизированный режим добровольно и он вправе корректировать информацию, направляемую в налоговые органы для расчета налоговой базы.

Результаты

Обобщая промежуточные выводы, представляется возможным сформировать следующие особенности налогообложения цифровых платформ:

1) осуществление операций через цифровые платформы создает предпосылки для изменений как самих элементов налогообложения, так и процессов по исчислению и уплате налогов;

2) изменение правового регулирования в связи с новыми возможностями, обусловленными цифровыми платформами, не должно ухудшать правовое положение налогоплательщиков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демин, А. В. Налоговое право России: учебное пособие / А. В. Демин; Федер. агентство по образованию; Краснояр. гос. ун-т; Юрид. ин-т. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2006. 329 с.

2. Егорова, М. А., Петров, Д. А., Попондопуло, В. Ф. Цифровая (платформенная) экономика в свете антимонопольного регулирования (сетевой эффект, цифровая платформа, запрет монополистической деятельности) // Конкурентное право. 2024. № 1. С. 2–5.

3. Кожемякин, Д. В., Миронова, С. М. Антимонопольные аспекты деятельности операторов цифровых платформ в гиг-экономике // Закон. 2024. № 3. С. 150–159.

4. Копина, А. А. Модификация правового статуса налогового агента: причины и последствия // Финансовое право. 2021. № 4. С. 34–39.

5. Кудряшова, Е. В. Государственное финансовое планирование: правовая доктрина и практика. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.04 – финансовое право; налоговое право; бюджетное право. М., 2018. 415 с.

¹ См.: Федеральный закон от 25.02.2022 N 17-ФЗ (ред. от 29.10.2024 №362-ФЗ) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения» // СЗ РФ. 2022. № 9 (часть I). Ст. 1249; 2024. № 45. Ст. 6693.

6. Лисоволик, Я. От корпораций до международного управления: появление «экономики платформ» // Сайт Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ot-korporatsiy-do-mezhdunarodnogo-upravleniya/> (дата обращения 02.11.2024).
7. Миронова, С. М. Адаптация правового регулирования трудовых, гражданских, налоговых правоотношений к условиям гиг-экономики / С. М. Миронова, Д. В. Кожемякин, А. Е. Пономарченко // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 4. С. 314–329.
8. Моазед, А. Платформа: Практическое применение революционной бизнес-модели / Алекс Моазед, Николас Джонсон; Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. 288 с.
9. Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад / Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, А. В. Демьянова и др.; под ред. Л. М. Гохберга, Б. М. Глазкова, П. Б. Рудника, Г. И. Абдрахмановой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 72 с.
10. Пономарева, К. А. Правовые проблемы налогообложения цифровых бизнес-моделей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 4. С. 605–620.
11. Сидоренко, Э. Л. Статус работника цифровой платформы: в поисках критериев определения // Мировой судья. 2022. № 7. С. 16–22.
12. Терещенко, Л. К. Цифровые платформы: подходы к регулированию // Журнал российского права. 2024. № 9. С. 163–175.
13. Тютин, Д. В. Налоговое право: Курс лекций // Справочная правовая система «Консультант плюс».
14. Харитоновна, Ю. С. Обычай в регулировании отношений с использованием цифровых платформ // Право и бизнес. 2024. № 2. С. 2–9.
15. Организация экономического сотрудничества и развития. Tax Administration 3.0: The Digital Transformation of Tax Administration. URL: <http://www.oecd.org/tax/forum-on-tax-administration/publications-and-products/tax-administration-3-0-the-digital-transformation-of-tax-administration.htm> (дата обращения 05.11.2024).
16. Организация экономического сотрудничества и развития. Tax Administration 3.0 and Connecting with Natural Systems: Initial Findings. URL: https://www.oecd.org/en/publications/tax-administration-3-0-and-connecting-with-natural-systems_53b8dade-en.html (дата обращения 05.11.2024).

REFERENCES

1. Demin, A. V. Nalogovoye pravo Rossii: Uchebnoye posobiye / A. V. Demin; Feder. agentstvo po obrazovaniyu; Krasnoyar. gos. un-t; Yurid. in-t. Krasnoyarsk: RUMTS YUO, 2006. 329 p.
2. Egorova, M. A., Petrov D. A., Popondopulo V. F. Tsifrovaya (platformennaya) ekonomika v svete antimonopol'nogo regulirovaniya (setevoy effekt, tsifrovaya platforma, zapret monopolisticheskoy deyatel'nosti) // Konkurentnoye pravo. 2024. No. 1, pp. 2–5.
3. Kozhemyakin, D. V., Mironova, S. M. Antimonopol'nyye aspekty deyatel'nosti operatorov tsifrovyykh platform v gig-ekonomike // Zakon. 2024. No. 3, pp. 150–159.
4. Kopina, A. A. Modifikatsiya pravovogo statusa nalogovogo agenta: prichiny i posledstviya // Finansovoye pravo. 2021. No. 4, pp. 34–39.

5. Kudryashova, E. V. Gosudarstvennoye finansovoye planirovaniye: pravovaya doktrina i praktika. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni doktora yuridicheskikh nauk po spetsial'nosti 12.00.04 – finansovoye pravo; nalogovoye pravo; byudzhethnoye pravo. M., 2018. 415 p.
6. Lissovlik, Ya. Ot korporatsiy do mezhdunarodnogo upravleniya: poyavleniye «ekonomiki platform» // Sayt Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valday». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ot-korporatsiy-do-mezhdunarodnogo-upravleniya/> (data obrashcheniya 02.11.2024).
7. Mironova, S. M. Adaptatsiya pravovogo regulirovaniya trudovykh, grazhdanskikh, nalogovykh pravootnosheniy k usloviyam gig-ekonomiki / S. M. Mironova, D. V. Kozhemyakin, A. E. Ponomarchenko // Pravoprimeneniye. 2022. Vol. 6. No. 4, pp. 314–329.
8. Moazed, A. Platforma: Prakticheskoye primeneniye revolyutsionnoy biznes-modeli / Alex Moazed, Nicholas Johnson; Per. s angl. M.: Al'pina Pabliisher, 2019. 288 p.
9. Platformennaya ekonomika v Rossii: potentsial razvitiya: analiticheskiy doklad / G. I. Abdrakhmanova, L. M. Gokhberg, A. V. Demyanova et al.; ed. L. M. Gokhberg, B. M. Glazkova, P. B. Rudnik, G. I. Abdrakhmanova; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M. : ISIEZ VSHE, 2023. 72 p.
10. Ponomareva, K. A. Pravovyye problemy nalogooblozheniya tsifrovyykh biznes-modeley // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiy nauki. 2022. No. 4, pp. 605–620.
11. Sidorenko, E. L. Status rabotnika tsifrovoy platformy: v poiskakh kriteriyev opredeleniya // Mirovoy sud'ya. 2022. No. 7, pp. 16–22.
12. Tereshchenko, L. K. Tsifrovyye platformy: podkhody k regulirovaniyu // Zhurnal rossiyskogo prava. 2024. No. 9, pp. 163–175.
13. Tyutin, D. V. Nalogovoye pravo: Kurs lektsiy // Spravochnaya pravovaya sistema «Kon-sul'tant plyus».
14. Kharitonova, Yu. S. Obychay v regulirovanii otnosheniy s ispol'zovaniyem tsifrovyykh platform // Pravo i biznes. 2024. No. 2, pp. 2–9.
15. Organizatsiya ekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitiya. Tax Administration 3.0: The Digital Transformation of Tax Administration. URL: <http://www.oecd.org/tax/forum-on-tax-administration/publications-and-products/tax-administration-3-0-the-digital-transformation-of-tax-administration.htm> (data obrashcheniya 05.11.2024.).
16. Organizatsiya ekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitiya. Tax Administration 3.0 and Connecting with Natural Systems: Initial Findings. URL: https://www.oecd.org/en/publications/tax-administration-3-0-and-connecting-with-natural-systems_53b8dade-en.html (data obrashcheniya 05.11.2024).

Информация об авторе

Михаил Николаевич Садчиков, доктор юридических наук, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», доцент, taxprofy@mail.ru, orcid.org/0000-0002-8605-432X, SPIN-код: 4972-5842, AuthorID: 581889.

Information about the author

Mikhail N. Sadchikov, Doctor of Law, Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saratov State Law Academy”, Associate Professor, taxprofy@mail.ru, orcid.org/0000-0002-8605-432X, SPIN-code: 4972-5842, AuthorID: 581889.

Для цитирования: Садчиков М. Н. Налогообложение цифровых платформ // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 4 (14). С. 73–80.
URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N4.pdf

УДК 346

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Светлана Михайловна Миронова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. 1 ноября 2024 года в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС прошла Международная научно-практическая конференция «Цифровые платформы и трансформация правового регулирования». В конференции приняли участие представители таких стран, как Россия, Индия, Бразилия, Египет и Беларусь, а также представителя различных городов и вузов России, практические работники, представители органов государственной власти федерального и регионального уровней.

Дискуссия. В рамках конференции был проведен круглый стол «Качественные и количественные характеристики рынка труда в Волгоградской области с учетом дистанционной и платформенной занятости» (проводимый в рамках гранта РНФ и Волгоградской области № 24-28-20066 «Состояние рынка труда Волгоградской области: поведенческие траектории с учетом дистанционной и платформенной занятости»).

Заключение. Представленные на конференции доклады показывают, что цифровые платформы меняют многие сложившиеся правоотношения во всех сферах жизни, в связи с чем практически во всех отраслях права подвергаются правовой трансформации те или иные вопросы. К наиболее актуальным темам, затронутым на конференции следует отнести вопросы платформенной занятости; социальных гарантий платформенных работников; недобросовестной конкуренции на цифровых платформах, а также осуществления в этой сфере контроля со стороны ФАС России; гражданско-правовой ответственности участников отношений с использованием цифровых платформ; цифровых образовательных платформ; налогообложения цифровых платформ и ряда других. В ближайшее время ожидается принятие федеральных законов о платформенной экономике и платформенной занятости, которые урегулируются часть вопросов, связанных с взаимодействием с цифровыми платформами и их правовым статусом.

Ключевые слова: цифровые платформы, цифровой рубль; платформенная занятость; платформенная экономика; рынок труда; дистанционная занятость; правовое регулирование; самозанятые; маркетплейсы.

UDC 346

DIGITAL PLATFORMS AND TRANSFORMATION OF LEGAL REGULATION: REVIEW OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE

Svetlana M. Mironova

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. On November 1, 2024, the Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА hosted the International Scientific and Practical Conference «Digital Platforms and Transformation of Legal Regulation». The conference was attended by representatives of such countries as Russia, India, Brazil, Egypt and Belarus, as well as representatives of various cities and universities of Russia, practitioners, representatives of federal and regional government bodies.

Discussion. The conference included a round table «Qualitative and Quantitative Characteristics of the Labor Market in the Volgograd Region Taking into Account Remote and Platform Employment» (held within the framework of the grant of the Russian Science Foundation and the Volgograd Region No. 24-28-20066 «State of the Labor Market in the Volgograd Region: Behavioral Trajectories Taking into Account Remote and Platform Employment»).

Conclusion. The reports presented at the conference show that digital platforms are changing many established legal relations in all spheres of life, and therefore certain issues are subject to legal transformation in almost all branches of law. The most pressing topics covered at the conference include issues of platform employment; social guarantees for platform workers; unfair competition on digital platforms, as well as the implementation of control in this area by the FAS Russia; civil liability of participants in relations using digital platforms; digital educational platforms; taxation of digital platforms and a number of others. In the near future, federal laws on the platform economy and platform employment are expected to be adopted, which will regulate some of the issues related to interaction with digital platforms and their legal status.

Keywords: digital platforms, digital ruble; platform employment; platform economy; labor market; remote employment; legal regulation; self-employed; marketplaces.

Введение

1 ноября 2024 года в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС прошла Международная научно-практическая конференция «Цифровые платформы и трансформация правового регулирования». В конференции приняли участие представители таких стран, как Россия, Индия, Бразилия, Египет и Беларусь, а также представителя различных городов и вузов России, практические работники, представители органов государственной власти федерального и регионального уровней.

Стремительное развитие цифровых платформ, использование их во всех сферах жизни, повсеместно во всех государствах и юрисдикциях, вызывает необходимость исследования трансформации правового регулирования под воздействием цифровых платформ, определения их правового статуса, видов, определения субъектных связей, установления норм, регулирующих правоотношения цифровых платформ с другими участниками в различных отраслях права [2; 5].

Конференция была разделена на несколько тематических блоков – пленарное заседание, круглый стол «Качественные и количественные характеристики рынка труда в Волгоградской области с учетом дистанционной и платформенной занятости» (проводимый в рамках гранта РФФИ и Волгоградской области № 24-28-20066 «Состояние рынка труда Волгоградской области: поведенческие траектории с учетом дистанционной и платформенной занятости»), продолжение конференции было представлено блоками антимонопольного регулирования и недобросовестной конкуренции с участием цифровых платформ, секцией зарубежных исследователей, которые представили опыт своих государств по правоотношениям с участием м цифровых платформ, а также различными отраслевыми вопросами, связанными с трансформацией правового регулирования в гражданской, налоговой, уголовной и других сферах правоотношений.

Дискуссия

Цифровые платформы задали тренды не только в правовом регулировании, но и привели к появлению такого понятия, как платформенная экономика, в связи с чем невозможно рассматривать правовые вопросы в отрыве от экономики. Взаимосвязь цифровых платформ и цифровых бизнес-моделей была представлена в докладе профессора кафедры государственного регулирования экономики ИГСУ, профессор кафедры психологии безопасности ИПНБ РАНХиГС Натальи Евгеньевны Булетовой. Цифровые платформы оказывают существенное влияние на все сферы жизни, порой становясь регуляторами многих отношений, составляя конкуренцию государству с точки зрения правового регулирования, осуществляемого государством посредством издания нормативно-правовых актов. Сдерживающим механизмом в такой ситуации может стать государство в лице отдельных органов, осуществляющих контроль и надзор за деятельностью цифровых платформ. Так, заместитель начальника управления контроля рекламы и недобросовестной конкуренции Центрального аппарата Федеральной антимонопольной службы России Яна Вячеславовна Склярова поделилась в своем докладе основными проблемами, возникающими в деятельности ФАС России при осуществлении контроля в части недобросовестной конкуренции на цифровых платформах.

Большое влияние цифровые платформы оказывают на изменения рынка труда и занятости, что находится свое отражение в появлении новых форм занятости, в том числе платформенной занятости, правовым проблемам и перспективам развития которой был посвящен доклад доцента кафедры трудового и социального права Санкт-Петербургского государственного университета Дениса Александровича Новикова. Появление платформенной занятости, таких категорий занятых, как фрилансеры, самозанятые, работники, занятые в дистанционном формате, определяют необходимость исследования новых форм занятости на региональных рынках труда [3]. Такого рода исследования проводятся в рамках реализации грантов, что обусловило проведения круглого стола «Качественные и количественные характеристики рынка труда в Волгоградской области с учетом дистанционной и платформенной занятости» (проводимый в рамках гранта РФФИ и Волгоградской области № 24-28-20066 «Состояние рынка труда Волгоградской области: поведенческие траектории с учетом дистанционной и платформенной занятости»). Круглый стол среди участников собрал представителей не только научного сообщества, но и сотрудников органов государственной власти федерального и регионального уровней, так или иначе задействованных в решении вопросов по организации труда и занятости в Волгоградской области – отделения Волгоград Южного

Главного Управления Центрального Банка России, территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области, Управления Федеральной налоговой службы России по Волгоградской области, Комитета экономической политики и развития Волгоградской области, Комитета по труду и занятости населения Волгоградской области, Уполномоченного по защите прав предпринимателей, Центра поддержки предпринимательства Волгоградской области, Волгоградского областного профсоюза и др.

Члены научного коллектива по гранту «Состояние рынка труда Волгоградской области: поведенческие траектории с учетом дистанционной и платформенной занятости» Татьяна Борисовна Иванова, Светлана Михайловна Миронова, Елена Григорьевна Смолина, Мария Дмитриевна Фисенко представили результаты своего исследования, обсудили с коллегами проблемные вопросы, которые возникают в практике деятельности органов государственной власти. Так, профессор С. М. Миронова в своем докладе, посвященном правовому регулированию рынка труда Волгоградской области с учетом дистанционной и платформенной занятости, предложила следующие шаги по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики: на федеральном уровне нормативно закрепить понятие дистанционной занятости и платформенной занятости; при сборе статистики о платформенных занятых использовать терминологию, применяемую не только для статистических данных, но и соотносящуюся с терминами, используемыми в другом законодательстве. Также было предложено внести в Стратегию социально-экономического развития Волгоградской области в качестве предложения по выстраиванию концепции управления кадровым потенциалом региона развитие дистанционной и платформенной занятости и предусмотреть конкретные меры по их развитию (обучение граждан и пр.).

Следует отметить, что особую значимость конференции придает участие в ней представителей стран БРИКС – Индии, Бразилии, а также недавно вошедшего в объединение государств Египта, что позволило в сравнительно-правовом ключе обменяться проблематикой правового регулирования цифровых платформ в разных странах, а также теми практически вопросами, которые возникают у разных субъектов правоотношений в тех случаях, когда одной из сторон такого правоотношения выступает цифровая платформа.

Так, доктор философии, Ph.D. юриспруденции, Моатассам Белаллах Мостафа из Университета Эль-Мансуры ознакомил участников конференции с тем, как осуществляется правовое регулирование цифровых платформ в Египте. Доцент факультета коммерции, Центральный университет доктора Хари-Сингха Гоур, Сагар, Шт. Мадхья-Прадеш обозначила роль цифровых платформ в обеспечении доступа к правосудию в Индии. А аспирант факультета социологии Университета Бразилиа Гонтихо Лаура Валле поделилась результатами своего исследования о том, что думают бразильские курьеры о регулировании работы платформы [1]. Представленные автором количественные и качественные характеристики исследования позволили сделать вывод о схожести проблем в Бразилии и России в вопросах взаимоотношений курьеров и цифровых платформ, а также сложности определения их правового статуса.

Трансформация правового регулирования под воздействием цифровых платформ в странах БРИКС привлекла внимание и российских ученых. Так, доцент кафедры конституционного и муниципального права Владимир Владимирович Слеженков посвятил свое исследование опыту Бразилии по цифровой трансформации альтернативного разрешения споров в странах БРИКС, анализу современного развития правового регулирования альтерна-

тивного разрешения споров в этом государстве, с приоритетным вниманием к проблематике цифровизации в данной сфере, рассмотрев основные аспекты соответствующей практики, проведя ее сопоставление с тенденциями, характерными для цифровой трансформации альтернативного разрешения споров в других странах БРИКС.

Особое внимание было привлечено к блоку выступлений, объединенных темой недобросовестной конкуренции и антимонопольной практикой, представленной многочисленными примерами из деятельности Федеральной антимонопольной службы РФ. Заместитель председателя комитета Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) по интеллектуальной собственности и креативным индустриям Анатолий Вячеславович Семенов представил судебную практику по защите интеллектуальной собственности на маркетплейсах. Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС Дмитрий Владимирович Кожемякин посвятил свой доклад недобросовестной конкуренции оператора цифровой платформы по отношению к своим селлерам. Заместитель руководителя Управления ФАС России по Волгоградской области Ирина Борисовна Никуйко представила актуальную практику Волгоградского УФАС в сфере контроля рекламы и недобросовестной конкуренции.

Правовая трансформация под влиянием цифровых платформ происходит и в налоговой сфере, что было отмечено в ряде докладов. В рамках пленарного заседания начальник отдела работы с налогоплательщиками УФНС России по Волгоградской области Александр Владимирович Егоров представил свое видение по вопросу цифровизации налоговой службы. Федеральная налоговая служба России в настоящее время является флагманом внедрения цифровых технологий, показывает пример успешного электронного взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков, а также концентрирует в своих руках огромный массив данных, который может быть использован не только для налогового администрирования и налогового контроля, но и в других целях, например, передаваться комиссиям по противодействию нелегальной занятости с целью пресечения таких случаев. Взгляд со стороны налогоплательщиков на цифровые ресурсы Федеральной налоговой службы, используемые при проведении мероприятий налогового контроля, был представлен директором ООО «Компания «Вира» Чингизом Камандаровичем Сулеймановым. Интерес представляет и продолжение этой темы в исследовании Маргариты Альбертовны Бурдаковой о взаимодействии налогового органа и налогоплательщиков посредством цифровых технологий на примере мобильного приложения «Мой налог».

Профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» по результатам исследования налогообложения цифровых платформ сформировал следующие особенности их налогообложения: осуществление операций через цифровые платформы создает предпосылки для изменений как самих элементов налогообложения, так и процессов по исчислению и уплате налогов; изменение правового регулирования в связи с новыми возможностями, обусловленными цифровыми платформами, не должно ухудшать правовое положение налогоплательщиков.

Обзор подходов к статусу цифровых платформ как налоговых агентов в зарубежных странах представил ведущий научный сотрудник Центра налоговой политики НИФИ Минфина, профессором Высшей школы правоведения Президентской академии России Кариной

Александровной Пономаревой. Доклад главного специалиста аппарата уполномоченного по защите прав предпринимателей в Волгоградской области Натальи Викторовны Куркиной был посвящен цифровому налоговому резидентству как инструменту реализации регулирующей функции налогов.

Также в рамках конференции обсуждались такие вопросы, как: кибербуллинг как форма девиантного поведения личности; гражданско-правовая ответственность участников инвестиционной деятельности с использованием цифровых платформ; значение и использование цифровых систем, учетов и баз данных в судопроизводстве; проблемы реализации права на медицинскую помощь с использованием цифровых платформ; проблемы и перспективы трудовых отношений с использованием цифровых платформ; роль цифровых платформ в обеспечении продовольственной безопасности Российской Федерации; влияние цифровых платформ на пространственное развитие Российской Федерации; цифровые образовательные платформы; цифровая экосистема нотариата как гарантия безопасности и правопорядка в интернет-пространстве; особенности легитимации функционирования цифровых платформ, связанных с обращением криптовалют; платформы для размещения государственного оборонного заказа как инструмент публично-правового контроля и многие другие.

В секции молодых исследователей «Актуальные проблемы трансформации правового регулирования общественных отношений с участием цифровых платформ» модераторами выступили Иван Игоревич Коверченко, ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиал РАНХиГС, и Максим Сергеевич Ситников, ассистент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиал РАНХиГС. Секция объединила ученых из РАНХиГС, Высшей школы экономики, Саратовской государственной юридической академии, Российского государственного университета правосудия, Волгоградского государственного университета, а также Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь).

Среди наиболее актуальных тем, которые были заявлены к выступлению, следует отметить такие вопросы, как: понятие, признаки и классификации цифровых платформ; зарубежный опыт правового регулирования технологии краудфандинг; применение цифровых платформ при оказании юридической помощи; распространение Программ для ЭВМ через цифровые платформы; коммерциализация произведений пространственного искусства, созданных искусственным интеллектом; киберпреступность и право; значение цифровых технологий при проведении процедуры банкротства; цифровизация уголовного судопроизводства; нормативное регулирование искусственного интеллекта в Великобритании и Соединенных Штатах Америки; охраноспособность произведений, созданных с использованием нейросетей; правовое взаимодействие участников туристического рынка в условиях цифровизации; цифровизация юридической практики: роль цифровых платформ в трансформации правовой среды; основные технологии и формы оказания телемедицинских услуг; электронный документооборот в судах общей юрисдикции; роль законодательного развития платформенной занятости для трудового права РФ; роль цифровых платформ в развитии малого и среднего социального предпринимательства; внедрение искусственного интеллекта в государственное управление. Исходя из представленной тематики можно сделать вывод, что вопросы правового регулирования цифровых платформ затрагивают многие сферы общественных отношений и отраслей права, как публичного, так и частного, что предопределяет иногда межотраслевой подход.

Живой интерес вызвал доклад представителя Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, студента 4 курса Владислава Курлянчика, который исследовал проблемы и перспективы внедрения цифровых валют центральных банков в БРИКС и ЕАЭС. Цифровые валюты центральных банков в настоящее время внедряются в разных государствах и находятся на разных стадиях: разработки и внедрения концепции, тестирования, запуска, что вызывает и научный интерес [7]. Российская Федерация в настоящее время осуществляет закрытое тестирование цифрового рубля, а с 2025 года уже готовится внедрить его практику работы не только в банках, но и использовать в бюджетной сфере. Это предопределяет необходимость правового регулирования использования цифрового рубля [6].

Заключение

Представленные на конференции доклады показывают, что цифровые платформы меняют многие сложившиеся правоотношения во всех сферах жизни, в связи с чем практически во всех отраслях права подвергаются правовой трансформации те или иные вопросы. К наиболее актуальным темам, затронутым на конференции следует отнести вопросы платформенной занятости; социальных гарантий платформенных работников; недобросовестной конкуренции на цифровых платформах, а также осуществления в этой сфере контроля со стороны ФАС России; гражданско-правовой ответственности участников отношений с использованием цифровых платформ; цифровых образовательных платформ; налогообложения цифровых платформ и ряда других. В ближайшее время ожидается принятие федеральных законов о платформенной экономике и платформенной занятости, которые урегулируют часть вопросов, связанных с взаимодействием с цифровыми платформами и их правовым статусом. Принятие данных законов будет способствовать более эффективному правоприменению и снижению споров с участием платформ, платформенных занятых, поставщиков, реализующих свои товары через маркетплейсы, и потребителей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Gontijo, Laura. (2024). What do Brazilian Couriers think about Platform Work Regulation? A quantitative and qualitative reasearch // URL: https://www.researchgate.net/publication/385436282_What_do_Brazilian_Couriers_think_about_Platform_Work_Regulation_A_quantitative_and_qualitative_reasearch (дата обращения 04.11.2024).
2. Габов, А. В. Цифровая платформа как новое правовое явление / А. В. Габов // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13–82.
3. Иванова, Т. Б. Новые формы занятости на региональных рынках труда (на примере субъектов ЮФО) / Т. Б. Иванова, И. В. Митрофанова // Региональная экономика. Юг России. 2022. Т. 10, № 4. С. 138–150. DOI 10.15688/re.volsu.2022.4.13.
4. Кожемякин, Д. В. Внесудебные процедуры пресечения распространения пиратства на цифровых платформах: обеспечение баланса интересов / Д. В. Кожемякин, И. И. Коверченко // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 132–147. DOI 10.17223/22253513/50/10.
5. Миронова, С. М. Правовая природа и роль цифровых платформ в условиях гиг-экономики // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах, Казань, 23 сентября 2022 года / Под редакцией И. Р. Бегишева [и др.]. Том 1. Казань: Изд-во «Познание», 2022. С. 264–275.

6. Рождественская, Т. Э., Гузнов, А. Г. Правовое регулирование цифрового рубля // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 1. С. 48–55.
7. Ситник, А. А. Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8. С. 20–36.

REFERENCES

1. Gontijo, Laura. (2024). What do Brazilian Couriers think about Platform Work Regulation? A quantitative and qualitative reasearch // URL: https://www.researchgate.net/publication/385436282_What_do_Brazilian_Couriers_think_about_Platform_Work_Regulation_A_quantitative_and_qualitative_reasearch (data obrashcheniya 04.11.2024).
2. Gabov, A. V. Tsifrovaya platforma kak novoye pravovoye yavleniye // Permskiy yuridicheskii al'manakh. 2021. № 4. S. 13–82.
3. Ivanova, T. B. Novyye formy zanyatosti na regional'nykh rynkakh truda (na primere sub»yektov YUFO) / T. B. Ivanova, I. V. Mitrofanova // Regional'naya ekonomika. Yug Rossii. 2022. T. 10, № 4. S. 138–150. DOI 10.15688/re.volsu.2022.4.13.
4. Kozhemyakin, D. V. Vnesudebnyye protsedury presecheniya rasprostraneniya piratstva na tsifrovyykh platformakh: obespecheniye balansа interesov / D. V. Kozhemyakin, I. I. Koverchenko // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2023. № 50. S. 132–147. DOI 10.17223/22253513/50/10.
5. Mironova, S. M. Pravovaya priroda i rol' tsifrovyykh platform v usloviyakh gig-ekonomiki / S. M. Mironova // Tsifrovyye tekhnologii i pravo: Sbornik nauchnykh trudov I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. V 6-ti tomakh, Kazan', 23 sentyabrya 2022 goda / Pod redaktsiyey I.R. Begisheva [i dr.]. Tom 1. Kazan': Izdatel'stvo «Poznaniye», 2022. S. 264–275.
6. Rozhdestvenskaya, T. E., Guznov, A. G. Pravovoye regulirovaniye tsifrovogo rublya // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2024. № 1. S. 48–55.
7. Sitnik, A. A. Tsifrovoy rubl' kak object finansovo-pravovogo regulirovaniya / A. A. Sitnik // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2023. № 8. S. 20–36.

Информация об авторе

Светлана Михайловна Миронова, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, улица Гагарина, д. 8, 400005, г. Волгоград, Российская Федерация, mironova-sm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5288-2568>, SPIN-код: 5770-7809, AuthorID: 636773.

Information about the author

Svetlana M. Mironova, Doctor of Law, Professor, Department of Theory of Law and State and Legal Disciplines, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPa, Gagarin Street, 8, 400005, Volgograd, Russian Federation, mironova-sm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5288-2568>, SPIN-код: 5770-7809, AuthorID: 636773.

Для цитирования: Миронова С. М. Цифровые платформы и трансформация правового регулирования: обзор международной научно-практической конференции // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 4 (14). С. 81–88. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N4.pdf

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

PRIVATE LAW SCIENCES

УДК 340.5:347.919

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В СТРАНАХ БРИКС: ОПЫТ БРАЗИЛИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО АКТУАЛИЗАЦИИ¹

Владимир Владимирович Слеженков

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Развитие практик цифровизации и средств альтернативного разрешения споров (АРС) во многом представляют собой параллельные процессы, существенным образом влияющие на современное состояние правовых систем, как на национальном, так и на наднациональном и международном уровне. В то же время, хотя альтернативное разрешение споров далеко не сводимо к технологическим аспектам, цифровая трансформация в значительной мере определяет контуры его преобразования.

Методы. Работа основывается на методах анализа, синтеза и сравнительного подхода, использование которых позволило обобщить результаты исследования и сделать обоснованные выводы. Также использовался сравнительно-правовой метод с целью сопоставления эволюции практики онлайн-разрешения споров в Бразилии и России.

Анализ. Статья посвящена анализу современного развития правового регулирования альтернативного разрешения споров в Бразилии, с приоритетным вниманием к проблематике цифровизации в данной сфере. В рамках исследования рассматриваются основные аспекты соответствующей практики, а также проводится ее сопоставление с тенденциями, характерными для цифровой трансформации альтернативного разрешения споров в других странах БРИКС.

Результаты. По итогам работы автором формулируются выводы относительно возможных перспектив актуализации соответствующего опыта в России, что могло бы представить интерес как в контексте новеллизации законодательства, так и с позиций развития международных интеграционных процессов.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые платформы, альтернативные средства разрешения споров, разрешение споров онлайн, БРИКС, Бразилия.

¹ Работа была представлена в виде доклада на Международной научно-практической конференции «Цифровые платформы и трансформация правового регулирования», прошедшей 1 ноября 2024 года в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС.

UDC 340.5:347.919

DIGITAL TRANSFORMATION OF ALTERNATIVE DISPUTE RESOLUTION IN THE BRICS COUNTRIES: THE BRAZILIAN EXPERIENCE AND POSSIBILITIES FOR ITS ACTUALIZATION

Vladimir V. Slezhenkov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The development of digitalization practices and alternative dispute resolution (ADR) are largely parallel processes that significantly affect the current state of legal systems, both at the national and supranational and international levels. At the same time, although alternative dispute resolution is far from reducible to technological aspects, digital transformation largely determines the contours of its transformation.

Methods. The work is based on the methods of analysis, synthesis and comparative approach, the use of which made it possible to summarize the results of the study and make reasonable conclusions. A comparative legal method was also used to compare the evolution of online dispute resolution practices in Brazil and Russia.

Analysis. The article is devoted to the analysis of the modern development of legal regulation of alternative dispute resolution in Brazil, with priority attention to the problems of digitalization in this area. The study examines the main aspects of the relevant practice, and also compares it with the trends characteristic of the digital transformation of alternative dispute resolution in other BRICS countries.

Results. Based on the results of the work, the author formulates conclusions regarding the possible prospects for updating the relevant experience in Russia, which could be of interest both in the context of the novelization of legislation and from the standpoint of the development of international integration processes.

Keywords: digitalization, digital platforms, alternative dispute resolution methods, online dispute resolution, BRICS, Brazil.

Введение

Развитие практик цифровизации и средств альтернативного разрешения споров (АРС) во многом представляют собой параллельные процессы, существенным образом влияющие на современное состояние правовых систем, как на национальном, так и на наднациональном и международном уровне. В то же время, хотя альтернативное разрешение споров далеко не сводимо к технологическим аспектам, цифровая трансформация в значительной мере определяет контуры его преобразования. Дискуссионность соответствующих вопросов, динамичное формирование и преобразование сопутствующего регулирования, новизна и во многом экспериментальный характер последнего определяют повышенный интерес к анализу зарубежного опыта в рассматриваемой сфере – что для нашей страны особенно актуально в контексте развития международного партнерства в рамках БРИКС. При этом бразильский опыт в данной сфере получил в отечественной науке пока далеко не полное освещение.

Методы

Работа основывается на методах анализа, синтеза и сравнительного подхода, использование которых позволило обобщить результаты исследования и сделать обоснованные выводы. Также использовался сравнительно-правовой метод с целью сопоставления эволюции практики онлайн-разрешения споров в Бразилии и России.

Анализ

Процессы цифровизации в Бразилии развиваются в последние годы относительно быстро, как в разрезе сопоставления с иными государствами Латинской Америки, так и в мировом масштабе [2]; в частности, 82 % существующих цифровых платформ создано после 2011 г. [3, с. 94]. В то же время, количественные показатели здесь явно преобладают над качеством: речь во многом идет о неравномерном развитии, с учетом имеющихся региональных дисбалансов, исходных социальных и экономических, в том числе и инфраструктурных проблем (например, «цифрового разрыва»), относительно высокой степени внутренней закрытости экономики. Важно также отметить, что в исследованиях бразильских, как и некоторых иных зарубежных авторов, проблематика онлайн-разрешения споров (ODR) анализируется, в том числе, с позиций оценки технологий как «четвертой стороны», поскольку она может взаимодействовать со сторонами, вовлеченными в конфликт, и беспристрастной третьей стороной (при ее наличии) [1; 6, р. 242].

Параллельно, существенным фактором активного развития законодательного регулирования альтернативного разрешения споров, в т. ч. в цифровом формате, выступает проблематика эффективности «классических» судебных процедур (на фоне традиционно активного обращения граждан в суды – своего рода «культуры судебных разбирательств», повышенной нагрузки судебной системы и длительных сроков рассмотрения дел, проблем исполнения судебных актов [5, р. 20]. Так, в частности, в аналитических исследованиях приводятся данные, согласно которым на приведение в исполнение стандартного долгового договора в Сан-Паулу (речь идет о наиболее развитом регионе страны) требуется 731 день, в то время как на аналогичную процедуру в Сеуле (Южная Корея) уходит 290 дней, в Мехико (Мексика) – 341, в Лиме (Перу) – 426, в Сантьяго (Чили) – 480 [2]. Примечательно, что речь идет как о традиционном регулировании (например, принятие в 2015 г. нового ГПК (регламентирует и вопросы экономического правосудия)), так и о принятии нормативных актов, непосредственно регламентирующих альтернативное разрешение споров (в том же 2015 г. в Бразилии принят закон о медиации, существенно расширено применение закона об арбитраже (третейское разбирательство). Кроме того, значимым в данном контексте является нормотворчество Национального Совета юстиции (Conselho Nacional de Justiça) – созданного в 2004 г. государственного органа, целью которого является улучшение работы бразильской судебной системы, в основном в отношении административного и процессуального контроля и прозрачности; прежде всего – концептуальная Резолюция № 125/2010, подготовившая основу указанных нормативных изменений. С технической и организационной точки зрения, примечательны, соответственно, принятие в 2006 г. специализированного закона о применении электронных процедур в различных видах процесса, в 2014 г. – закона о правилах в Интернете, в 2022 г. – внесение законопроекта о регулировании цифровых платформ (продолжает обсуждаться), а также создание с 2014 г. сети так называемых Судебных центров по разрешению конфликтов – организаций, занимающихся разрешением споров на основе процедур посред-

ничества и медиации (в настоящее время их более 1000, притом, что судебных органов основного звена существует 14 877 [6, р. 234]). С содержательной точки зрения, нельзя не упомянуть также и определенную жесткость бразильского законодательства в отношении ответственности платформ: Бразилия – единственная страна в Латинской Америке, принявшая всеобъемлющий режим ответственности посредников, хоть он и заключается лишь в исполнении решений суда (нормы об этом были признаны соответствующими Конституции; тем не менее, и внутри страны, и за ее пределами подобное регулирование обсуждается исключительно дискуссионно в свете ряда событий – например, блокировки соцсетей глобального масштаба).

В целом, действующее бразильское законодательство предусматривает широкие возможности для использования цифрового посредничества, переговоров и медиации, как в связи с разбирательством дела, находящегося на рассмотрении в суде (в частности, согласно ст. 334 ГПК), так и в качестве самостоятельного внесудебного механизма разрешения споров (посредством Интернета или иных средств связи, допускающих дистанционное взаимодействие сторон). Состав медиабельных категорий споров также достаточно обширен – к ним, в частности, относятся и споры публично-правового характера из административных правоотношений, и уголовные дела некоторых категорий (где онлайн-разбирательство, безусловно, применимо частично). Более того, есть и определенные механизмы экономического воздействия на участников конфликта: при отказе от участия в процедуре, предлагаемой по инициативе оппонента (даже если это не предусмотрено договором), сторона, даже при условии последующего выигрыша спора, должна оплатить 50 % судебных издержек (в том числе на оплату услуг представителя). Довольно серьезный импульс развитию онлайн-разрешения споров в Бразилии был придан и в период пандемии коронавируса, преодоленной в стране исключительно тяжело, что сказалось и на работе судебной системы.

Существующие в Бразилии онлайн-платформы практики электронных переговоров и электронного посредничества в первую очередь сосредоточены на разрешении конфликтов, связанных с потребительскими спорами (преимущественно в сфере электронной коммерции, в том числе и трансграничного характера). При этом, примечательны отличия наиболее крупных платформ: «Reclame Aqui» ориентирована на взаимодействие обычных граждан, «Sem Processo» – профессиональных юристов, «Dra. Luzia» (исходно предоставляющая технологическую поддержку юридической работы) достаточно амбициозно позиционирует себя как ориентированная на глобальный приоритет в возможности составления юридических документов посредством задействования искусственного интеллекта [5, р. 24]; эта же платформа, наряду с несколькими узкоспециализированными, предлагает и проведение электронной медиации. Последние упомянутые платформы могут генерировать по итогам переговоров обязательный титул, при необходимости приводимый в исполнение судом по аналогии с решением. Стоит отметить, что фактором роста популярности использования именно внесудебного разрешения споров посредством подобных платформ является отсутствие в Бразилии общих стандартов данных относительно систем, видов документов, баз данных, веб-сайтов в судах (соответствующие электронные ресурсы поддерживаются в отдельности каждым государственным судом; возможность подачи исков в электронной форме существует с 2012 г.). К числу факторов развития соответствующих практик в отдельных областях относится, в частности, отсутствие в Бразилии инвестиционного арбитража (страна не ратифици-

ровала Вашингтонскую конвенцию по урегулированию инвестиционных споров 1965 г. (наряду с Россией, Индией, ЮАР), равно как и соглашения о защите и поощрении инвестиций, подписанные в 1990-х гг.), а также традиционно положительное восприятие бразильскими судами принципа «Kompetenz-Kompetenz» (третейский суд уполномочен оценивать свою собственную юрисдикцию).

Оценивая рассмотренный бразильский опыт в сравнительно-правовом контексте, следует отметить, что внедрение соответствующих механизмов пока развивается в определенной мере асимметрично. Так, при сопоставлении с другими странами «ядра» БРИКС, обращает на себя внимание достаточно быстрое развитие специализированного законодательства об альтернативных средствах урегулирования споров (в частности, медиации), а также институционализация сопутствующих организационных структур; в то же время, наблюдается взвешенный подход к вопросам расширения специализированного регулирования цифровых платформ (в отношении чего можно привести определенную параллель с ЮАР [1]) и отставание в разрезе создания общей технологической инфраструктуры электронного правосудия (в особенности в сравнении с Россией и Китаем), а также сопутствующей специализации судебной системы (в отношении чего примечательна, прежде всего, китайская практика функционирования специализированных институтов для разрешения споров в цифровой среде: создание с 2017 г. специализированных судов по Интернет-спорам в Ханчжоу, Пекине, Гуанчжоу [4, с. 78]). В то же время, отмеченные положительные аспекты развития бразильского законодательства могут быть распространены на международном уровне, в частности в пространстве объединения БРИКС, которое предоставляет широкие возможности для выстраивания эффективного международного взаимодействия благодаря созданным механизмам многостороннего сотрудничества.

Результаты

В целом, и для Бразилии, и для России эволюция практики онлайн-разрешения споров выступает исключительно значимой для совершенствования механизмов защиты прав вообще, что обусловлено не только широким задействованием альтернативных методов на фоне фрагментарности имеющегося регулирования (как материально-, так и, в особенности – процессуально-правового), но и спецификой сложного – смешанного, частично алгоритмизированного – характера средств, применяемых в данной сфере. В данном контексте, в условиях пробельности специального регулирования одним из направлений законодательной новеллизации выступает акцент на формировании экспериментальных правовых режимов, в том числе – в рамках цифровых платформ. В то же время, любое опережающее развитие в данной сфере с неизбежностью сталкивается с лимитирующими факторами не только юридического, но и социально-экономического (характерные для обеих стран дисбалансы регионального развития, показатели «цифрового разрыва»), и технического свойства – что касается и сложностей алгоритмизации оценочных условий, переменных факторов, и разработки новых механизмов защиты прав. Во всяком случае, применительно к России речь идет и о дополнении существующего в процессуальных кодексах перечня альтернативных средств разрешения споров (за счет ODR), и о совершенствовании регламентации института доказательств и доказывания, и о гармонизации соответствующих процессуальных положений различных отраслей. Наконец, следует подчеркнуть и то, что развитие альтернативных средств разрешения споров не является самоцелью – с неизбежностью, каждая из систем сохранит опреде-

ленные достоинства и недостатки, а в ряде случаев обращение к «классическим» формам защиты прав останется более эффективным; важно помнить о том, что объективные различия рассматриваемых систем должны сохраняться, их развитие – подчиняться своим закономерностям, ведь некритическое заимствование практик друг друга, в конечном счете, способно нивелировать все преимущества, опосредуемые гибкостью и доступностью соответствующих альтернатив.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Игнатов, А. А. Регулирование цифровых платформ в БРИКС: приоритеты и опыт ЮАР // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 2. С. 161–182.
2. Пипия, Л. К., Дорогокупец В. С. Цифровая трансформация в Бразилии: возможности и задачи // Наука за рубежом. 2022. № 105. URL: https://www.issras.ru/global_science_review/Nauka_za_rubejom_n105.pdf (дата обращения 05.11.2024).
3. Попова, И. М. Регулирование цифровых платформ в Бразилии: политический контекст согласования новых законов / И. М. Попова // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 2. С. 93–109.
4. Слеженков, В. В. Электронное правосудие в свете развития средств «умного регулирования»: сравнительный анализ практики России и Китая / В. В. Слеженков, Я. В. Трофимов // Вестник Евразийской академии административных наук. 2021. № 4 (57). С. 77–80.
5. Fernandes, R. V. de C., Rule C., Ono T. T., Cardoso G. E. C. The expansion of online dispute resolution in Brazil // International Journal for Court Administration. 2018. № 9 (2). P. 20–30.
6. Wrasse, H. P., Spengler, F. M. Online dispute resolution mechanisms in Brazilian law // Revista Direitos Fundamentais & Democracia. 2023. № 28 (2). P. 227–252.
7. Zanferdini, F. de A. M., Oliveira, R. T. de. Pluralismo jurídico, tecnologia e a resolução online de conflitos // Revista da Faculdade de Direito da UFG. 2019. V. 43. P. 1–12.

REFERENCES

1. Ignatov, A. A. Regulirovaniye tsifrovyykh platform v BRIKS: priority i opyt YUAR // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy. 2024. T. 19. № 2. P. 161–182.
2. Pipiya, L. K., Dorogokupets, V. S. Tsifrovaya transformatsiya v Brazili: vozmozhnosti i zadachi // Nauka za rubezhom. 2022. № 105 URL: https://www.issras.ru/global_science_review/Nauka_za_rubejom_n105.pdf (data obrashcheniya 05.11.2024).
3. Popova, I. M. Regulirovaniye tsifrovyykh platform v Brazili: politicheskiy kontekst soglasovaniya novykh zakonov // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy. 2024. T. 19. № 2. P. 93–109.
4. Slezhenkov, V. V., Trofimov, YA. V. Elektronnoye pravosudiye v svete razvitiya sredstv «umnogo regulirovaniya»: sravnitel'nyy analiz praktiki Rossii i Kitaya // Vestnik Yevraziyskoy akademii administrativnykh nauk. 2021. № 4 (57). P. 77–80.
5. Fernandes, R. V. de C., Rule, C., Ono, T. T., Cardoso, G. E. C. The expansion of online dispute resolution in Brazil // International Journal for Court Administration. 2018. № 9 (2). P. 20–30.
6. Wrasse, H. P., Spengler, F. M. Online dispute resolution mechanisms in Brazilian law // Revista Direitos Fundamentais & Democracia. 2023. № 28 (2). P. 227–252.
7. Zanferdini, F. de A. M., Oliveira, R. T. de. Pluralismo jurídico, tecnologia e a resolução online de conflitos // Revista da Faculdade de Direito da UFG. 2019. V. 43. P. 1–12.

Информация об авторе

Владимир Владимирович Слеженков, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, slezhenkov@yandex.ru, SPIN-код: 9271-7113, AuthorID: 617716.

Information about the author

Vladimir V. Slezhenkov, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, slezhenkov@yandex.ru, SPIN-code: 9271-7113, AuthorID: 617716.

Для цитирования: Слеженков В. В. Цифровая трансформация альтернативного разрешения споров в странах БРИКС: опыт Бразилии и возможности его актуализации // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 4 (14). С. 89–95.
URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N4.pdf

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

УДК 343.1

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ НОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Сергей Сергеевич Сарсенгалиев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Реформирование порядка апелляционного производства, как показало время, не завершилось принятием ФЗ-433 от 29.12.2010 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации», практически широко внедрившим апелляцию как форму юридико-фактической проверки приговоров и иных решений, постановленных по первой инстанции всеми судами страны. Со времени принятия названного закона законодатель продолжал вносить изменения и дополнения в гл. 45.1 УПК РФ «Производство в суде апелляционной инстанции». Последнее изменение состоялось по Федеральному закону от 29.12.2022 № 608-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Данным законом в ст. 389.13 УПК РФ были введены новые части 4.1 и 4.2, положения которых актуализируют проблему определения модели современной апелляции в ключе вопроса о том, относится ли она к полной или к неполной апелляции. Для ответа на этот вопрос требуется анализ нормативного регулирования порядка исследования как тех доказательств, на которых был основан обжалуемый судебный акт, так и новых доказательств, на исследовании которых настаивает заинтересованная сторона дела, обратившаяся с апелляционной жалобой или представлением на не вступившие в законную силу приговор или иное судебное решение суда первой инстанции.

Методы. Использовались такие общенаучные методы, как анализ и синтез, индукция и дедукция, а из числа специальных методов правового исследования – формально-юридический метод, из числа эмпирических методов – исследование документов, то есть опубликованных судебных решений судов апелляционной инстанции.

Анализ. Проведенный анализ норм гл.45.1 УПК РФ, в том числе нормативных положений ч.ч. 4.1 и ч.4.2 ст.389.13 УПК РФ, а также складывающейся практики судов второй инстанции позволили выявить суть велений нормативных положений ч.ч. 4.1 и ч. 4.2 ст. 389.13 УПК РФ, а также соответствие им складывающейся судебной практики.

Результаты. В результате проведенного исследования сформулирован вывод о том, что современное нормативное регулирование апелляционного производства по уголовным делам формирует смешанную модель апелляции, включающей в себя элементы полной и неполной апелляции. Проведенное исследование позволило установить неполноту нормативного регулирования порядка разрешения судом второй инстанции ходатайства стороны-апеллянта об исследовании новых доказательств, что ограничивает право последней на судебную защиту. В этой связи предлагается дополнить ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ положением, устанавливающим обязанность суда второй инстанции мотивировать свои решения о признании неуважительными причин, по которым сторона не смогла своевременно заявить в суд первой инстанции ходатайство о приобщении и исследовании такого доказательства или о производстве того или иного судебно-следственного действия, в результате которого такое доказательство могло быть получено и исследовано в целях установления обстоятельств уголовного дела.

Ключевые слова: Апелляционная инстанция, новые доказательства, полная форма апелляции, судебное усмотрение, проблема субъективизма, невозможность исследования доказательства.

UDC 343.1

TO THE ISSUE OF RESEARCH OF NEW EVIDENCE IN THE COURT OF APPEAL INSTANCE

Sergey S. Sarsengaliev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. As time has shown, the reform of the appellate procedure did not end with the adoption of Federal Law No. 433 of December 29, 2010 «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Recognizing as Invalid Certain Legislative Acts (Provisions of Legislative Acts) of the Russian Federation», which practically widely introduced an appeal as a form of legal and factual verification of sentences and other decisions rendered at first instance by all courts of the country. Since the adoption of this law, the legislator has continued to make amendments and additions to Chapter 45.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation «Proceedings in the Court of Appeal». The latest change took place according to Federal Law No. 608-FZ of December 29, 2022 «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». This law in Art. 389.13 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation introduced new parts 4.1 and 4.2, the provisions of which actualize the problem of determining the model of a modern appeal in the key to the question of whether it refers to a full or an incomplete appeal. To answer this question, it is necessary to analyze the regulatory framework for the procedure for examining both the evidence on which the contested judicial act was based and new evidence, on the examination of which the interested party to the case insists, who filed an appeal or representation against a sentence or other judicial decision of the court of first instance that has not entered into legal force.

Methods. Such general scientific methods as analysis and synthesis, induction and deduction were used, and from among the special methods of legal research – the formal-legal method, from among the empirical methods – the study of documents, that is, published judicial decisions of the courts of appeal.

Analysis. The conducted analysis of the norms of Chapter 45.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, including the regulatory provisions of Part 4.1 and part 4.2 of Art. 389.13 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as the emerging practice of the second instance courts, made it possible to identify the essence of the dictates of the regulatory provisions of Parts 4.1 and Part 4.2 of Art. 389.13 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as their compliance with the emerging judicial practice.

Results. As a result of the conducted study, a conclusion was formulated that the modern regulatory framework for appellate proceedings in criminal cases forms a mixed model of appeal, which includes elements of a full and incomplete appeal. The conducted study made it possible to establish the incompleteness of the regulatory framework for the procedure for resolving the appellant's motion to examine new evidence by the second instance court, which limits the latter's right to judicial protection. In this regard, it is proposed to supplement Part 6.1 of Art. 389.13 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation by a provision establishing the obligation of the court of second instance to motivate its decisions on recognizing as disrespectful the reasons why a party was unable to timely file a motion with the court of first instance for the inclusion and examination of such evidence or for the performance of one or another judicial investigative action as a result of which such evidence could have been obtained and examined for the purpose of establishing the circumstances of the criminal case.

Keywords: Appellate instance, new evidence, full form of appeal, judicial discretion, problem of subjectivity, impossibility of examining evidence.

Сущностью апелляционного процесса является проверка законности, обоснованности и справедливости приговора, а также законности и обоснованности иных решений суда первой инстанции, не вступивших в законную силу. В теории уголовного процесса различают несколько форм таковой проверки, то есть выделяют полную, неполную и смешанную апелляции. Различие между этими формами заключается в порядке проведения апелляционного судебного разбирательства. Так полная апелляция предполагает проведение судебного разбирательства с повторным исследованием доказательств, на которых был основан обжалованный приговор, а также изучение так называемых «новых доказательств», то есть тех, что не были предметом внимания суда первой инстанции. Иначе говоря, в полной апелляции судебное разбирательство по проверке обжалованного судебного акта реализуется с проведением судебного следствия, где проводится доказывание, то есть собирание и проверка доказательств в целях оценки правомерности выводов суда первой инстанции по вопросам факта – обстоятельствам уголовного дела. При неполной же апелляции судебное следствие в виде собирания и проверки доказательств посредством судебно-следственных действий (допросов, назначения и производства судебных экспертиз и других) не проводится. Это не означает, что не исследуются доказательства, на которых основан вывод суда первой инстанции по вопросам факта – обстоятельствам дела. На самом деле при неполной апелляции изучаются материалы уголовного дела, включая протокол судебного разбирательства суда первой ин-

станции, который отражает ход доказывания и действия всех участвующих в деле лиц. Смешанная апелляция, соответственно, сочетает в себе элементы полной и неполной апелляции причем вариативно, то есть в зависимости от выраженной позиции сторон о необходимости исследования доказательств, а также вида обжалуемого судебного акта – итоговый ли он или промежуточный (п. 53.2 и п. 53.3 ст. 5 УПК РФ).

Именно форма смешанной апелляции присуща, как думается, современному российскому уголовному процессу. Это видится из новелл, которые Федеральным законом от 29.12.2022 № 608-ФЗ были внесены в ст. 389.13 УПК РФ. Так, названным законом ст. 389.13 УПК РФ была дополнена новыми частями, а именно частью 4.1 и частью 4.2 [12].

Из новых положений ч. 4.2, внесенных в указанную статью, вытекает, что суд апелляционной инстанции по ходатайству заинтересованной стороны проводит судебное следствие с производством тех или иных судебно-следственных действий, например, допроса свидетелей, ранее дававших показания в судебном разбирательстве суда первой инстанции. Суд второй инстанции также проводит судебное следствие, если сторона ходатайствует об исследовании новых доказательств, под которыми понимаются те сведения об обстоятельствах дела, которые судом первой инстанции не исследовались. Последнее нормативное положение о новых доказательствах до внесения изменений Федеральным законом от 29.12.2022 № 608-ФЗ уже содержалось в нормах гл. 45.1 УПК РФ в виде ч. 1.1 ст. 389.6 и ч.ч. 6 и 6.1 ст. 389.13 УПК РФ. Правила рассмотрения ходатайства стороны об исследовании новых доказательств остались неизменными: в суде второй инстанции заинтересованная сторона должна обосновать, почему она своевременно, то есть на момент производства по делу в суде первой инстанции, не предоставила это доказательство (если это был, например, документ) либо не заявляла ходатайство о допросе новых свидетелей, то есть тех, чьи показания не были проверены и оценены органом предварительного следствия. Но даже при заявлении такого ходатайства суд апелляционной инстанции может удовлетворить его только в случае, если заинтересованное лицо обоснует, что не смогло своевременно обратиться в суд первой инстанции по поводу этих доказательств «по причинам, не зависящим от него» (ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ). Но этого само по себе недостаточно, надо, чтобы суд апелляционной инстанции признал эти причины уважительными. Иначе говоря, заявление стороной подобного ходатайства автоматически не влечет обязанность суда апелляционной инстанции приступить к исследованию подобных новых доказательств. По этому поводу авторы (А. Р. Махмудова, Б. И. Ясыбаев, Р. Н. Нурмухаметов) указывают на отсутствие внятных критериев оценки обоснованности принятия новых доказательств судом апелляционной инстанции, вследствие чего, при решении данного вопроса определяющее значение имеет субъективный фактор, т.е. внутреннее убеждение судьи, что, по его мнению, препятствует формированию единообразной судебной практики [9, с. 24].

Возвращаясь к новеллам Федерального закона от 29.12.2022 № 608-ФЗ, отметим, что суд апелляционной инстанции при проверке итоговых судебных актов суда первой инстанции (приговор, определение или постановление о прекращении уголовного дела) может провести практически новое судебное разбирательство, если об этом будет заявлено ходатайство подавшей апелляционную жалобу или представление стороны дела. Таким образом получается, что для этого необходимо, во-первых, чтобы обжаловалось именно итоговое судебное решение, а во-вторых, чтобы было заявлено соответствующее ходатайство. Но надо при-

знать, что в этом вопросе суд апелляционной инстанции может проявить и собственную инициативу (ч. 4.2 ст. 389.13 УПК РФ). Вариативно суд апелляционной инстанции вправе провести проверку такого итогового судебного акта (приговора, постановления или определения о прекращении уголовного дела) в режиме неполной апелляции, то есть без проведения судебно-следственных действий. Однако, это возможно лишь при согласии сторон.

М. А. Боженков усматривает определенное противоречие между возможностью суда апелляционной инстанции полностью пересматривать материалы уголовного дела и ограничением по части представления новых доказательств [5, с. 46]. Действительно, в таком случае институт апелляционного обжалования приобретает характер т.н. «квазиполной» апелляции, поскольку закон, давая возможность заново исследовать все обстоятельства дела в суде второй инстанции и, соответственно, проверить доказательства, которые были уже положены в основу приговора в суде первой инстанции, ограничивает сторону, заявившую ходатайство об исследовании новых доказательств, требованием обосновывать уважительность причин, по которой эти доказательства не были рассмотрены в ранее состоявшемся судебном разбирательстве суда первой инстанции.

Надо отметить, что по правилам новой ч. 4.1 ст. 389.13 УПК РФ проверка промежуточных решений суда первой инстанции может быть произведена только в режиме неполной апелляции, что означает, что заинтересованная сторона, обратившаяся с соответствующей апелляционной жалобой или представлением в принципе не может настаивать на том, чтобы проводились какие-либо судебно-следственные действия. Иначе говоря, проверка законности и обоснованности обжалованного промежуточного решения суда первой инстанции происходит исключительно по материалам уголовного дела, что значительно ускоряет рассмотрение апелляционной жалобы или представления.

В целом по нормам ст. 389.13 УПК РФ сложившийся порядок апелляционного судебного разбирательства позволяет заключить, что законодатель выстроил модель смешанной формы апелляции. Установление такой смешанной формы апелляции в российском уголовном процессе достаточно сильно критикуется некоторыми исследователями. Например, А. Д. Назаров и А. Г. Трофимик выступают сторонниками построения модели российской апелляции по немецкому пути, то есть апелляция должна быть полной, а ограничения относительно предоставления доказательств следует отменить [10, с. 34].

Некоторые авторы не видят проблемы в установленном законодателем ограничении в части представления новых доказательств в суде апелляционной инстанции (ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ). Так, И. В. Килина рассматривает данную норму только в качестве стимулирующего фактора для участников производства не «придерживать» доказательства для проверочных инстанций [8, с. 136].

Так, судебной практике известен случай, когда суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении ходатайства стороны защиты об исследовании нового доказательства, а именно документа, который был составлен после постановления приговора и, соответственно, заинтересованная сторона своевременно не могла получить его в свое распоряжение [1]. Апелляционный суд отказал в удовлетворении данного ходатайства стороны, мотивировав свою позицию тем, что «приемлемость нового доказательства определяется не датой формирования документа, а временем возникновения информированности об обстоятельствах, удостоверяемых доказательством» [1]. Как видится из текста апелляционного определения, об-

стоятельства, которых касалось доказательство (которое сторона защиты считала новым), были предметом внимания суда первой инстанции и получили его правовую оценку. Получилось, что суд апелляционной инстанции не усмотрел необходимости в исследовании нового доказательства, поскольку выводы суда первой инстанции относительно фактических обстоятельств, которых касалось это доказательство-документ, не вызывали сомнения у суда второй инстанции. По сути, суд второй инстанции «ушел» от оценки уважительности причин несвоевременного предоставления стороной в суд первой инстанции данного доказательства, используя полномочия, предоставленные ему ч.ч. 1 и 2 ст. 271 УПК РФ. Указанные нормы разрешение такого рода ходатайств оставляют на усмотрение суда, на что прямо указано в ч. 6 ст. 389.13 УПК РФ. Но данные положения, как думается, не согласуются с нормами ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ, требующей от суда второй инстанции оценки исключительно уважительности причин несвоевременного представления доказательства в суд первой инстанции. Полагаем, что суду второй инстанции вначале надо разрешать вопрос об уважительности таких причин, а уж затем исследовать новое доказательство на предмет относимости к рассматриваемому делу и допустимости. Собственно, судя по материалам правоприменительной практики, так и поступают по общему правилу суды апелляционной инстанции: в первую очередь они оценивают возможность представления соответствующего доказательства при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции [3], а затем суды оценивают влияние этого доказательства на исход дела [1].

Так, Верховный суд Республики Дагестан в Апелляционном постановлении от 13.02.2020 N 22к-343/2020 согласился с доводами стороны о том, что доказательство, которое она просит исследовать в суде апелляционной инстанции, поступило в ее распоряжение после постановления приговора [2]. Иными словами, суд апелляционной инстанции, основываясь на нормах ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ, признал уважительными причины для обращения с таким доказательством в суд второй инстанции.

Думается, что оценка судом второй инстанции уважительности причин несвоевременного предоставления в суд первой инстанции того или иного доказательства должна быть обязательной. Кроме этого, подобная оценка причин должна быть мотивированной, то есть суд не должен ограничиваться констатацией их уважительности или неуважительности. Такой подход вытекает из ч. 4 ст. 7 УПК РФ, посвященной принципу законности и устанавливающей, что определения суда и постановления судьи должны быть не только законными и обоснованными, но и мотивированными. Тем не менее, не было бы лишним дополнить ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ положением следующего содержания: «Признавая эти причины неуважительными, суд апелляционной инстанции приводит данные, послужившие основанием для такой оценки».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 10.11.2020 по делу N 55-538/2020 // СПС КонсультантПлюс.
2. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 13.02.2020 N 22к-343/2020 // СПС КонсультантПлюс.
3. Апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 28.11.2019 по делу N 22-5272/2019 // СПС КонсультантПлюс.

4. Апелляционное постановление Псковского областного суда от 29.06.2022 N 22-399/2022 // СПС КонсультантПлюс.
5. Боженов, М. А. Пределы рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции в гражданском судопроизводстве / М. А. Боженов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 6–2. С. 45–47.
6. Золотков, В. М. Сущность апелляционного производства по уголовным делам / В. М. Золотков // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. 2020. № 4. С. 93–97.
7. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20.02.2024 N 77-572/2024 // СПС КонсультантПлюс.
8. Килина, И. В. Разрешение судом апелляционной инстанции вопроса об освобождении от уголовной ответственности по альтернативным основаниям / И. В. Килина // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 9. С. 131–140.
9. Махмудова, А. Р. Проблемы использования новых доказательств в суде апелляционной инстанции / А. Р. Махмудова, Б. И. Ясыбаев, Р. Н. Нурмухаметов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5–3. С. 22–25.
10. Назаров, А. Д. Перспективы модернизации апелляционного производства в уголовном процессе России: анализ зарубежного опыта / А. Д. Назаров, А.Г. Трофимик // Юридический вестник Самарского университета. 2023. № 1. С. 28–36.
11. Рос. газета. 2010. 31 дек.
12. Рос. газета. 2023. 10 янв.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // СЗ РФ. 2001. N 52 (ч. I). Ст. 4921.

REFERENCES

1. Apellyatsionnoe opredelenie Vtorogo apellyatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 10.11.2020 po delu N 55-538/2020 // SPS Konsul'tantPlyus.
2. Apellyatsionnoe postanovlenie Verkhovnogo suda Respubliki Dagestan ot 13.02.2020 N 22k-343/2020 // SPS Konsul'tantPlyus.
3. Apellyatsionnoe postanovlenie Volgogradskogo oblastnogo suda ot 28.11.2019 po delu N 22-5272/2019 // SPS Konsul'tantPlyus.
4. Apellyatsionnoe postanovlenie Pskovskogo oblastnogo suda ot 29.06.2022 N 22-399/2022 // SPS Konsul'tantPlyus.
5. Bozhenov, M. A. Predely rassmotreniya dela v sude apellyatsionnoy instantsii v grahdanskom sudoproizvodstve // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2022. № 6–2. S. 45–47.
6. Zolotkov, V. M. Sushchnost' apellyatsionnogo proizvodstva po ugovolnym delam // Noveye impul'sy razvitiya: voprosy nauchnykh issledovaniy. 2020. № 4. S. 93–97.
7. Kassatsionnoe opredelenie Sed'mogo kassatsionnogo suda obshchey yurisdiktsii ot 20.02.2024 N 77-572/2024 // SPS Konsul'tantPlyus.
8. Kilina, I. V. Razreshenie sudom apellyatsionnoy instantsii voprosa ob osvobozhdenii ot ugovolnoy otvetstvennosti po al'ternativnym osnovaniyam // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. 2023. № 9. S. 131–140.

9. Makhmudova, A. R. Problemy ispol'zovaniya novykh dokazatel'stv v sude apellyatsionnoy instantsii / A. R. Makhmudova, B. I. Yasybaev, R. N. Nurmukhametov // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2024. № 5–3. S. 22–25.

10. Nazarov, A. D. Perspektivy modernizatsii apellyatsionnogo proizvodstva v ugovnom protsesse Rossii: analiz zarubezhnogo opyta / A. D. Nazarov, A. G. Trofimik // Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta. 2023. № 1. S. 28–36.

11. Ros. gazeta. 2010. 31 dek.

12. Ros. gazeta. 2023. 10 yanv.

13. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 N 174-FZ (red. ot 29.05.2024; s izm. i dop., vstup. v silu s 01.07.2024) // SZ RF. 2001. N 52 (ch. I). St. 4921.

Информация об авторе

Сергей Сергеевич Сарсенгалиев, аспирант 2 года обучения кафедры «Процессуальное право и криминалистика», ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» (ВолГУ), просп. Университетский, 100, 400062, г. Волгоград, Российская Федерация, shift.axe@gmail.com

Information about the Author

Sergey S. Sarsengaliev, 2nd year postgraduate student, Department of Procedural Law and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, shift.axe@gmail.com

Для цитирования: Сарсенгалиев С. С. К вопросу об исследовании новых доказательств в суде апелляционной инстанции // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 4 (14). С. 96–103. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N4.pdf

Сетевое издание

**ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИКИ
И ПРАВА**

№ 4(14) 2024

Дата выхода в свет:
23 декабря 2024 года

Периодичность выпуска 4 номера в год.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Перепечатка из СМИ (средство массовой информации)
«Парадигмы управления, экономики и права»
категорически запрещена без оформления договора
в соответствии с действующим законодательством РФ

Главный редактор *А. И. Бардаков*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Адрес редакции и издателя:
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400066, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. им. Гагарина, д. 8.
400078, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Герцена, 10